МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ПОЛОЖЕНІЯ РУССКОЙ ПЕЧАТИ

Выпускъ I.

Изданіе „Союза русскихъ соціальдемократовъ“

ЖЕНЕВА
Типографія „Союза Русскихъ Соціальдемократовъ“.
1898

„Пров 38“
„Пров 49“

Библиотека
Коммунистической
Академии
1140
V 31

ОГЛАВЛЕНІЕ

I Введеніе. Два періода исторіи русской цензуры въ XIX в. — Цензурное законодательство Александровской эпохи. — Положеніе провинціальной печати послѣ изданія закона 6 апрѣля 1865 года. — Цензура въ послѣдній годъ царствованія Александра II. 1

II. Цензура въ первые мѣсяцы послѣ 1-го Марта . . . 44

III. Цензурные циркуляры съ начала 1882 г. до смерти императора Александра III. 60

VI. Развитіе цензурнаго законодательства въ царствованіе Александра III. Административныя кары, налагавшіяся на періодическія изданія въ 1882—1894 гг. 75

V. Цензура въ царствованіе Николая II. Заключеніе . . 88

Добавленія. 99

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНІЕ

Два періода исторіи русской цензуры въ XIX в. — Цензурное законодательство Александровской эпохи. — Положеніе провинціальной печати послѣ изданія закона 6 апрѣла 1865 г. — Цензура въ послѣдній годъ царствованія Александра II.

§ I.

«Наконецъ-то сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ее напишемъ; сегодня мы не обязаны сообразоваться со вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ „господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ". Сегодня кошмаръ въ образѣ цензора не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо, и мы получимъ неслыханное, невиданное право: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ природнымъ голосомъ»...

Такими восторженными словами, такими радужными надеждами встрѣтилъ И. С. Аксаковъ въ своей газетѣ „День" цензурную реформу 1865 г. Подобныя же привѣтствія новому закону раздавались и на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей", редактировавшихся страстнымъ поклонникомъ свободы печати, М. Н. Катковымъ, и „Голоса", издававшагося ветераномъ русской журналистики А. А. Краевскимъ, и „С. Петербургскихъ Вѣдомостей" В. Ѳ. Корша, и остальныхъ русскихъ газетъ и журналовъ[1]).

Съ тѣхъ поръ много воды утекло. М. Н. Катковъ изъ страстнаго бойца за свободу печати обратился въ не менѣе страстнаго ея врага, И. С. Аксаковъ окончательно забылъ

[1]) См. Гр. Джаншіевъ „Эпоха великихъ реформъ", 6-ое изданіе. Москва. 1896 г. стр. 349—356.

свой природный голосъ и научился говорить фистулой. Въ то-же время кошмаръ въ образѣ цензора попрежнему сталъ давить умъ, мѣшать работѣ, спирать духъ каждаго писателя. Самъ Аксаковъ какъ будто предвидѣлъ возможность такого поворота, когда говорилъ: „Мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась русская печать. Къ тому же это старое еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное: напротивъ того, оно живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами“[2]).

Въ теченіе XIX-го вѣка, начиная со вступленія на престолъ императора Александра I и до трагической смерти Александра II, русская цензура и вмѣстѣ съ нею русская печать пережили два періода. Въ первый изъ нихъ задача цензуры была не препятствовать литературѣ обсуждать тѣ вопросы, которые считаются изъятыми изъ ея вѣдѣнія, не карать ее за нарушеніе указанныхъ для нея границъ, не оберегать правительственную власть отъ злостной критики со стороны печати, или лучше сказать, не *только* препятствовать, не *только* оберегать, не *только* карать. Ея обязанность была гораздо шире, она должна „принимать мѣры къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“, она должна была заботиться о томъ, чтобы литература „содѣйствовала развитію нравственности, благочестія и патріотизма въ народѣ“, (именно нравственности, благочестія и патріотизма, какъ ихъ понимали „господа, команду на шлагбаумахъ имѣющіе“). „За то, — какъ гласилъ циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія цензурѣ (1847)— особливой внимательности (съ ея стороны) требуетъ стремленіе нѣкоторыхъ авторовъ къ возбужденію въ читающей публикѣ необузданныхъ порывовъ патріотизма, общаго или провинціальнаго, стремленіе, становящееся иногда если не опаснымъ, то, по крайней мѣрѣ, неблагоразумнымъ по тѣмъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ имѣть“. Цензура должна была слѣдить за чистотою слога русскихъ писателей. Короче, она должна была, какъ гласила ст. 2 Цензурнаго устава 1804 года, не только „удалить книги и сочиненія, противныя нравственности, но (и это гораздо важнѣе) доставить обществу книги и сочиненія, способствующія къ истинному просвѣщенію ума и образованію нравовъ“ или, по еще болѣе сильнымъ словамъ Устава

1826 г., заботиться „о наукахъ и воспитаніи юношества“ и о „направленіи общественнаго мнѣнія согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства“.

Въ виду подобныхъ задачъ цензура запрещала въ этотъ періодъ извѣстную балладу „Замокъ Смальгольмъ“, мотивируя свое рѣшеніе отсутствіемъ въ ней „нравственной и вообще полезной цѣли“ и даже ея темнотой и незанимательностью. Тогда же въ замѣткѣ о дороговизнѣ извощиковъ видѣли „косвенныя укоризны начальству“, опасныя тѣмъ, что „онѣ преданы на общій приговоръ публики; допустивъ же единожды сему начало, говорилось въ предписаніи, данномъ по этому поводу министромъ народнаго просвѣщенія цензурнымъ комитетамъ, послѣ весьма трудно будетъ опредѣлить, на какихъ именно предѣлахъ должна останавливаться такая литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства“[3]).

Казалось бы, что тамъ, гдѣ цензурѣ поставлены подобныя задачи, тамъ нѣтъ мѣста литературѣ. Однако, именно въ этотъ періодъ писались смѣлыя статьи Бѣлинскаго, сатиры Гоголя, первыя произведенія Герцена, впослѣдствіи запрещенныя и до нынѣ частью находящіяся подъ спудомъ. Во всѣхъ нихъ несомнѣнно совершалась „литературная расправа въ предметахъ общественнаго устройства“, расправа, дѣйствительно повредшая къ паденію самихъ основъ тогдашняго общественнаго устройства; тѣмъ не менѣе эти произведенія проскальзывали чрезъ Ковдинское ущелье цензуры. Другими словами, литература съумѣла до нѣкоторой степени приспособиться къ цензурѣ. Въ ней выработался тотъ эзоповъ языкъ, который и по нынѣ служитъ отличительной чертой русской литературы; она научилась говорить между

[3]) Конечно, и въ эпоху императора Николая I въ отношеніяхъ правительства къ литературѣ кое-гдѣ, кое-когда, слабо и робко прорывались нотки, какъ будто дающія право заподозрить, что само правительство считаетъ опеку надъ литературой излишней и готово ограничиться полицейской властью надъ ней. Такъ въ Цензурномъ Уставѣ 1828 года постановлено, что „цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно не вредно, и не должна исправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію“. Но всѣ подобныя начала парализовались противоположными постановленіями того-же Устава и на практикѣ не имѣли никакого значенія (Скабичевскій, стр. 221 и слѣд.).

строчками и пріучила читателей читать между ними. Существовали и другіе пути къ той-же цѣли. Журналисты иногда приглашали цензоровъ къ себѣ на домъ и за карточнымъ столомъ подсовывали имъ статьи для подписи; имъ случалось дѣйствовать на цензоровъ черезъ ихъ болѣе или менѣе подкупныхъ любимцевъ, иногда чрезъ кухарокъ, умѣвшихъ искуснымъ подборомъ кушаній приводить цензоровъ въ благодушное настроеніе[4]).

Періодъ „крѣпостного состоянія" русской литературы кончился и смѣнился періодомъ состоянія „временно обязаннаго"; вотчинный характеръ отношеній правительства къ литературѣ уступилъ мѣсто отношеніямъ чисто полицейскимъ[5]). Правительство признало за печатью самостоятельныя права и обязанности, взглянуло на нее, какъ на силу, въ общемъ полезную, однако, способную уклоняться въ сторону отъ своей прямой задачи и дѣлаться вредною. Только вслѣдствіе „господствующей въ обществѣ болѣзненной чувствительности ко всему печатному, которая не могла бы вынести свободнаго голоса печатнаго слова"[6]), свобода печати признана пока „несвоевременной". Какъ переходная мѣра учреждена предварительная и карательная цензура; вторая была

[4]) Всѣ эти факты заимствованы изъ извѣстной книги А. М. Скабичевскаго „Очерки Исторіи Русской Цензуры". С.-Петербургъ. 1892 г. (стр. 298, 374 и др.). Въ высшей степени интересной книгѣ этой приведено множество чрезвычайно характерныхъ фактовъ, по временамъ вызывающихъ у читателя неудержимый смѣхъ надъ глупостью цензоровъ; но за этимъ видимымъ міру смѣхомъ ясно слышатся „невидимыя міру слезы" почтеннаго автора, даже въ этой самой книгѣ не избѣжавшаго цензурныхъ воздѣйствій. Такъ изъ нея вырѣзаны и перепечатаны по предписанію цензуры стр. 85 — 86, 335 — 348, 407 — 410. Большая часть подвергшихся запрещенію мѣстъ была впрочемъ раньше напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ". На указанныхъ стр. 335—348 была первоначально разсказана исторія дѣла Петрашевскаго, но изъ этого разсказа не уцѣлѣла ни одна строка: только на стр. 335 на него указываетъ случайно сохранившаяся фраза: „мы уже видѣли выше, что слѣдствіе по дѣлу Петрашевскаго раскрыло продажу въ большомъ количествѣ книжными магазинами запрещенныхъ цензурою книгъ". „Выше" мы не видѣли ничего, кромѣ того, что цензура и въ 1892 г. не желаетъ дозволить ни одного слова о страшномъ актѣ беззаконія и насилія, совершенномъ правительствомъ въ 1848 г. Въ 1883 г. она была нѣсколько снисходительнѣе: все вырѣзанное изъ книги мѣсто было свободно пропущено въ „Отечественныхъ Запискахъ" (№ 11 стр. 45—56).

[5]) Эта терминологія принадлежитъ профессору И. Я. Фойницкому въ статьѣ: „Моменты исторіи законодательства печати", помѣщенной въ Сборникѣ Государственныхъ Знаній, т. II СПБ. 1875 г. стр. 336, 396—399 и др.

[6]) Выраженіе Всеподданнѣйшаго Доклада Министра Народнаго Просвѣщенія Головина отъ 10 декабря 1862 г., приведенное у Фойницкаго, стр. 336.

построена на новыхъ въ Россіи началахъ, заимствованныхъ изъ наполеоновской Франціи. На обязанности цензора лежитъ уже отнынѣ не направлять литературу, а только предупреждать ее отъ совершенія и карать за совершенныя преступленія. За литературой признано право обсуждать и финансы, и законодательство, только не взывая къ прямому неповиновенію законамъ. Объ ограниченіи права литературной критики не можетъ быть болѣе и рѣчи. Цензура ставится въ тѣсную связь, а отчасти и въ зависимость отъ суда, хотя и сохраняетъ во многомъ свое прежнее положеніе.

Въ связи съ такимъ измѣненіемъ задачъ цензуры измѣнился и ея составъ. Прежде на должности цензоровъ назначались по преимуществу профессора университетовъ, конечно, обладавшіе достаточными „цензорскими способностями“ и проявлявшіе необходимое рвеніе въ исполненіи своихъ обязанностей; занятіе литературой, вообще для чиновниковъ предосудительное, не считалось нисколько несовмѣстимымъ съ должностью цензора. Теперь, напротивъ, профессоровъ и литераторовъ смѣнили самые обычные чиновники, и законъ даже прямо запретилъ имъ участіе въ редакціи періодическихъ изданій (ст. 25 Цензурнаго Устава изд. 1890 г.).

Нѣтъ никакой возможности, конечно, указать, хотя бы приблизительно, хронологическую дату и какое либо историческое событіе, стоящее на рубежѣ этихъ періодовъ. Такимъ событіемъ не была смерть императора Николая I. Напротивъ императоръ Александръ II вступилъ на престолъ съ недовѣріемъ къ литературѣ, съ боязнью передъ печатнымъ словомъ[7]). Еще въ 1859 году былъ учрежденъ особый негласный „комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“, на обязанность котораго было возложено „принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы“ и „надзоръ за направленіемъ литературы“[8]).

Но время властно предъявляло свои требованія, и правительству пришлось пойти на серьезныя уступки. Онѣ вызывались прежде всего реформами въ другихъ областяхъ. Крестьянская, судебная и земская реформы создали массу общественныхъ потребностей, удовлетворять которымъ канцелярскими собираніями свѣдѣній и отписками оказалось невоз-

[7]) Много фактовъ, доказывающихъ это, приведено въ Дневникѣ цензора Никитенко.

[8]) Скабичевскій, стр. 441.

можнымъ. „Законовѣдѣніе", сообщаемое прежними юридическими факультетами, оказалось недостаточнымъ для дѣятелей новыхъ судовъ: имъ была нужна наука права, а эта послѣдняя, какъ и всѣ другія науки, не могла развиваться при полномъ отсутствіи простора. Удовлетворять новымъ общественнымъ потребностямъ взялась заграничная печать; появилось на свѣтъ за границей довольно много русскихъ книгъ и возникло нѣсколько заграничныхъ органовъ. Изъ нихъ „Полярная Звѣзда", „Колоколъ" и нѣкоторыя отдѣльныя брошюры Герцена своимъ страшнымъ распространеніемъ, своею доступностью для всѣхъ и каждаго, казалось, издѣвались надъ архаическими постановленіями Цензурнаго Устава 1828 г., безсильно красовавшимися своими угловатыми литерами на пожелтѣвшихъ страницахъ неуклюжаго свода законовъ 1857 года. Возникновеніе и распространеніе этой печати было второй важной причиной, побудившей правительство къ пересмотру Устава, совершенно не соотвѣтствовавшаго духу времени. Въ докладныхъ запискахъ о преобразованіи цензурнаго вѣдомства, поданныхъ въ началѣ 60-хъ годовъ въ министерство народнаго просвѣщенія, нерѣдко встрѣчается указаніе на необходимость бороться съ нелегальной печатью посредствомъ цензурной реформы[9]).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ съ начала управленія Головина министерствомъ просвѣщенія, т. е. съ конца 1861 г. цензура руководствовалась преимущественно, хотя и непослѣдовательно, полицейскими соображеніями, впрочемъ крайне суровыми. При Головинѣ, считавшемъ задачи цензуры несовмѣстимыми съ задачами народнаго просвѣщенія, цензура была передана въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ (1863 годъ), — однако и это событіе не кладетъ рѣзкой грани между двумя періодами, равно какъ не кладутъ ея „Временныя Правила о Цензурѣ и Печати 6 апрѣля 1865 г.", закрѣпившія законодательнымъ актомъ новый взглядъ на цензуру. Напротивъ, въ полтора десятилѣтія, послѣдовавшія за ними, цензурная практика, постоянно колеблющаяся, постоянно сбивавшаяся на старую дорогу, ясно свидѣтельствовала, какъ непрочно утвердился новый взглядъ, какъ могущественны въ правительствѣ тѣ вліянія, которыя хотѣли бы возвращенія временъ, когда за допущеніе къ печати излишне пылкаго стихотворенія „Красавицѣ" цензоръ попадалъ на гауптъ-вахту. И не смотря на все это, рѣзкая

[9]) Такова, напримѣръ, записка барона Медема, извлеченіе изъ которой см. у Скабичевскаго, стр. 461.

противоположность въ положеніи печати двухъ эпохъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ самые тяжкіе моменты второго періода литература могла вспоминать о времени императора Николая I не иначе, какъ съ ужасомъ и отвращеніемъ.

§ II.

Намъ не зачѣмъ здѣсь подробно останавливаться на изложеніи и разборѣ цензурнаго законодательства эпохи Александра II: это было уже сдѣлано много разъ и сдѣлано очень хорошо[10]). Мы отмѣтимъ только нѣкоторыя черты этого законодательства, имѣющія для насъ спеціальное значеніе.

„Временныя Правила о Цензурѣ и Печати 6 апрѣля 1865 г.", включенныя съ нѣкоторыми позднѣйшими наслоеніями въ продолженіи Свода Законовъ 1876 г., установили для литературы двоякій режимъ. Книги не менѣе опредѣленнаго размѣра (10 печатныхъ листовъ для оригинальныхъ произведеній и 20 — для переводовъ), издаваемыя въ столицахъ, а также періодическія изданія, получившія на то особое разрѣшеніе, которое на практикѣ давалось только столичнымъ изданіямъ, избавлены отъ предварительной цензуры[11]). Они поступаютъ въ цензуру уже послѣ отпечатанія, и цензура имѣетъ право ихъ задержать; по соглашенію съ авторомъ цензура вмѣсто уничтоженія всей книги можетъ

[10]) См. Джаншіевъ, I. с.—Головачевъ, „Десять лѣтъ реформъ". СПБ. 1871 г. Не лишенное достоинствъ изложеніе Цензурнаго Устава у Коркунова въ „Русскомъ Государственномъ Правѣ". т. I. Лучшій и самый обстоятельный критическій разборъ цензурнаго законодательства представляетъ докладная записка, приложенная къ петиціи русскихъ литераторовъ, поданной императору Николаю II въ началѣ 1895 г. Напечатана она въ брошюрѣ: „Ходатайство русскихъ литераторовъ объ облегченіи цензуры". London, Russian Free Press Fund. 1895.

[11]) Первый и донынѣ единственный случай разрѣшенія провинціальнаго періодическаго изданія безъ предварительной цензуры имѣлъ мѣсто въ 1895 г. въ Читѣ, гдѣ кол. совѣтнику Бадмаеву разрѣшено издавать 5 разъ въ недѣлю на русскомъ и монгольскомъ языкахъ газету „Жизнь на Восточной Окраинѣ". Программа этой газеты, однако, далеко не полная; ей не разрѣшены передовыя статьи общаго содержанія, есть только „руководящія статьи по вопросамъ, касающимся жизни восточной окраины"; но за то есть „житія святыхъ" и „свѣдѣнія, касающіяся Высочайшихъ особъ, придворныя торжества и проч." Для послѣднихъ двухъ отдѣловъ сохраняютъ силу, конечно, особыя цензурныя постановленія, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

ограничиться вырѣзкою нѣсколькихъ страницъ, которыя должны быть перепечатаны на счетъ автора или издателя. Но въ случаѣ, если такое соглашеніе не состоится, Главное Управленіе и даже цензурный комитетъ имѣетъ право „остановить выпускъ всего сочиненія, не иначе впрочемъ, какъ начавъ въ то-же время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго“[12]). Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право періодическимъ изданіямъ, освобожденнымъ отъ предварительной цензуры, давать предостереженія, при чемъ третье предостереженіе влечетъ за собой закрытіе журнала на срокъ не свыше 6 мѣсяцевъ; въ исключительныхъ случаяхъ министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ (послѣ 3 предостереженій) входить въ сенатъ съ представленіемъ о совершенномъ закрытіи журнала. Всѣ остальныя изданія подлежатъ предварительной цензурѣ, въ столицахъ и большихъ городахъ цензоровъ, въ остальныхъ мѣстахъ вице-губернаторовъ, или особо назначенныхъ чиновниковъ. Цензора обязаны смотрѣть за цензуруемымъ ими произведеніемъ или журналомъ и вымарывать все сколько нибудь предосудительное. Изъ этого логически слѣдуетъ, что изданіе, подлежащее предварительной цензурѣ, должно быть освобождено отъ какихъ бы то ни было административныхъ каръ. Однако, Цензурный Уставъ, противорѣча себѣ, установилъ для нихъ кару болѣе суровую, чѣмъ даже для изданій безцензурныхъ: именно, закрытіе распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ на срокъ до 8 мѣсяцевъ безъ предварительныхъ предостереженій. При этомъ министръ не обязанъ даже мотивировать своего рѣшенія[13]), тогда какъ, дѣлая предостереженіе органу безцензурному, онъ долженъ указать на статьи, подавшія къ этому поводъ. Сверхъ того, министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ въ видѣ кары запрещать журналамъ, какъ безцензурнымъ, такъ и подцензурнымъ, розничную продажу и печатаніе объявленій на срокъ не свыше 8 мѣсяцевъ, указаніе мотивовъ для подобнаго рѣшенія не обязательно[14]). Не смотря на созданную такимъ образомъ

[12]) Ст. 147 Цензурнаго Устава по изданію 1890 г. Мы вездѣ, гдѣ это можно, переводимъ нумерацію статей Временныхъ правилъ на нумерацію статей Цензурнаго Устава послѣдняго изданія.

[13]) Ст. 154.

[14]) Запрещеніе розничной продажи установлено было нѣсколько позднѣе, именно, въ 1868 году и предусматривается ст. 178 Цензурнаго Устава. Статья эта звучитъ очень неопредѣленно и лишь расширительное ея толкованіе дало возможность цензурѣ весьма широко примѣнять эту мѣру, какъ особую кару, на-

безграничную власть министерства въ наложеніи взысканій на безцензурныя изданія, взысканій столь суровыхъ, что ими ничего не стоитъ погубить самый прочный журналъ, самую распространенную газету, не смотря на это, всѣ подцензурныя изданія только и мечтаютъ о томъ, какъ бы освободиться отъ предварительной цензуры. Оно и понятно. Мало того, что они подвергаются произволу низшихъ чиновниковъ, вымарывающихъ изъ статей отдѣльныя фразы и отдѣльныя слова, мало того, что фактически имъ нѣтъ почти никакой возможности жаловаться ни на пристрастіе, ни на капризъ, ни на глупость, ни на невѣжество своего цензора. Цензоръ, задерживая статьи для ежедневныхъ изданій по суткамъ, вычеркивая отдѣльныя мѣста и требуя на вторичный просмотръ сдѣланныя въ нихъ исправленія, можетъ, вполнѣ оставаясь на законной почвѣ, погубить изморомъ самое благонамѣренное изданіе, особенно если въ городѣ есть одинъ или два конкурента, находящихся въ лучшихъ съ нимъ отношеніяхъ. Напротивъ, для изданій безцензурныхъ произволъ цензора замѣненъ произволомъ министра внутреннихъ дѣлъ, который уже благодаря своей высокопоставленности бываетъ обыкновенно болѣе независимъ отъ тѣхъ вліяній, какимъ подчиняется цензоръ. Кромѣ того, обязанность мотивировать свое рѣшеніе и огласка, связанная съ каждымъ предостереженіемъ, неизбѣжно является нѣкоторымъ, хотя и весьма недостаточнымъ ограниченіемъ произвола.

Въ примѣненіи къ періодическимъ изданіямъ права цензуры не ограничиваются, ни правомъ ареста книги, ни правомъ административныхъ каръ. У цензуры есть еще одно очень важное право. Всякій, желающій издавать въ свѣтъ періодическое изданіе, обязанъ испросить для этого разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго, гласитъ Цензурный Уставъ, „зависитъ дозволить выпускъ въ свѣтъ такого изданія или безъ цензуры, или подъ условіемъ предварительной цензуры“[15]). Изъ этого слѣдуетъ какъ будто, что министръ внутреннихъ дѣлъ не вправѣ отказать въ своемъ разрѣшеніи, но практика истолковала эту статью иначе. Послѣ того, какъ кто нибудь подастъ прошеніе о разрѣшеніи ему издавать газету или журналъ, начинаются справки о его благонамѣренности. Справки эти наводятся съ обычной канцелярской быстротой и вотъ черезъ 4 — 8

значаемую иногда на опредѣленный срокъ, иногда безсрочно. См. „Ходатайство литераторовъ“, стр. 24.

[15]) Ст. 117.

мѣсяцевъ, а иногда и дольше, проситель получаетъ отвѣтъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ отрицательный и при томъ обыкновенно ничѣмъ не мотивированный[16]), но иногда (весьма рѣдко) отказъ мотивируется, такъ, напримѣръ, въ 1896 г. было отказано въ открытіи газеты въ Тамбовѣ на основаніи отзыва мѣстной высшей власти, что для Тамбовской губерніи еще не назрѣла потребность въ изданіи частной газеты, и что мѣстныя „Губернскія Вѣдомости“ вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ населенія[17]). Поводомъ къ от-

[16]) Вотъ примѣръ обычной быстроты, съ какою постановляются цензурныя рѣшенія, разумѣется, если дѣло идетъ не о запрещеніи. На просьбу о разрѣшеніи передать газету „Сибирь“ въ другія руки, посланную по телеграфу въ концѣ 1874 года, отвѣтъ пришелъ по телеграфу же и послѣ телеграфическихъ справокъ (разумѣется на счетъ просителя) въ маѣ 1875 года. (См. „Порядокъ“, 1881 года, № 26). Еще гораздо медленнѣе наводятся справки, когда просятъ о новомъ изданіи.

[17]) См. „Русскія Вѣдомости“ 1896 годъ, № 96. „Мѣстная высшая власть“, т. е. губернаторъ баронъ Рокасовскій, вскорѣ послѣ этого отзыва былъ удаленъ отъ должности на основаніи Высочайшаго Указа, состоявшагося на основаніи рѣшенія сената, постановившаго даже предать его суду за поступки, „позорящіе власть“. Изъ этого постановленія ясно видны мотивы, побудившіе барона Рокасовскаго отказать въ разрѣшеніи газеты. Барона Рокасовскаго въ Тамбовѣ болѣе нѣтъ (вскорѣ послѣ увольненія онъ былъ вновь опредѣленъ на службу, на должность члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ), — но тѣмъ не менѣе нѣтъ и газеты. Черезъ годъ послѣ перваго фіаско своей попытки основать въ Тамбовѣ газету то же лицо (одинъ изъ мѣстныхъ присяжныхъ повѣренныхъ) повторило, какъ сообщаетъ „Новое Время“, свою попытку. „Какъ мы слышали“, говоритъ газета, „со стороны новаго губернатора это ходатайство встрѣчаетъ сочувственное отношеніе. Тамбовская губернія принадлежитъ къ числу самыхъ густо населенныхъ мѣстностей Россіи, по ней разбросано нѣсколько тысячъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, она прорѣзывается цѣлымъ рядомъ желѣзнодорожныхъ путей, вывозящихъ милліоны четвертей разныхъ хлѣбовъ изъ богатѣйшаго по плодородію почвы Тамбовскаго края. Уѣздные города Тамбовской губ. представляютъ изъ себя крупные центры съ высоко развитой экономической и торговой жизнію: Козловъ, Борисоглѣбскъ, Моршанскъ, Кирсановъ по скупкѣ и отправкѣ хлѣбныхъ грузовъ далеко оставляютъ за собой губернскій городъ; Липецкъ съ его минеральными водами, станціи Грязи, Токаревка, торгово-промышленное село Разсказово съ его нѣсколькими фабриками и заводами — все это крупные центры со множествомъ лицъ, занятыхъ торговлей, земледѣліемъ и профессіональнымъ трудомъ, нуждающіеся во всестороннемъ освѣщеніи мѣстныхъ нуждъ и вопросовъ. А такое освѣщеніе можетъ дать только печатный органъ, посвященный интересамъ мѣстнаго края. Отсутствіе печатнаго органа для громадной губерніи съ очень густой населенностью является полнымъ анахронизмомъ, если припомнить, что у насъ уѣздные города имѣютъ газеты, какъ, напримѣръ, Екатеринбургъ, Царицынъ. Что въ Тамбовской губерніи ощущается сильный запросъ на мѣстное печатное слово указываетъ и то обстоя-

казу служитъ иногда заявленіе мѣстныхъ цензоровъ, что они завалены работой и не могутъ взять на себя новой обязанности или отсутствіе въ данной мѣстности особаго цензора[18]).

тельство, что „Губернскія Вѣдомости“ имѣютъ, не смотря на скудость даваемаго ими матеріала, весьма значительное число необязательныхъ подписчиковъ, едва ли не превышающее число такъ называемыхъ обязательныхъ подписчиковъ, т. е. всевозможныхъ учрежденій губерніи. Хоть какая нибудь газетка, хоть какія нибудь мѣстныя извѣстія, но они стали насущной потребностью. Для частной тамбовской газеты почва несомнѣнно подготовлена“ (цитируемъ по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ 1897 года, № 25),—и не смотря на все это, газеты пока (мартъ 1897) нѣтъ. Очевидно, „сочувствіе“ губернатора не вліяетъ на канцелятскую быстроту. О томъ же самомъ см. еще „Вѣстникъ Европы“ 1896, № 5, стр. 432: „Судьба тамбовскаго ходатайства — не одиночное явленіе; такой же отказъ былъ данъ недавно и на просьбу о разрѣшеніи частной газеты въ Полтавѣ. Еще болѣе характеристично положеніе Харькова — университетскаго города и важнаго торгово-промышленнаго центра, съ 160 тысячами жителей, имѣющаго до сихъ поръ, кромѣ „Губернскихъ Вѣдомостей“, только одну газету, „Южный Край“, и напрасно въ продолженіе многихъ лѣтъ просящаго о дарованіи ему.... особаго цензора! Да, бываютъ случаи, когда немаловажнымъ благомъ представляется даже цензура, потому что тамъ, гдѣ ея нѣтъ, мѣстныя произведенія печати приходится посылать на просмотръ въ отдаленные пункты, обладающіе цензорами (изъ Харькова, напримѣръ,—въ столицы или въ Кіевъ)... Въ настоящее время въ Харьковѣ нѣсколько хорошихъ частныхъ типографій, которыя много разъ выражали готовность доставить, путемъ самообложенія, средства на содержаніе въ Харьковѣ отдѣльнаго цензора. Ходатайство типографій не разъ было поддержано губернскимъ земствомъ, но до сихъ поръ остается неудовлетвореннымъ“.

[18]) Многосложность и трудность цензорскихъ обязанностей ведетъ иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ и для изданій, уже существующихъ, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ особыхъ цензоровъ и ихъ функціи отправляютъ вице-губернаторы или чиновники особыхъ порученій, ибо они, оправдываясь болѣе важными съ ихъ точки зрѣнія дѣлами, задерживаютъ газетныя статьи, совершенно не соображаясь ни съ интересами газетъ, ни съ интересами публики. Поэтому возможны странные случаи, когда издатели газетъ подаютъ губернатору докладную записку съ просьбой возбудить передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство объ учрежденіи отдѣльнаго цензора или о назначеніи на эту должность лица, не обремененнаго другими служебными занятіями. Такой случай имѣлъ мѣсто въ 1896 г. въ Саратовѣ. Издатели „Саратовскаго Листка“, „Саратовскаго Дневника“ и „Саратовской Земской Недѣли“ подробно указали въ своей докладной запискѣ на неудобство того положенія, когда цензуровать изданія приглашается чиновникъ и безъ того обремененный обязанностями; часы для цензурованія не опредѣлены, а отъ этого неаккуратенъ и выходъ нумеровъ изданій; нерѣдко, —говорилось въ запискѣ,—цензорскіе листы получаются поздно ночью, работа сильно затрудняется. Въ виду этого издатели предлагали даже изъ средствъ своихъ изданій 600 рублей ежегодныхъ для прибавки къ казенному жалованью за цензорскій трудъ: это,—говорятъ они,—дастъ возможность поручить цензу-

Въ исторіи послѣднихъ 17 лѣтъ было только два момента, когда разрѣшенія на новыя изданія давались сравнительно легко, конечно, людямъ вполнѣ благонамѣреннымъ. Это былъ періодъ правленія Лорисъ-Меликова и затѣмъ вторая половина 1896 года. Въ промежутокъ между этими двумя періодами у министерства былъ принципъ не разрѣшать новыхъ журналовъ; никакая благонамѣренность не могла васъ гарантировать отъ того, что черезъ 6 мѣсяцевъ волокиты послѣ подачи вами прошенія вы получите отвѣтъ: министръ внутреннихъ дѣлъ рѣшилъ ходатайство отклонить. Для отвѣта противоположнаго нужно было пустить въ ходъ всѣ силы земли и неба, нужно было найти вліятельныя связи, нужно было проникнуть къ министру или главноуправляющему по Дѣламъ Печати и лично испросить у нихъ разрѣшеніе, конечно, предварительно подготовивъ почву; говорили даже (можетъ быть и не справедливо), что всего вѣрнѣе дать хорошую взятку одному вліятельному члену Главнаго Управленія.

А. Пороховщиковъ въ своей книгѣ: „Самодержавіе на Св. Руси наканунѣ XX в.“ (Типографія Брокгауза въ Лейпцигѣ, 1895 г., стр. 2) разсказываетъ, что при Толстомъ онъ просилъ разрѣшенія издавать въ Москвѣ газету. Кн. Долгоруковъ далъ отзывъ, что московская печать совершенно удовлетворяетъ потребностямъ населенія; поэтому онъ находитъ совершенно излишнимъ увеличеніе въ Москвѣ числа періодическихъ изданій. Пороховщиковъ получилъ отказъ, мотивированный нежеланіемъ правительства увеличивать число періодическихъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры.

Въ прошеніи о разрѣшеніи журнала должна быть выставлена программа изданія и, кромѣ издателя, долженъ быть указанъ редакторъ, должна быть указана типографія, въ которой будетъ печататься журналъ, должна быть соблюдена масса другихъ формальностей. Всѣ онѣ точно указаны въ законѣ и всѣ имѣютъ свое опредѣленное значеніе. Разрѣшеніе дается журналу съ опредѣленной программой и съ опредѣленнымъ отвѣтственнымъ редакторомъ. При разрѣшеніи министръ внутреннихъ дѣлъ не рѣдко позволяетъ себѣ измѣнить или сократить программу. Хотя иногда на

рованіе особому лицу, не нуждающемуся въ другой должности. Провинціальная газета, сообщавшая объ этомъ, прибавила, что мѣстный губернаторъ отнесся къ ходатайству сочувственно, но до сихъ поръ изъ этого сочувствія ничего не вышло („Русскія Вѣдомости“, 1896, № 200).

практикѣ дозволяются уклоненія отъ нея, но въ общемъ журналъ долженъ строго слѣдовать ей. Такъ напримѣръ, въ журналѣ „Новое Слово“ дозволены „легкія научныя статьи“, и вотъ у цензуры бываютъ постоянно пренирательства съ редакціей по вопросу о томъ, подходятъ ли ея статьи подъ эту формулу. Въ программѣ журнала „Русское Богатство“ до весны 1896 г. была только хроника внутренней жизни, но не было „Внутренняго обозрѣнія“, хотя врядъ ли кто-либо, не искусившійся въ цензурныхъ соображеніяхъ, съумѣетъ понять разницу между этими двумя терминами, но цензура ее понимала и запрещала статьи иногда не за ихъ содержаніе, а за ихъ формальное несоотвѣтствіе съ программой. Въ 1867 г. Московскому Юридическому Обществу было разрѣшено издавать журналъ „Юридическій Вѣстникъ“. Въ утвержденной программѣ значилось, что въ журналѣ будутъ помѣщаться изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ *разнымъ частямъ права,* преимущественно же гражданскаго и уголовнаго.

Редакція журнала руководилась тѣмъ мнѣніемъ, что органу Юридическаго Общества, состоящаго при университетѣ, область „права“ слѣдуетъ понимать согласно съ тѣмъ, какъ кругъ юридическихъ знаній понимался на юридическихъ факультетахъ университета, гдѣ въ числѣ обязательныхъ наукъ считается политическая экономія и статистика.

Въ 1883 г. при Обществѣ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, было учреждено особое Статистическое Отдѣленіе.

Въ 1887 г. министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ, однако, что журналъ съ каждымъ годомъ все болѣе уклоняется отъ своего назначенія. Согласно установленной программѣ это изданіе должно быть посвящено исключительно(?) обсужденію разныхъ вопросовъ *уголовнаго и гражданскаго* права, а между тѣмъ на его страницахъ безпрерывно появляются статьи, которыя ни съ юридическими науками, ни съ судопроизводствомъ не имѣютъ ничего общаго...

Разрѣшеніе дается на имя опредѣленнаго редактора, и каждый новый редакторъ нуждается въ новомъ утвержденіи. Цензура иногда пользуется этимъ, чтобы губить несимпатичные ей журналы, не прибѣгая къ формальному запрещенію. Такъ погибло „Дѣло“ послѣ смерти Благосвѣтлова. Редакторами были утверждены сперва Н. В. Шелгуновъ, потомъ К. М. Станюковичъ; но тотъ и другой были лишены своего права вслѣдствіе ареста и высылки изъ Петербурга. Тогда явилась надобность въ новомъ редакторѣ. Министер-

ство внутреннихъ дѣлъ утвердило въ началѣ 1884 года В. Острогорскаго, служащаго по министерству народнаго просвѣщенія, но начальство немедленно же поставило ему дилемму: или служить или редактировать, и г. Острогорскій предпочелъ, конечно, первое, и на третьей книжкѣ журналъ прекратился. Цензурѣ предлагали длинный рядъ кандидатовъ, вполнѣ благонамѣренныхъ, но она систематически отказывалась ихъ утверждать, пока, наконецъ, въ маѣ 1886 г. не согласилась на нѣкоего г. Дурново, который, выпустивъ нѣсколько книжекъ черезъ большіе промежутки времени, окончательно его погубилъ. Подобныхъ случаевъ въ исторіи цензурной практики было нѣсколько.

Такъ какъ политическая благонадежность рѣдко сочетается въ одномъ лицѣ съ литературными способностями и такъ какъ только первая обыкновенно даетъ право на редактированіе журнала, то во главѣ почти всѣхъ нашихъ изданій стоятъ лица, имѣющія весьма мало общаго съ литературой. „Новое Время“, фактически редактировавшееся съ 1876 г. г. А. С. Суворинымъ, украшается подписью г. Федорова, съ литературной стороны никому не извѣстнаго. Объясняется это тѣмъ, что въ то время, когда г. Суворинъ начиналъ свою газету, онъ не успѣлъ еще прославиться своей политической благонадежностью и долженъ былъ просить о разрѣшеніи газеты на имя подставного лица. Подписчики „Русскаго Богатства“, журнала, на страницахъ котораго появляются произведенія наиболѣе извѣстныхъ журналистовъ, съ изумленіемъ видятъ на его обложкѣ имена, совсѣмъ не знакомыя имъ Попова и Быкова. Подъ „Новымъ Словомъ“ стоитъ подпись А. Н. Попова. Если не ошибаемся, онъ дѣйстрительно принимаетъ участіе въ редактированіи журнала, но до февраля 1896 г. ему было разрѣшено подписываться только „за редактора“. Малѣйшее столкновеніе съ цензурой, — и цензура могла бы потребовать настоящаго редактора, и она же отказала бы въ его утвержденіи. И это все на строго законномъ основаніи.

Судя по рѣшительному заявленію г. Гайдебурова въ № 45 „Недѣли“ за 1896 г., что „непосредственно завѣдывать редакціей“ новой газеты „Русь“, имѣющей выходить съ 1 января 1897 г., будетъ онъ самъ, г. Гайдебуровъ, можно было заключить, что оффиціальный редакторъ ея, г. Кремлевъ, является тоже только подставнымъ лицомъ. Повидимому, столь категорическое заявленіе вызвало какія-то недоразумѣнія между Гайдебуровымъ и цензурой, потому что въ № 47 „Недѣли“ г. Гайдебурову пришлось уже дополнить свое за-

явленіе „Необходимымъ поясненіемъ“, не оставляющимъ сомнѣнія ни въ истинномъ характерѣ отношеній между г-мъ Гайдебуровымъ и Кремлевымъ, ни въ болѣе или менѣе принудительномъ появленіи замѣтки. „Въ дополненіе къ моему сообщенію въ № 45, говорилъ г. Гайдебуровъ. считаю необходимымъ заявить, что исправляющимъ должность отвѣтственнаго редактора этой газеты состоитъ присяжный повѣренный А. Н. Кремлевъ, и что такимъ образомъ мое заявленіе, что „непосредственно завѣдывать редакціей «Руси», какъ по прежнему и редакціей «Недѣли», буду я самъ, слѣдуетъ понимать отнюдь не въ смыслѣ личнаго моего редактированія новой газеты, а лишь въ смыслѣ того вниманія, которое я буду ей удѣлять“.

И на этотъ разъ, — какъ это бываетъ почти всегда, — отношенія между дѣйствительнымъ редакторомъ и лицомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ литературой, лишь вслѣдствіе своей благонадежности получившимъ право получать жалованье за свою подпись — оказались весьма затруднительными, — и вотъ уже въ серединѣ января 1897 г. дѣло дошло до третейскаго суда между ними[19]); вмѣсто г-на Кремлева подъ газетой временно разрѣшено подписываться „за редактора“ г. Вишневскому, а еще черезъ двѣ недѣли газета „временно прекратилась“. Между тѣмъ она была обезпечена и достаточными денежными капиталами, и несомнѣнными литературными силами. Повидимому такимъ же подставнымъ лицомъ служилъ редакторъ „Луча“ г-нъ Чуйко — на этотъ разъ, впрочемъ, несомнѣнный литераторъ; и вотъ въ январѣ 1897 г. только что основавшаяся газета должна была прекратиться, вѣроятно, вслѣдствіе несогласія съ нимъ; пришлось искать новаго, достаточно благонадежнаго редактора и хлопотать о его утвержденіи. Хлопоты на этотъ разъ, вопреки обыкновенію, увѣнчались достаточно быстрымъ успѣхомъ.

Благонамѣренность рѣдко сочетается съ литературными способностями, но за то она сочетается съ крупными дарованіями въ иной области. Благодаря этимъ дарованіямъ гг. Трубникову и Баталину, тоже имѣющимъ весьма мало общаго съ литературой (хотя впрочемъ и не совершенно чуждымъ ей), удалось при помощи литературы составить себѣ даже довольно крупныя состоянія. Г. Баталинъ благодаря своимъ связямъ добился въ разное время разрѣшенія на изданіе 4 органовъ: „Минуты“, „Колосьевъ“, „Новаго Сло-

[19]) См. „Новости“ 1897. 18 января.

ва", „Утра". Получивъ разрѣшеніе, онъ издавалъ ихъ обыкновенно въ теченіе короткаго времени (исключеніе составляетъ „Минута") и затѣмъ продавалъ въ другія руки. Это не случилось пока съ „Утромъ", которое возникло только въ декабрѣ 1896 г., и уже, какъ говорятъ, ищетъ покупателя. Такимъ же точно литературнымъ аферистомъ является г-нъ Трубниковъ, основатель „Новаго Времени", „Биржевыхъ Вѣдомостей", „Русскаго Голоса" и „Міровыхъ Отголосковъ". И это все тоже на законномъ основаніи[20]).

На законномъ же основаніи нѣкто Андреевскій погубилъ кіевскую газету „Заря". Она была основана и редактировалась фактически г-мъ Кулишеромъ, а Андреевскій былъ ея отвѣтственнымъ редакторомъ. Когда газета, въ которую г. Кулишеръ вложилъ значительный капиталъ и еще болѣе значительный трудъ, начала приносить доходъ, Андреевскій началъ дѣлать набѣги на ея кассу. Отказывать ему не было никакой возможности, потому что въ противномъ случаѣ Андреевскій могъ отказать въ своей подписи и газетный нумеръ не могъ бы выйти въ свѣтъ. Утвержденіе новаго редактора потребовало бы мѣсяцевъ хлопотъ, которыя къ тому же могли и не увѣнчаться успѣхомъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы съ Андреевскимъ г-нъ Кулишеръ вынужденъ былъ отказаться отъ своей газеты, которая вскорѣ послѣ этого и погибла.

§ III.

Таково было положеніе періодической печати по закону 1865 г. Но для ея обуздыванія онъ оказался недостаточнымъ. Начиная съ 1866 г. послѣдовалъ длинный рядъ новеллъ и отдѣльныхъ распоряженій Главнаго Управленія, стѣснившихъ ее еще болѣе[21]). Законъ опредѣлялъ количество

[20]) Право сравнительно такъ легко получать разрѣшенія необходимо заработать, и оба названныя лица его дѣйствительно заработали. Такъ г. Трубниковъ въ 1880 г. выпустилъ въ свѣтъ брошюру: „Источники смуты и опоры крамолы". Въ ней онъ говоритъ между прочимъ: „Печать развращаетъ умы и чувства нашихъ женъ, дочерей, сыновей... Нужно, чтобы печать была закована въ наручники.... Жаль, что Управленіе по Дѣламъ Печати не усвоило такого взгляда на прессу" (см. „Отечественные Записки" 1880). Авторъ этой брошюры издаетъ нынѣ либеральную газету, откровенно стремящуюся подражать „Голосу", и во всякомъ случаѣ являющуюся сторонницей свободы печати. Такое явленіе совершенно неизбѣжно вытекаетъ изъ положенія русской печати.

[21]) Перечень и изложеніе ихъ см. у Джаншіева.

БИБЛ. КОММУНИСТ. АКАДЕМИИ

листовъ, избавлявшихъ книгу отъ предварительной цензуры. Главное Управленіе распоряженіемъ 1867 г. № 106 опредѣлило норму листа и самовольно, даже противозаконно, повысило количество листовъ, дающее это право, если книга напечатана въ форматѣ меньшемъ противъ нормы. Постановленіе это такъ и не прошло черезъ Государственный Совѣтъ, и читатель напрасно сталъ бы его искать въ Цензурномъ Уставѣ или другой части Свода Законовъ; тамъ онъ найдетъ только указаніе на число листовъ. Но пусть онъ не пробуетъ опираться на статью закона, если вздумаетъ издать книгу въ 10 печатныхъ листовъ небольшого формата, ибо распоряженія Главнаго Управленія могутъ отмѣнить законъ.

Еще важнѣе было постановленіе 1873 г., въ силу котораго министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено временно — однако безъ опредѣленія срока — запрещать „оглашеніе или обсужденіе въ печати какого либо вопроса государственной важности“, и за нарушеніе его предписаній прекращать журналы на срокъ до 3-хъ мѣсяцевъ. Это правило создавало для журналовъ безцензурныхъ нѣчто въ родѣ предварительной цензуры, возложенной на самихъ редакторовъ. Фактически это постановленіе приводится въ исполненіе слѣдующимъ образомъ. Въ редакцію полицейскій приноситъ предписаніе Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, въ которомъ оно извѣщаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ постановилъ на основаніи ст. 140 Цензурнаго Устава изъять изъ вѣдѣнія печати такой то вопросъ, даетъ прочитать это предписаніе, отбираетъ отъ редактора или издателя подписку въ томъ, что циркуляръ за № такимъ то ему объявленъ, и немедленно прячетъ его въ свой портфель. Въ виду этого редакція обязана хранить въ памяти безчисленное количество циркуляровъ за неопредѣленное число лѣтъ. Несмотря на „временный“ по закону характеръ циркуляровъ, срокъ дѣйствія ихъ не обозначается, циркуляры никогда не отмѣняются, и бывали случаи наказанія, наложеннаго на журналъ за несоблюденіе циркуляра, объявленнаго за $2^1/_2$ года передъ тѣмъ; нерѣдки даже случаи „напоминанія“ редакціямъ[22]).

[22]) Мы знаемъ только одинъ примѣръ циркуляра, срокъ дѣйствія котораго опредѣленъ въ немъ самомъ—это циркуляръ 1881 г. за № 3681, запрещающій на два мѣсяца печатаніе и даже перепечатаніе правительственныхъ распоряженій по еврейскому вопросу, и нѣсколько циркуляровъ, имѣющихъ условно срочный характеръ: запрещается печатать „до нѣкотораго времени“ (1885 № 3512), „впредь до полнаго выясненія этого дѣла“ (1889 годъ, № 3015); но число ихъ

Въ 1879 г. временными правилами, однако сохраняющими свою силу и понынѣ, право прекращать періодическія изданія было предоставлено генералъ-губернаторамъ.

Но, можетъ быть, всего важнѣе для дальнѣйшей судьбы русской печати было Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 7 августа 1872 г., которое уничтожило зависимость цензуры отъ суда, созданнаго Временными Правилами 1865 года, давшими печати, или по крайней мѣрѣ для одной ея части, подзаконное положеніе. Правда, цензура могла погубить журналъ, могла ограничить число изданій (что она и дѣлала), но совершенно зажать ротъ писателю она могла только съ разрѣшенія суда, правда, суда безъ присяжныхъ, суда, вооруженнаго весьма суровыми постановленіями, но все таки суда и слѣдовательно закона, ибо у писателя, лишеннаго административнымъ распоряженіемъ журнальнаго пристанища, всегда оставалось право апелировать къ публикѣ въ книгѣ. Съ 1866 по 1870 г. тянется длинный рядъ судебныхъ процессовъ противъ авторовъ, редакторовъ и издателей (наиболѣе извѣстны процессы Павленкова, издателя сочиненій Писарева, и П. А. Гайдебурова, издававшаго въ русскомъ переводѣ книгу Вундта „Душа человѣка и животныхъ“). И вотъ законъ 1872 г. внесъ въ Цензурный Уставъ ст. 149 и 151, которыми министру вн. дѣлъ предоставлено право съ согласія комитета министровъ задерживать и подвергать сожженію всякую книгу или № журнала, которые будутъ признаны вредными. „Если въ задержанномъ сочиненіи или нумерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то независимо отъ задержанія экземпляровъ подобныхъ изданій, можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ“.

Такимъ образомъ создано два режима: для случаевъ, когда

крайне ограничено. Единственный за 16-лѣтній періодъ (1881—1896 г.) случай отмѣны циркуляра будетъ упомянутъ въ главѣ III. Что само цензурное вѣдомство смотритъ на свои циркуляры вовсе не какъ на временные, доказывается тономъ многихъ изъ нихъ. Такъ напримѣръ, циркуляръ № 1190 1893 года гласитъ: „Распоряженіемъ 10 октября 1888 года предложено редакціямъ не оглашать въ печати отзывовъ, затрогивающихъ честь султана. . . . Не смотря на такое распоряженіе, въ газетахъ въ послѣднее время вновь начали появляться статьи противъ Абдулъ-Гамида.... Вслѣдствіе этого Главное Управленіе предупреждаетъ, что. . . . распоряженіе сохраняетъ свою силу“. Подобныхъ циркуляровъ довольно много; нѣкоторые подтверждаютъ такимъ же образомъ циркуляры, изданные за 10 лѣтъ передъ тѣмъ. — „Современныя Извѣстія“ 6-го апрѣля 1885 г. были пріостановлены на 1 мѣсяцъ за нарушеніе распоряженія отъ 29 октября 1882 г.

авторомъ совершено преступленіе — судъ; для случаевъ, когда на лицо нѣтъ никакого преступленія, но когда тѣмъ не менѣе министръ находитъ книгу „вредной", не будучи въ состояніи, однако, мотивировать свое убѣжденіе достаточно убѣдительными для суда доводами — простая административная кара. Литературные процессы прекратились.

Отнынѣ журналы, изъятые въ теоріи отъ предварительной цензуры, въ дѣйствительности ей подвергались. Фактически остались избавленными отъ нея только ежедневныя газеты, ибо онѣ доставляются въ цензуру одновременно съ приступомъ къ окончательному печатанію нумера, т. е. въ 3—4 часа ночи, когда самые рьяные цензора имѣютъ привычку спать. Тѣмъ не менѣе иногда случается, что цензура, замѣтивъ что-либо въ нумерѣ, успѣваетъ во время задержать его и не допустить до публики. Такъ случилось напр. съ однимъ № „Новаго Времени" въ началѣ 1894 г. Изданія же ежемѣсячныя поступаютъ въ цензуру за 4 дня до разсылки подписчикамъ, въ теченіи этихъ дней цензура можетъ на досугѣ прочитать и искромсать всю книгу: отдѣльныя книги — за 7 дней: эти сроки установлены тѣмъ же закономъ 1872 г. въ замѣнъ существовавшихъ раньше 2 и 3 дней. Если читатель будетъ внимательно проглядывать каждую книжку читаемаго имъ журнала, то онъ нерѣдко замѣтитъ вырѣзанныя и вклеенныя вновь страницы, напечатанныя обыкновенно другимъ шрифтомъ. Всего чаще случалось это въ послѣдніе годы съ „Русской Стариной" и „Вѣстникомъ Европы". Такъ напр. въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1890 г. не хватаетъ Внутренняго Обозрѣнія, и за страницей 829 немедленно слѣдуетъ страница 848. Еще замѣтнѣе сказались цензурныя ножницы въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1889 г.; тутъ въ содержаніи Внутренняго Обозрѣнія, напечатанномъ какъ въ Оглавленіи, такъ и въ его началѣ остался заголовокъ: Случай административнаго тѣлеснаго наказанія; но случая этого нѣтъ, ибо въ текстѣ за стр. 821 слѣдуетъ на обратной же сторонѣ стр. 824.

То же самое найдетъ онъ въ въ очень многихъ книгахъ. Въ книгѣ г. Скабичевскаго „Исторія Русской Цензуры" вырѣзано не мало страницъ (объ этомъ мы уже говорили выше въ примѣчаніи). Даже въ такой чисто научной книгѣ, какъ „Исторія Англійскаго народа" Грина (М. 1892), притомъ во 2-мъ т., трактующемъ о концѣ XIII и началѣ XIV вѣка, вырѣзаны страницы 69—84. Въ еще гораздо болѣе сухой книгѣ „О компромиссѣ" Джона Морлея (2 изд. Москва 1896) были вырѣзаны и перепечатаны стр. 159—160, на которыхъ

находилось ранѣе нѣсколько замѣчаній о религіи. Въ книгѣ г. Мельшина „Въ мірѣ отверженныхъ“ (С.Пб. 1896 г.) вырѣзаны и перепечатаны стр. 227—230, а также 285—292. Весьма часто также цензура сжигаетъ книгу цѣликомъ, и этой карѣ подвергаются иногда даже научныя работы по естествознанію[23]). Но что собственно въ глазахъ Цензурнаго

[23]) Геккель, Естественная исторія міротворенія, переводъ Герда, СПБ. 1872. Сожжено 1990 экз. Кромѣ Геккеля только въ 2 года (1871—1872) погибли:

Луи Бланъ, Исторія февральской революціи 1848 года, т I, изд. Гриднина, 3940 экз.

Боборыкинъ, Жертва вечерняя, романъ, 3000 экз.

Бутъ, Біографія Овэна, 2000 экз.

Бюхнеръ, Откуда мы, кто мы, куда мы? 4000 экз.

Верморель, Мара, другъ народа, 2025 экз.

Гарридо, Современная Испанія, 2000 экз.

Лекки, Исторія раціонализма, 2000 экз.

— Исторія нравственности, 1990 экз.

Дидро, Романы и повѣсти, переводъ Зайцева, изд. Неклюдова (впослѣдствіи товарища министра внутреннихъ дѣлъ), 2487 экз.

Кореневъ, Безъ языка, романъ, 975 экз.

Ланжале, Исторія революціи 18 марта, 2500 экз.

Лассаль, Сочиненія, т. II, 3000 экз. (Томъ I былъ выпущенъ въ свѣтъ; но впослѣдствіи цензура спохватилась и успѣла изъять изъ обращенія 10 экз., которые и были сожжены).

Писаревъ, Сочиненія, т. IV и т. VII, изд. 2, 3015 экз. (Ранѣе и позже эти сочиненія были дозволены).

Прянишниковъ, Лишеніе свободы, какъ исправительное наказаніе, 590 экз. (По всей вѣроятности сочиненіе чисто научное; на это указываетъ, помимо заглавія, число экземпляровъ).

Радищевъ, Сочиненія, изданныя подъ редакціей Ефремова, 1985 экз. (Впослѣдствіи, въ началѣ 1880 г., цензура по особому ходатайству разрѣшила г-ну Суворину напечатать сочиненія Радищева въ 100 экз., поставивъ условіемъ, чтобы продажная цѣна книги была не ниже 25 рублей).

Россель, Посмертныя записки, переводъ Павловскаго, 1990 экз.

Спенсеръ, Соціальная статика, 2990 экз.

Штраусъ, Вольтеръ, его жизнь и сочиненія, перев. Н. Страхова, 1350 экз.

Утловъ, Франція въ 1871 г., 1511 экз.

Флеровскій, Положеніе рабочаго класса въ Россіи, 2490 экз. (На сколько извѣстно, не незначительное количество экземпляровъ этой книги было спасено и поступило въ публику).

Швейцеръ, Люцинда, романъ, 199 экз.

Шеръ, Историческія характеристики, т. I, переводъ Антоновича, 1990 экз.

Азбука соціальныхъ наукъ, изд. Полякова. (Арестована по выходѣ въ свѣтъ по Высочайшему повелѣнію, изъясненному въ отношеніи Главному Управленію по Дѣламъ Печати отъ 1 ноября 1871 г. за № 4719).

Записки идеалистки между двумя революціями 1830 — 48, переводъ Цебриковой, 2000 экз.

Устава является запретнымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ статья 4.

Произведенія словесности, наукъ и искусствъ подвергаются запрещенію цензуры на основаніи правилъ сего Устава: 1) когда въ оныхъ содержится что либо клонящееся къ поколебанію ученія православной церкви, ея преданій и обрядовъ, или вообще истинъ и догматовъ христіанской вѣры; 2) когда въ оныхъ содержится что либо нарушающее неприкосновенность Верховной Самодержавной Власти, или уваженіе къ Императорскому Дому, и что либо противное кореннымъ государственнымъ постановленіямъ; 3) когда въ оныхъ оскорбляются добрые нравы и благопристойность, и 4) когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою.

Эта статья, уцѣлѣвшая съ 1838 г., есть единственная статья, имѣющая общій характеръ; она несомнѣнно должна быть примѣняема одинаково какъ къ книгамъ, такъ и газетамъ, какъ къ изданіямъ, издаваемымъ подъ предварительной цензурой, такъ и безъ нея. Очевидно, что она предоставляетъ печати весьма значительный просторъ; очевидно, что если бы цензура руководствовалась ею, то русская печать находилась бы въ положеніи нисколько не худшемъ, а можетъ быть и лучшемъ, чѣмъ напр., печать австрійская. Но въ разныхъ мѣстахъ Ценз. Устава заключаются постановленія, разъясняющія и пополняющія приведенную статью. Прежде всего мы тутъ находимъ раздѣленіе всѣхъ произведеній словесности, наукъ и искусствъ на спеціальныя ученыя разсужденія, на книги свыше 10 печатныхъ листовъ и на журналы, подписная цѣна коихъ съ пересылкою не менѣе 7 руб. въ годъ съ одной стороны, и на всѣ остальныя съ другой[24]). Первымъ дозволяются разсужденія „о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, написанныя то-

Изслѣдованіе по текущимъ вопросамъ. Типографія Нусвальта, 2591 экз.

Сборникъ разсказовъ въ стихахъ и прозѣ. СПБ. 1871 г. Типографія Катомина, 2000 экз.

Сборникъ 1871 г. Изданіе журн. Библіотека, 950 экз.

За полноту списка не ручаемся. Сожженіе книгъ въ большомъ количествѣ совершается изъ году въ годъ. Въ послѣднее время сожжены между прочимъ:

Лестеръ Уордъ, Соціальная динамика.

Елисѣевъ, Сочиненія.

Зингеръ и Офнеръ, Очерки соціальной юриспруденціи.

Летурно, Эволюція нравственности.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи экономическаго развитія Россіи 1895 г. и т. д. и т. д.

[24]) Статьи 140 и 156.

номъ приличнымъ предмету, и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ уже обнаружились на опытѣ", вторымъ они не дозволяются вовсе. Затѣмъ идетъ длинный рядъ „правилъ въ руководствѣ о цензурѣ". Таковы статьи:

93. Во всѣхъ вообще произведеніяхъ печати слѣдуетъ не допускать нарушенія должнаго уваженія къ ученію и обрядамъ христіанскихъ исповѣданій, охранять неприкосновенность Верховной Власти и ея атрибутовъ, уваженіе къ Особамъ Царствующаго Дома, непоколебимость основныхъ законовъ, народную нравственность, честь и домашнюю жизнь каждаго.

94. Цензура обязана отличать благонамѣренныя сужденія и умозрѣнія, основанныя на познаніи Бога, человѣка и природы, отъ дерзкихъ и буйственныхъ мудрованій, равно противныхъ истинной вѣрѣ и истинному любомудрію. Она должна при томъ различать творенія дидактическія и ученыя, назначаемыя для употребленія однихъ ученыхъ, съ книгами, издаваемыми для общенароднаго употребленія.

95. Не слѣдуетъ допускать къ печати сочиненій и статей, излагающихъ вредныя ученія соціализма и коммунизма, клонящіяся къ потрясенію или ниспроверженію существующаго порядка и къ водворенію анархіи.

96. Не допускаются къ печати статьи: 1) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому; 2) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы.

100. Не дозволяется распубликованіе по однимъ слухамъ предполагаемыхъ, будто бы, правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.

Къ этому нужно присоединить постановленія, находящіяся въ Улож. о Наказ. и другихъ частяхъ Свода Законовъ. Такъ напр., ст. 253 Улож. о Наказ. признаетъ государственною измѣною и караетъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и смертною казнью распространеніе въ Россіи во время войны возмутительныхъ манифестовъ непріятеля, а также утвержденіе въ распространяемыхъ сочиненіяхъ мнимыхъ правъ другой державы на какую либо часть областей имперіи.

Таковы (и это далеко не всѣ) постановленія нашего законодательства, стѣсняющаго свободу печати. Гораздо легче перечислить постановленія Ценз. Устава, ее ограждающія; сюда относятся ст. 103, 105—111, а также примѣчаніе къ ст. 1035 Улож. о Наказ. Этими статьями дозволяются историческія описанія и историчаскія разсужденія авторовъ, „если только сіи описанія и разсужденія не противны общимъ правиламъ", — очевидно тѣмъ правиламъ, о которыхъ рѣчь была выше (ст. 103).

107. Никакой чиновникъ не имѣетъ права, безъ дозволенія начальства, обнародовать дѣль и свѣдѣній ввѣренныхъ и извѣстныхъ

ему по службѣ; но всякое общее описаніе или свѣдѣніе касательно исторіи, географіи, статистики Россіи, дозволяется цензурою, если только изложено съ приличіемъ и безъ нарушенія общихъ цензурныхъ правилъ.

108. Всякія сужденія о предметахъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искусствамъ, какъ-то: о вновь выходящихъ книгахъ (не исключая изъ того и издаваемыхъ отъ казенныхъ мѣстъ сочиненій и статей, когда оныя собственно касаются наукъ, словесности, или художествъ), о представленіяхъ на публичныхъ театрахъ и о другихъ зрѣлищахъ, о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. под., дозволяются цензурою, если только сіи сужденія не противны общимъ ея правиламъ.

Столь же широки права, предоставленныя литературѣ и остальными изъ названныхъ статей. Такъ ст. 106 гласитъ, что

При разсматриваніи книгъ нравственнаго содержанія, цензура не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ; однако наблюдаетъ, чтобы въ сихъ словахъ или выраженіяхъ о предметахъ важныхъ и высокихъ упоминаемо было съ должнымъ уваженіемъ и приличіемъ.

Ст. 105 предписываетъ цензурѣ обращать особенное вниманіе на духъ разсматриваемой книги и за основаніе всегда принимать „явный смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія въ дурную сторону“. Статьи:

109. Цензура въ произведеніяхъ изящной словесности должна отличать безвредныя шутки отъ злонамѣреннаго искаженія истины и отъ существенныхъ оскорбленій нравственнаго приличія, и не требовать въ вымыслахъ той строгой точности, каковая свойственна описанію предметовъ высокихъ и сочиненіямъ важнымъ.

111. Цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или несправедливости частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; не можетъ входить въ сужденіе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочиненіе, буде только оно не вредно; и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію.

Дѣйствительное значеніе имѣетъ только примѣчаніе къ ст. 1035 Уложенія о Наказаніяхъ, предоставляющее литературѣ право критики „отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства“, а такъ-же „распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій“, при условіи не оспаривать обязательной силы законовъ и не возбуждать къ неповиновенію имъ[25]).

[25]) Статья эта первоначально находилась во Временныхъ Правилахъ 1865 г., откуда она перешла въ Цензурный Уставъ по продол. 1876 г. (ст. 91). Но въ 1883 г. она перенесена въ Уложеніе о Наказаніяхъ, гдѣ она, конечно, совсѣмъ не у мѣста, въ послѣдующихъ изданіяхъ Цензурнаго Устава (1886 и 1890 г.) она исключена.

Изъ этого, далеко не полнаго, перечня цензурныхъ постановленій, явствуетъ, что врядъ ли можно найти такое литературное произведеніе, которое нельзя было бы подвести подъ ту или другую запретительную статью Цензурнаго Устава и что, руководствуясь ими, можно, какъ говорилъ цензоръ Глинка про Цензурный Уставъ 1826 г., самое „Отче Нашъ“ истолковать якобинскимъ нарѣчіемъ. Правда, можно найти другія статьи, основываясь на которыхъ авторъ или редакторъ могъ бы, пожалуй отстаивать свои права. Такъ напримѣръ,— и это самое важное, онъ могъ бы возбудить вопросъ, для кого обязательны всѣ только что преведенныя постановленія Цензурнаго Устава? Для цензуры ли, разсматривающей произведенія, отданныя на ея предварительный просмотръ, или также для издателей и авторовъ произведеній, печатаемыхъ безъ предварительной цензуры? Цензура, если бы она считала нужнымъ входить въ какія-либо разсужденія съ авторами, была бы поставлена этимъ вопросомъ въ большое затрудненіе, ибо въ законѣ на него нигдѣ нѣтъ прямого отвѣта. Изъ сопоставленія указанныхъ статей съ другими, находящимися въ тѣхъ же отдѣлахъ Цензурнаго Устава, изъ выраженій „не слѣдуетъ допускать къ печати“, „не допускаются къ печати“, „при разсмотрѣніи сочиненій и т. д.“, изъ дѣленія произведеній по объему, потерявшемъ смыслъ послѣ 1865 г., и наконецъ изъ того факта, что всѣ указанныя статьи перешли почти безъ измѣненій въ новыя изданія изъ Цензурнаго Устава 1828 г., а во Временныхъ Правилахъ 1865 года нѣтъ о нихъ упоминанія,— изъ всего этого можно сдѣлать заключеніе, что для книгъ, издающихся безъ цензуры, онѣ не обязательны. Наконецъ, въ мотивахъ къ упомянутому выше закону 1872 г., вошедшихъ вмѣстѣ съ самимъ закономъ въ Полное Собраніе Законовъ, есть прямое указаніе на правильность подобнаго толкованія. Тамъ говорится:

„Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра Внутреннихъ Дѣлъ,.... принялъ во вниманіе, что на основаніи дѣйствующаго нынѣ закона 1865 года сочиненія, объемомъ... (выше нормы) въ обѣихъ столицахъ освобождены отъ предварительной цензуры, а затѣмъ пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь *карательной власти суда* въ предѣлахъ указанныхъ Общимъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона“, — постановилъ отмѣнить судебное производство для дѣлъ о нарушеніяхъ законовъ о печати, замѣнивъ его административнымъ произво-

ломъ. Но „предѣлы, указанные Уложеніемъ и особыми постановленіями Закона“ 1865 г. остались (въ теоріи) непоколебленными. Другими словами, для книгъ и журналовъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ, обязательно только Уложеніе о Наказаніяхъ, да общая статья 4 Цензурнаго Устава, да еще достаточно суровая статья 82, запрещающая печатать отчеты о засѣданіяхъ земствъ, думъ, дворянскихъ собраній иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернатора, и „вредное направленіе“, за которое ихъ можетъ постигнуть кара, состоитъ только въ неисполненіи этихъ законодательныхъ постановленій. Къ нимъ, правда, нужно прибавить весьма многочисленныя позднѣйшія узаконенія, значительно расширившія рамки „особыхъ постановленій упомянутаго закона“.

Но въ дѣйствительности дѣло стоитъ иначе. Въ то время, какъ статьи запретительныя имѣютъ санкцію въ дискреціонномъ правѣ цензуры, статьи, предоставляющія извѣстныя права писателямъ, не имѣютъ никакой санкціи: жаловаться на цензора онъ только можетъ въ Цензурный Комитетъ, на предостереженіе — никуда и никому, такъ-же какъ и на задержаніе книги или журнала. Ниже мы увидимъ ясныя доказательства того, что министерство внутреннихъ дѣлъ никогда не считало нужнымъ руководствоваться приведенными выше соображеніями. Оно совершенно забыло о томъ толкованіи закона, которое далъ когда то Государственный Совѣтъ, и распространило всѣ стѣснительныя постановленія на всѣ произведенія печати, и нерѣдко карало за ихъ нарушенія.

Но, конечно, въ еще худшемъ положеніи находится журналъ подцензурный: жаловаться можно на Цензурный Комитетъ въ Главное Управленіе по Дѣламъ Печати, на Главное Управленіе министру внутреннихъ дѣлъ, который въ своемъ рѣшеніи руководствуется докладомъ Совѣта Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати. Послѣ жалобы журналистъ остается въ полной власти своего цензора, даже въ томъ случаѣ, если жалоба его будетъ найдена вполнѣ уважительной. Но жалобы эти обставлены такими трудностями, что фактически онѣ почти никогда не приносятся.

Статьею 35 установлено единство цензуры; изъ нея выдѣлена только духовная цензура и цензура для произведеній, касающихся Его Императорскаго Величества и Особъ Императорской Фамиліи[26]). Въ полное противорѣчіе съ нею

[26]) Въ нашемъ изложеніи мы ограничиваемся общей (свѣтской) и при томъ

ст. 40, впервые включенная въ Цензурный Уставъ 1886 г. постановляетъ, что

Цензура медицинскихъ сочиненій, народныхъ лечебниковъ, поваренныхъ, кондитерскихъ и т. п. книгъ относится къ вѣдѣнію Медицинскаго Совѣта, состоящаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (ср. Учр. Мин., ст. 1332) (а). Правила о разсмотрѣніи и утвержденіи къ печатанію объявленій о продажѣ лекарствъ, о способахъ ихъ употребленія и о врачеваніи болѣзней изложены въ Уставѣ Врачебномъ.

А такъ-же ст. 41, постановляющая, что разсматриваніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстныя полицейскія начальства.

Сверхъ того есть ст. 113, которая гласитъ:

только внутренней цензурой, и совершенно не касаемся дѣятельности цензуры иностранной, равно какъ театральной и духовной. Между тѣмъ эта послѣдняя играла, особенно по временамъ, довольно крупную роль въ исторіи нашей свѣтской журналистики. Дѣло въ томъ, что ея вѣдѣнію подлежатъ далеко не одиѣ только „книги собственно духовнаго содержанія“ (ст. 31 Ценз. У.). Напротивъ, если „въ сочиненіи нравственномъ встрѣтятся мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры или къ Священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ оныя, отдѣльно отъ прочаго, на утвержденіе духовной цензуры и поступаетъ сообразно ея заключенію“ (ст. 32). Благодаря этому, духовная цензура считала себя въ правѣ требовать на свой предварительный просмотръ такія книги, какъ „Душа человѣка и животныхъ“ Вундта, „Исторія раціонализма въ Европѣ“ Лекки, и ихъ издатели (П. Гайдебуровъ и Поляковъ) попадали на скамью подсудимыхъ за то, что издавали эти книги безъ предварительной цензуры. Вторая изъ этихъ книгъ была запрещена именно духовной цензурой. (Замѣчательныя защитительныя рѣчи г-на Спасовича по этимъ двумъ процессамъ см. въ его „Сочиненіяхъ“, т. V, СПБ. 1894, стр. 3 — 16 и 201 — 223. Первый процессъ цѣликомъ напечатанъ также въ приложеніи къ 1-му изданію книги Вундта, СПБ. 1867 г.). Дѣятельность духовной цензуры опредѣляется статьями 214 — 302 Цензурнаго Устава, представляющими обломки Цензурнаго Устава 1828 года, пережившіе періодъ реформъ. Въ то время, когда для свѣтской цензуры постановлено, что она „не дѣлаетъ привязки къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ“ (ст. 106) и „не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи“ (ст. 111) въ то время духовная цензура руководствуется постановленіями такого рода:

260. Но сочиненія большія и малыя съ большими недостатками въ основательности мыслей, чистотѣ христіанскихъ чувствъ, оборотѣ слога, ясности и правильности изложенія, противны образованнымъ, безполезны необразованнымъ и вредны образующимся, и потому не должны быть одобряемы.

269. Переводы вообще не одобряются по важнымъ недостаткамъ изложенія, какъ-то: темнотѣ, погрѣшностямъ, нечистотѣ языка и безразсуднымъ опущеніямъ, нарушающимъ связь сочиненія.

Возможно, слѣдовательно, что книгу Лекки цензура запретила, найдя погрѣшности въ языкѣ перевода.

При цензированіи статей, касающихся частей: военной, судебной, финансовой и предметовъ вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Цензоры обязаны руководствоваться особо изданными наставленіями.

Особыя постановленія эти никогда не были опубликованы, но фактически, въ особенности въ провинціи, цензора обыкновенно посылаютъ всякую газетную замѣтку, касающуюся какого либо судебнаго процесса — къ прокурору, касающуюся финансовъ, войска или полиціи — къ соотвѣтственнымъ властямъ. Мы говорили уже о требованіи особой губернаторской цензуры для отчетовъ о засѣданіяхъ думъ и земствъ, (ст. 82), цензуры весьма затруднительной для органовъ, издающихся не въ той губерніи, гдѣ происходитъ описываемое засѣданіе.

И не смотря на все это, съ изданіемъ Временныхъ Правилъ 1865 года или нѣсколько раньше этого времени, для русской печати наступила новая эпоха.

Тутъ дѣло было не въ законахъ, а въ практикѣ. Законы давали неограниченный просторъ произволу властей, а на практикѣ требованія времени создавали этому произволу нѣкоторую узду.

§ IV.

Однако, новый періодъ наступилъ только для столичной печати; провинціальная осталась подъ дѣйствіемъ тѣхъ-же николаевскихъ законовъ и находилась подъ административнымъ, ничѣмъ не ограниченнымъ, кромѣ собственнаго произвола, воздѣйствіемъ различныхъ чиновниковъ: въ одномъ отношеніи положеніе было даже хуже. Прежде при ничтожномъ количествѣ печатныхъ органовъ и при томъ вниманіи, которое верховная власть удѣляла на каждый изъ нихъ, — всякое серьезное административное дѣйствіе исходило отъ нея или могло быть доведено до ея свѣдѣнія. Между тѣмъ теперь органы печати размножились не только въ столицахъ, но и въ провинціи, и каждый изъ нихъ находился подъ исключительнымъ, de facto безконтрольнымъ воздѣйствіемъ низшихъ чиновниковъ, очень часто лично заинтересованныхъ въ томъ, чтобы та или другая статья не прошла, чтобы тотъ или другой органъ погибъ. Такимъ образомъ, по существу положеніе громаднаго большинства русскихъ періодическихъ изданій въ 70-хъ годахъ было приблизительно то-же самое, что и въ 40-хъ годахъ, такимъ же оно осталось и въ 90-хъ годахъ. Конечно, „вѣянія“ отразились и

на нихъ, но гораздо слабѣе и позже, чѣмъ на сравнительно небольшомъ количествѣ изданій столичныхъ.

Въ 1878 г. въ Тифлисѣ издавалась газета „Обзоръ", одно изъ наиболѣе живыхъ провинціальныхъ изданій, когда-либо существовавшихъ въ Россіи. Въ двухъ №№ ея были помѣщены три статьи, цѣликомъ или отчасти запрещенныя цензоромъ г-мъ Сулейманомъ Ханомъ Меликъ-Меграбовымъ. За это редакторъ газеты, Н. Я. Николадзе, попалъ подъ судъ по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1029 Уложенія о Наказаніяхъ. Полный стенографическій отчетъ о разборѣ этого дѣла въ Тифлисскомъ Окружномъ Судѣ, потомъ въ Тифлисской Судебной Палатѣ, былъ напечатанъ особой книжкой подъ заглавіемъ: „Первый процессъ Обзора. Изданіе Центральной Книжной Торговли. Тифлисъ 1879 г." Основываясь на данныхъ этого процесса, мы набросаемъ здѣсь въ общихъ и по возможности краткихъ чертахъ положеніе провинціальной печати, съ замѣчательной яркостью вскрытое на судѣ въ талантливыхъ рѣчахъ подсудимаго и любопытныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ цензоровъ. Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если въ изложеніи процесса мы позволимъ себѣ нѣсколько выйти за предѣлы задачи: процессъ достаточно интересенъ для этого съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ частности съ одной, спеціально насъ здѣсь касающейся. На обратной сторонѣ титульнаго листа книги помѣчено: „Дозволено цензурою. Тифлисъ, 29-го мая 1879 г." Въ этой книжкѣ изложенъ только первый процессъ въ двухъ инстанціяхъ, а между тѣмъ дѣло имъ не закончилось. Приговоръ Палаты былъ кассированъ, преступленіе Николадзе разбиралось вторично. Сколько нибудь полнаго изложенія этого второго разбора мы не найдемъ нигдѣ въ печати, и не найдемъ, конечно, не потому, чтобы онъ не достаточно интересовалъ публику. Мало того. „Первый процессъ", давно ставшій библіографической рѣдкостью, не могъ бы теперь вновь пройти черезъ цензуру. Такимъ образомъ, этотъ незаконченный отчетъ служитъ однимъ изъ характерныхъ памятниковъ той сравнительной свободы, которою пользовалась наша печать въ 1879 году, какъ ни странно говорить о свободѣ въ виду тѣхъ стѣсненій, о которыхъ сейчасъ пойдетъ рѣчь.

Запрещенію Меликъ-Меграбова подверглись прежде всего нѣкоторыя мѣста въ фельетонѣ „Воскресныя бесѣды". Вотъ краткое содержаніе фельетона, выставленное въ его заголовкѣ:

«Мысли по поводу быстрой наживы благодаря войнѣ. — Легко ли наживать милліоны. — Типичная исторія одной наживы. — *Сколько собакъ* дворника приходится ласкать подрядчину. — Изъ чего состоятъ рубли нажитого милліона?»... и т. д. (Курсивомъ мы печатаемъ слова, подвергшіяся запрещенію цензора).

Фельетонъ начинается съ разсказа о томъ, какъ трудно было во время войны жаждущему наживы аферисту добиться какого нибудь подряда. «Подобно Молчалину вы осуждены ласкать и кормить».... «собаку дворника,—чтобы ласкова была».

«Всѣ пріемщики, надсмотрщики, смотрителя, столоначальники отдѣленій, etc., etc., — а имя имъ легіонъ легіоновъ—взираютъ на васъ съ сугубою пронзительностью. Вы всѣхъ ихъ должны *не только накормить, но и* обворожить, не только озолотить, но и привязать къ себѣ на вѣки. Вы должны узнать мельчайшія тайны каждаго изъ нихъ, познакомиться съ ихъ чувствительною стрункою, найти дорогу къ ихъ «неподкупности». *Не угодно ли прослѣдить, какіе вкусы у ихъ женъ, чего желаютъ ихъ любовницы, о чемъ мечтаютъ ихъ ребятишки, и не угодно ли обдумать, какъ и чѣмъ удовлетворить всѣ эти аппетиты*»...

О вашей же «неисправности» *гремятъ штабные, которыхъ вы считали удовлетворенными. О ней же изверглетъ перуны и начальникъ, даже онъ*.... Вы все это обязаны глотать. Въ смущеніи вы оглядываетесь по сторонамъ. Вотъ солдатъ, минуту тому назадъ проклинавшій вашу алчность, вытянулся какъ сухожиліе и отдалъ Богу душу, унеся съ собою жалобу на васъ.... *Всѣ безконечныя муки, съ рожденія доставшіяся въ удѣлъ этому безвѣстному насѣкомому жизни, все, что онъ перенесъ въ деревнѣ, въ карауль, въ походѣ, все это вылилось и отпечаталось въ его предсмертныхъ судорогахъ*»...

«Да, читатели, прошлый годъ создалъ въ нашемъ отечествѣ не мало лицъ, съ которыми придется считаться будущимъ поколѣніямъ. Мы съ вами видѣли примѣры *чудотворнаго* обогащенія такихъ бѣдняковъ, которые два года тому назадъ не могли купить себѣ даже рижской сигары... *О прочихъ можно думать по этимъ образцамъ*»...

Такимъ образомъ въ заголовкѣ „*сколько собакъ* дворника приходится ласкать подрядчику“ были запрещены цензоромъ два первыхъ слова и оставлена безсмысленная фраза „дворника приходится ласкать подрядчику“. Во фразѣ „вы всѣхъ ихъ должны *не только накормить, но и* обворожить“ вычеркнуты слова „*не только накормить, но и*“ и т. д.

Вторая замѣтка, помѣщенная въ обзорѣ мѣстной жизни, была запрещена цензоромъ цѣликомъ. Въ ней говорилось, что нѣсколько подрядчиковъ поднесли бывшему интенданту кавказской арміи, генералъ-лейтенанту Шульману, серебряную чернильницу; чернильница изображаетъ изъ себя два мѣшка, изъ которыхъ сыплется крупа и пшеница; вокругъ мѣшка снуютъ, точно живыя, изящно вырѣзанныя крысы.

«Нужно отдать полную справедливость, говорилось въ статьѣ, вкусу заказчиковъ, сумѣвшихъ вылить свою мысль въ чисто поэтическій образъ, и искусству фабриканта»...

Наконецъ, въ третьей статьѣ: „Кесарево кесареви“ была запрещена одна половина, вызвавшая на судѣ слѣдующій діалогъ.

Николадзе. Прошу прочесть послѣднія строки дозволеннаго къ печати отрывка.

Секретарь читаетъ: «Нижеслѣдующіе отрывки взяты нами изъ статьи „Итоги“, напечатанной въ „Современникѣ“, по поводу выхода перваго нумера этого журнала, послѣ освобожденія его отъ предварительной цензуры».

Николадзе. Что-же дальше этого слѣдуетъ?

Секретарь. «Дальше слѣдуетъ запрещенное цензурою окончаніе статьи».

На судѣ выяснилось, что г. Меликъ-Меграбовъ — цензоръ для произведеній на восточныхъ языкахъ, которому только временно было поручено цензурованіе русской газеты вопреки прямому предписанію ст. 139 Цензурнаго Устава[27]), гласящей, что на Кавказѣ „одинъ изъ цензоровъ исключительно занимается цензурою на русскомъ, а другой на мѣстныхъ и восточныхъ языкахъ“. „На сихъ цензоровъ, говорится въ той же статьѣ далѣе, распространяется правило, въ ст. 24 постановленное“. Ст. 24 гласитъ: „въ цензоры.... могутъ быть опредѣлены только чиновники, получившіе образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или инымъ способомъ пріобрѣвшіе основательныя въ наукахъ свѣдѣнія, если они, притомъ, достаточно ознакомлены съ историческимъ развитіемъ и съ современнымъ движеніемъ отечественной или иностранной словесности, смотря по назначенію каждаго“[28]).

Г-нъ Меликъ-Меграбовъ окончилъ курсъ въ Лазаревскомъ институтѣ, но по мнѣнію Николадзе ничѣмъ не доказалъ своего „основательнаго“ знакомства съ русской литературой; по крайней мѣрѣ, онъ могъ вычеркивать упоминанія о генералѣ Бетрищевѣ, очевидно, „полагая, что это какой-нибудь тузъ великаго князя главнокомандующаго (я не оскорблю васъ, господа судьи, прибавляетъ Николадзе, сообщеніемъ, что генералъ Бетрищевъ — герой гоголевскихъ „Мертвыхъ Душъ“)[29]). Если не смотря на это, знакомство съ ли-

[27]) По продолженію 1876 г. Въ настоящее время статья эта перенесена въ Учрежденіе Управленія Кавказскаго Края.

[28]) Ст. 25 по изд. 1890.

[29]) Николадзе говоритъ нѣсколько неопредѣленно „о цензорахъ“, запрещающихъ упоминаніе о генералѣ Бетрищевѣ, но, повидимому, это указаніе относится именно къ г. Меликъ-Меграбову, а не къ какому-либо другому изъ кавказскихъ цензоровъ. Въ приложеніи къ „Первому Процессу“ помѣщено письмо г. Меликъ-Меграбова къ редактору „Тифлисскаго Вѣстника“ по поводу этого дѣла. Слогъ, которымъ написано письмо, служитъ блестящимъ доказательствомъ полнѣйшаго

тературой можетъ считаться вопросомъ спорнымъ, то первое требованіе Устава (о распредѣленіи цензурныхъ обязанностей между двумя цензорами), точное и строго формальное, не допускаетъ, казалось бы, ни „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій", ни уклоненій. Вызванный на судъ въ качествѣ свидѣтеля предсѣдатель Кавказскаго Цензурнаго Комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пурцеладзе, такъ объяснилъ это нарушеніе закона.

Обвиняемый (обращаясь къ свидѣтелю). Имѣли ли вы право дѣлать распоряженіе, явно противорѣчащее 139 ст. Устава Цензурнаго? (поручить цензору восточныхъ языковъ цензированіе русской газеты).

Свидѣтель. Начальникъ главнаго управленія Намѣстника Кавказскаго приказалъ мнѣ поручить цензированіе «Обзора» г-ну Меликъ-Меграбову, потому что должность русскаго цензора была вакантна.

Обвиняемый. Я желаю спросить свидѣтеля, основательно долженствующаго знать цензурные законы, имѣлъ ли право г. начальникъ главнаго управленія Намѣстника дѣлать такое распоряженіе?

Свидѣтель. Г-нъ Николадзе очень хорошо знаетъ, что у меня не было цензора русскаго языка и что великій князь повелѣлъ временно поручить мнѣ кому-нибудь исполненіе этой обязанности. Распоряженіе великаго князя, какъ вамъ хорошо извѣстно, г-нъ Николадзе, обязательны для комитета.

Обвиняемый. Я спрашиваю, имѣется ли, по крайней мѣрѣ, письменное повелѣніе великаго князя или предписаніе начальника главнаго управленія?

Свидѣтель. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы словесно.

Обвиняемый. Я вновь задаю вопросъ: какъ полагаетъ свидѣтель, предсѣдатель цензурнаго комитета, могутъ ли законы Россійской Имперіи и надлежащимъ образомъ обнародованныя Высочайшія повелѣнія быть отмѣняемы распоряженіями Намѣстника Кавказскаго или начальника его главнаго управленія, а тѣмъ болѣе словесными приказаніями?»

На этомъ подсудимый былъ остановленъ предсѣдателемъ суда.

Мы видѣли уже, какого рода произведенія подвергались запрещенію г. Меликъ-Меграбова; мы видѣли также, какъ соблюдались на Кавказѣ постановленія Цензурнаго Устава. Теперь посмотримъ на тѣ порядки, которые господствовали въ отношеніяхъ между цензурою и редакторами.

„Законъ, разсказываетъ г. Меликъ-Меграбовъ, предоставляетъ цензурному комитету установлять порядокъ разсмотрѣнія статей. Но мы, снисходя, къ молодости мѣстной печати, позволяли ей представлять статьи почти во всякое время, потому что безъ этого редакціи лишены были бы

незнакомства г. Меликъ-Меграбова не только съ русской литературой, но и съ русскимъ языкомъ.

возможности выпускать нумера своевременно. Приходилось намъ принимать листы далеко за полночь, а отъ редакторовъ иногда въ 3, въ 4 часа утра. Цензурные листы возвращаются, обыкновенно, черезъ часъ, черезъ полтора по полученіи ихъ цензоромъ".

Итакъ, только по снисходительности цензоровъ редакціи провинціальныхъ изданій имѣютъ возможность выпускать газеты своевременно. На судѣ прокуроръ, настаивая на этой снисходительности, охотно признавалъ нѣкоторую „странность" рѣшеній г. Меликъ-Мегрибова, но усердно рекомендовалъ редакторамъ легальные протесты противъ нихъ и имъ подобныхъ цензурныхъ запрещеній. „Защита скажетъ, можетъ быть, — говорилъ онъ, — что жаловаться некогда, что листы отъ цензора возвращаются ночью, передъ самымъ выпускомъ въ свѣтъ газеты. Повидимому это дѣйствительно такъ, но въ этомъ виновата исключительно только редакція. Время возвращенія статей отъ цензора зависитъ отъ времени доставленія ему этихъ статей. По 76 ст. Цензурнаго Устава статью ежедневной газеты цензоръ можетъ продержать не долѣе сутокъ, а потому стоитъ только послать ему статьи за нѣсколько сутокъ до дня, назначеннаго для ихъ напечатанія, то и будетъ время для обжалованья. Между тѣмъ редакція, пользуясь снисхожденіемъ цензора, не требовавшаго соблюденія суточнаго срока, посылала ему статьи только вечеромъ и даже ночью предъ самымъ выходомъ №. При этомъ, какъ видно изъ настоящаго дѣла, цензоръ на статьяхъ, въ которыхъ онъ находилъ невозможнымъ пропустить только отдѣльныя выраженія, дѣлалъ надпись: «дозволено съ исключеніями». Въ сущности подобная надпись вовсе закономъ не установлена. Ст. 91 Цензурнаго Устава говоритъ, что когда въ статьѣ заключаются отдѣльныя мѣста или выраженія, противныя правиламъ цензуры, то цензоръ, отмѣтивъ ихъ красными чернилами, предоставляетъ сочинителю исключить или перемѣнить ихъ, а потомъ уже надписываетъ дозволеніе печатать. Слѣдовательно, статья, въ которой, по мнѣнію цензора, не можетъ быть напечатано хотя бы одно выраженіе, возвращается автору только съ отмѣткою, и авторъ или долженъ статью вовсе не печатать, или долженъ исправить отмѣченное мѣсто и вновь представить статью цензору, который только тогда даетъ дозволеніе".

Такимъ образомъ прокуроръ рекомендовалъ редакціямъ писать и посылать въ цензуру газетныя статьи за нѣсколько сутокъ до выхода въ свѣтъ того №, для котораго онѣ

предназначаются. И это требованіе дѣйствительно строго логично вытекаетъ какъ изъ Цензурнаго Устава, такъ и изъ цензурной практики. Николадзе въ своей защитительной рѣчи въ Окружномъ Судѣ, разобравъ подробно Цензурный Уставъ и цензурную практику, указалъ, что нарушенія Цензурнаго Устава со стороны властей не ограничиваются незаконнымъ назначеніемъ цензора, онъ указалъ и доказалъ, что Цензурнымъ Уставомъ не руководствуется ни высшее правительство, ни сами цензора[30]).

«Почему же, когда всѣ и цензора, и цензурный комитетъ и т. д. поминутно нарушаютъ цензурныя правила, мы, журналисты, должны религіозно повиноваться имъ? Почему это, ради всѣми обходимыхъ, всѣми забываемыхъ, всѣми нарушаемыхъ «цензурныхъ правилъ», обязанъ я подчиняться невѣроятнымъ капризамъ цензуры и писать: „дворника приходится ласкать подрядчику", вмѣсто „сколько собакъ дворника?" Этого я, право, не понимаю.... Вы видѣли, господа судьи, что я имѣлъ и имѣю полное право не признавать г-на Меликъ-Меграбова цензоромъ „Обзора". Точно такъ же, какъ меня нельзя судить за то, что я не подчиняюсь цензорскимъ поползновеніямъ перваго встрѣчнаго, точно также нельзя меня обвинять въ нарушеніи закона потому только, что я не подчинился распоряженіямъ г-на Меликъ-Меграбова, который по отношенію къ русской газетѣ „Обзоръ" является не цензоромъ, а постороннимъ лицомъ. Но, указавъ на эту сторону дѣла и противопоставивъ формальнымъ основаніямъ обвиненія такое же точно формальное основаніе защиты, я не желаю долѣе останавливаться на формальностяхъ, а перейду къ сущности дѣла».

Но далѣе Николадзе доказалъ, что редакторъ и не можетъ исполнять Цензурнаго Устава, иначе ему пришлось-бы закрыть газету. „Если-бы отъ насъ, говорилъ онъ, тре-

[30]) Николадзе указалъ между прочимъ и на то, что нѣкоторыя, совсѣмъ устарѣлыя статьи Цензурнаго Устава, обходятся не только въ ущербъ литературѣ, но иногда и въ ея пользу. Такъ, если-бы правительство держалось ст. 253 Уложенія о Наказаніяхъ, о которой у насъ была рѣчь выше, то пришлось бы предать суду и наказать повѣшеніемъ не только всѣхъ нашихъ редакторовъ, но и самого министра внутреннихъ дѣлъ, потому что въ издаваемомъ подъ его наблюденіемъ и руководствомъ „Правительственномъ Вѣстникѣ" постоянно печатались во время войны манифесты, воззванія, прокламаціи Оттоманской порты, имѣющіе характеръ безспорно „возмутительный". Точно также статья, запрещающая распубликованіе по однимъ слухамъ правительственныхъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ, давно уже не имѣетъ никакого значенія, и столичные и даже провинціальные органы свободно обходятъ ее. (Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, были напоминанія со стороны цензуры о необходимости соблюдать ее). Но, конечно, гораздо чаще случаи нарушенія цензурныхъ законовъ въ ущербъ литературѣ. Такъ статья Цензурнаго Устава (нынѣ Уложенія о Наказаніяхъ), предоставляющая право свободной критики законовъ, обходится даже въ столицахъ, въ провинціи же прямо и грубо нарушается.

бовалось только соблюденіе статьи 3 (нѣнѣ 4) Цензурнаго Устава, въ которой указано, что подлежитъ запрещенію цензуры, то съ нашей стороны не было бы рѣшительно никакихъ жалобъ, ни нарушеній. Но Цензурный Уставъ, не ограничиваясь постановкою такихъ рамокъ, создаетъ дискреціонную власть цензоровъ, и надъ нами тяготѣетъ уже не законъ, уже не извѣстныя, разъ на всегда или на долго опредѣленныя рамки, а личный произволъ господъ цензоровъ, или, какъ выразился г-нъ товарищъ прокурора, ихъ «личное усмотрѣніе», о которомъ, впрочемъ, рѣшительно ничего не говорится ни въ цензурномъ, ни въ какомъ другомъ уставѣ. Когда-же, независимо отъ законовъ, тяготѣетъ надъ нами личный капризъ и когда этому личному капризу мы не можемъ противопоставить закона, обуздывающаго, но не охраняющаго насъ, мы имѣемъ полное право противопоставить капризу цензоровъ“.... печатаніе неразрѣшенныхъ статей.

Окружный Судъ удалился для совѣщанія и черезъ полчаса вынесъ совершенно неожиданную резолюцію: „редактора газеты «Обзоръ», Николадзе, по обвиненію въ напечатаніи запрещенныхъ цензурою отрывковъ, считать по суду оправданнымъ“.

Дѣло по жалобѣ прокурора было перенесено въ Палату. Въ своей защитительной рѣчи, произнесенной тамъ, Николадзе сказалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Я, господа судьи, въ своей дѣятельности всегда строго держался легальности. Но легальная борьба возможна только тамъ, гдѣ всѣ подданные безъ исключенія принуждены почтительно склонять голову передъ независимымъ и неприкосновеннымъ закономъ. То-ли видимъ мы у насъ? Разбираемое вами дѣло лучше всего поясниτъ мою мысль. Вы видѣли, господа судьи, какимъ образомъ цензура, напримѣръ, обходитъ и безнаказанно нарушаетъ велѣнія закона, какъ только она убѣждается, что законъ этотъ хоть на волосъ облегчаетъ положеніе оппозиціонной печати.

«Ст. 1029 Уложенія о Наказаніяхъ давала мнѣ возможность въ нѣкоторыхъ, замѣтьте, безобидныхъ случаяхъ печатать искаженныя цензурою невиныя статьи, подвергая меня за это денежному взысканію въ 500, 100 и 200 р. Но цензурѣ и администраціи не понравилась эта статья.... И вотъ, эта статья для меня вычеркнута изъ закона, вычеркнута тѣмъ, что къ типографіи приставлена полицейская стража, препятствующая мнѣ,—вѣроятно въ интересахъ моего кармана, — печатать запрещенныя цензурою безобидныя мѣста моихъ статей...

«Гласный судъ, покамѣстъ, составляетъ у насъ единственную силу, могущую создать необходимое для государства уваженіе къ законамъ, могущую—въ извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени—положить предѣлъ посягательствамъ каждой изъ борющихся сторонъ на извращеніе закона. Поэтому я вполнѣ убѣжденъ, гг. судьи, что вы

не внемлете увѣщаніямъ г. товарища прокурора и своимъ оправдательнымъ приговоромъ напомните всѣмъ, что законъ существуетъ, или долженъ существовать, для всѣхъ сторонъ, а не только для обузданія слабѣйшей.

«Въ прежнія времена, лѣтъ 25 тому назадъ, еще можно было практиковать систему „всеобщаго молчанія“. Но теперь система эта рѣшительно не пригодна. Теперь, когда гласный судъ, городское и земское самоуправленіе и печать положили закваску работы общественной мысли, и когда развитіе путей сообщенія, почтъ и телеграфа до-нельзя облегчило обмѣнъ той-же мысли, никакія стѣсненія печати не помогутъ въ достиженіи химерической цѣли — добиться прежняго молчанія и слѣпого довѣрія общества. Вѣдь теперь печать безгласна: въ ней нѣтъ отклика на важнѣйшіе вопросы жизни, интересующіе и волнующіе современное общество. Что-жъ, развѣ, поэтому, въ этомъ обществѣ не идутъ толки, не распространяются съ быстротою молніи, изъ конца въ конецъ страны, всякія новости и извѣстія, не находящія себѣ мѣста въ стѣсненной печати? Развѣ все общество, даже въ наиболѣе заброшенныхъ закоулкахъ нашей отдаленной окраины, не знаетъ всего того, что отъ него стараются скрыть гг. цензора? Сравните общераспространенныя въ публикѣ извѣстія и мысли съ безгласностью нашихъ и столичныхъ газетъ и скажите по совѣсти, достигаютъ ли цѣли всѣ эти стѣсненія печати? Къ чему ведетъ это систематическое противудѣйствіе естественному росту общественнаго организма, какъ не къ ожесточенію однихъ и къ ослабленію другихъ? Во всякомъ обществѣ, господа, на ряду съ довольными и счастливыми членами, имѣются и недовольные. Мыслимъ ли былъ бы общественный прогрессъ безъ существованія такихъ элементовъ? Для мирнаго развитія страны желательно и необходимо, чтобы эти элементы имѣли возможность проявлять свои стремленія и доказывать свои убѣжденія. Когда элементы эти находятъ въ свободной печати возможность пропагандировать свои мысли и стремленія, въ нихъ оживаетъ надежда на будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается и терпимость. Они убѣждаются, что всего сразу не передѣлаешь, что всѣхъ сразу не убѣдишь, и ждутъ десятки лѣтъ, не бросаясь въ крайность и не компрометируя выходками кропотливаго труда времени. Но когда эти жизненые элементы поневолѣ убѣждаются, что имъ не оставлено ни малѣйшаго мѣста на аренѣ открытой и легальной борьбы за убѣжденія, куда-же вы имъ прикажете дѣться, какъ не въ область подпольной дѣятельности, для всѣхъ такъ нежелательной? Чѣмъ больше стѣсняется область, доступная свободному обсужденію печати, тѣмъ шире и легче становится поприще подпольной дѣятельности, потому что и почва этой послѣдней, и ея силы, и ея удобства созидаются, развиваются и поддерживаются стѣсненіемъ мысли человѣческой.

«Настоящій процессъ, гг. судьи, есть отголосокъ положенія дѣлъ, теперь значительно измѣнившагося. Теперь, господа, мѣстная печать убита. „Обзоръ“ пріостановленъ. Прочія мѣстныя газеты еле-еле переводятъ дыханіе. Происходитъ это отъ того, что въ то самое время, когда все наше общество обуреваемо массой первостепенныхъ вопросовъ жизни, мѣстная печать не имѣетъ возможности отзываться на эти вопросы. Понятное дѣло, что читающее общество не интересуется тѣми банальностями, о которыхъ только и можно писать теперь у насъ. Я не знаю, для чего и для кого нужна, кому полезна эта дискредитація печатнаго слова, не знаю, кто выигрыва-

етъ въ той кромѣшной тьмѣ, которую водворила надъ нами цензура. Но достойно сожалѣнія, что одинъ изъ представителей гласнаго суда, г. товарищъ прокурора судебной палаты, въ виду этой борьбы и этого положенія дѣлъ, забывая традиціи гласности и гласнаго суда, такъ рѣшительно становится на сторону тѣхъ, кто умерщвляетъ литературу, отдавая ее скованною въ распоряженіе г. г. Меликъ-Меграбовыхъ, Гордіевскихъ и компаніи. Я убѣжденъ, что не такъ отнесетесь къ дѣлу вы, господа судьи. Въ окружномъ судѣ я просилъ вынести мнѣ оправдательный приговоръ, въ которомъ я видѣлъ первый шагъ къ освобожденію провинціальной печати. Съ тою же самою просьбою и надеждою обращаюсь я теперь къ вамъ, прося утвердить вашимъ авторитетомъ оправдательный приговоръ, вынесенный мнѣ окружнымъ судомъ...

Послѣ совѣщанія, длившагося $4^1/_2$ часа, предсѣдатель суда объявилъ столь-же неожиданную резолюцію палаты: „приговоръ окружнаго суда утвердить, оставивъ безъ послѣдствій протестъ товарища прокурора“.

Такимъ образомъ принципъ свободы печати, не той полной свободы, о которой и не мечтаетъ русская печать, а относительной свободы отъ неограниченнаго произвола невѣжественныхъ цензоровъ, стремленіе подчинить печать закону 6 апрѣля 1865 г., дѣйствующему въ столицахъ, одержалъ побѣду. Однако, побѣда не была прочна: приговоръ былъ кассированъ и при новомъ разбирательствѣ Николадзе признанъ виновнымъ и приговоренъ, правда, къ ничтожному наказанію — штрафу въ 10 руб. Итакъ, судъ призналъ, что цензура можетъ запрещать статьи, сами по себѣ не составляющія нарушенія цензурныхъ правилъ, и что распоряженіе цензуры обязательно для автора, хотя бы ея представителемъ было лицо, назначенное чьимъ-то словеснымъ приказаніемъ. Кромѣ того, Николадзе былъ высланъ въ административномъ порядкѣ изъ Тифлиса, а газета его нѣсколько ранѣе была запрещена. Такимъ образомъ оправданіе Николадзе послужило не первымъ шагомъ къ освобожденію провинціальной печати, а лишь поводомъ для нѣсколькихъ мѣръ въ духѣ обузданія.

Таково было положеніе провинціальной печати во все время Александра II. Зарю лучшаго будущаго для нея, равно какъ и для печати столичной, предвѣщали событія послѣдняго года его царствованія.

§ V.

Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ 5 февраля 1880 г. побудилъ испуганное правительство создать для борьбы съ крамолою верховную распорядительную коммиссію, во главѣ которой

былъ поставленъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, уже извѣстный нѣкоторыми либеральными мѣропріятіями въ управлявшемся имъ Харьковскомъ генералъ-губернаторствѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (августъ 1880 года) Лорисъ-Меликовъ смѣнилъ Макова на посту министра внутреннихъ дѣлъ. Имъ были пущены въ ходъ для борьбы съ крамолою мѣры не совсѣмъ обычныя: не полицейская расправа, или лучше сказать не только полицейская расправа, а рядъ уступокъ обществу, долженствовавшихъ его умиротворить. Въ числѣ прочихъ было нѣкоторое ослабленіе цензурныхъ тягостей. Но это ослабленіе пока не выходило за предѣлы уже не разъ практиковавшихся „вѣяній“. Ни одна мѣра для ограниченія цензурнаго произвола и для обезпеченія несуществующихъ правъ литературы не была принята въ законодательномъ порядкѣ. Даже тѣ дополненія, которыя были сдѣланы въ 1873 г. и другихъ годахъ къ закону 1865 г. и даже постановленія Главнаго Управленія, которыя уничтожали почти все, что было сдѣлано этимъ закономъ въ пользу печати, не были отмѣнены. Тѣмъ не менѣе общество почувствовало, что наступаетъ другая эпоха; объ этомъ говорили на всѣ лады и „Московскія Вѣдомости“ — со злобою и раздраженіемъ, и органы М. М. Стасюлевича („Вѣстникъ Европы“ и „Порядокъ“)—съ радостью и надеждою, и даже „Отечественныя Записки“, служившія органомъ наиболѣе крайняго легальнаго радикализма, говорили устами г-на Н. М. Михайловскаго:

«Говорятъ, у насъ скоро весна будетъ; говорятъ, ласточки уже прилетѣли и мы начнемъ скоро полною грудью вдыхать свѣжій, живительный и весенній воздухъ, отъ котораго только чахоточные умираютъ, а здоровые крѣпнутъ. Гимны веснѣ, въ стихахъ и прозѣ, уже слышатся со всѣхъ сторонъ. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что правительство убѣдилось въ неправильности того пути стѣсненія мысли и слова, на который его увлекли люди, усердные не по разуму. Тѣмъ не менѣе все, пережитое нами, въ только еще заканчивающійся періодъ тѣсноты, еще слишкомъ свѣжо, чтобы можно было открыто и безъ всякихъ предосторожностей касаться еще незажившихъ ранъ.... Узда, очевидно, ослабла, а литература въ огромномъ большинствѣ только „благодаритъ, пріемлетъ и ни мало вопреки глаголетъ“, обнаруживая въ этомъ направленіи, можетъ быть, даже излишнее усердіе»[31]).

Газета „Порядокъ“, — одинъ изъ органовъ, открывшихся при болѣе свободныхъ порядкахъ, въ своемъ № 1 (1881 г.) говорила:

[31]) Литературныя Замѣтки въ „Отеч. Запискахъ“ 1880 г. № 9, стр. 135.

«Возникновеніе нашей газеты вызвано надеждой на лучшее положеніе у насъ печатнаго слова, при чемъ оказалось для публициста возможнымъ относиться къ своему дѣлу серьезно и искренно».

Улучшеніе въ положеніи нашей столичной печати, говоритъ далѣе газета, несомнѣнно, хотя мы далеко не можемъ считать это положеніе еще и теперь таковымъ, но мы надѣемся на лучшее будущее. Нужно замѣтить, однако, что улучшеніе коснулось только столичной печати; положеніе провинціальной осталось тѣмъ-же, какимъ оно было 50 лѣтъ тому назадъ. Далѣе идутъ доказательства этого положенія. Поэтому, говоритъ газета, въ Россіи положеніе столичнаго органа значительно иное, чѣмъ на западѣ: онъ поневолѣ долженъ брать на себя функціи, вездѣ и всюду лежащія на провинціальной печати. Какая нибудь мелкая замѣтка о положеніи вещей въ какомъ нибудь закоулкѣ Россійской имперіи, врядъ ли заинтересуетъ особенно публику, читающую столичные органы, но она не можетъ найти помѣщенія тамъ, гдѣ это было бы естественно и потому долгъ чести заставляетъ насъ давать мѣсто такой замѣткѣ.

Стоитъ просмотрѣть первый и слѣдующіе №№ „Порядка“, чтобы убѣдиться въ томъ, что тонъ, которымъ говорила эта газета, былъ бы немыслимъ въ легальной печати ни ранѣе, ни позже, хотя, конечно, ничего революціоннаго въ немъ нѣтъ. Газета только задалась цѣлью служить вѣрнымъ органомъ нуждъ отечества, и не выходя изъ предѣловъ полнаго уваженія къ правительству, полной вѣры въ его благія стремленія, только либо указывала на злоупотребленія, совершающіяся нынѣшними агентами власти въ разныхъ мѣстахъ, на тѣ препятствія, которыя стоятъ на пути къ развитію самоуправленія, ставя ему границы въ дѣйствительности гораздо болѣе узкія, чѣмъ тѣ, которыя указаны закономъ, либо призывала общество къ самодѣятельности, къ легальной борьбѣ за свои, уже признанныя закономъ права.

Въ первомъ № газета, въ корреспонденціи изъ Кіева, такъ характеризовала общественное настроеніе въ этомъ городѣ въ началѣ 1880 г. „Паника, страхъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, сикофантство, политическій шантажъ. Не даромъ прошелъ десятокъ политическихъ процессовъ, масса арестовъ, ссылокъ по суду и еще болѣе безъ суда“... „Теперь наступило иное время“, говоритъ корреспондентъ. Въ Харьковѣ (перепечатка изъ „Молвы“) газета отмѣчаетъ грубое поведеніе предсѣдателя губернской земской управы; въ Твери (изъ „Русскихъ Вѣдомостей“) вмѣшательство урядниковъ въ земскіе выборы и ходатайство Тверского земства

объ ихъ уничтоженіи; въ Кеми (тоже изъ „Русскихъ Вѣдомостей“) тяжелое положеніе административныхъ ссыльныхъ. Въ слѣдующихъ №№ приводится масса данныхъ о свирѣпостяхъ провинціальной цензуры, запрещающей, напримѣръ, въ Кіевѣ давно разрѣшенное и много разъ напечатанное стихотвореніе Шевченки: „На що мині чорні очи, на що мині чорні брові“, потому что „въ немъ выражается мрачное настроеніе души автора и еще болѣе мрачный взглядъ на жизнь“. Тамъ же говорится о голодѣ, господствующемъ въ восточной Россіи, о прекращеніи работъ на фабрикахъ, о неразсчетливыхъ продажахъ казенныхъ земель въ Рязанской, Уфимской губерніяхъ, на Кавказѣ разными князьями и губернаторами и т. дал. „Тяжелое впечатлѣніе, говоритъ передовая статья въ № 5, производитъ рядъ сегодняшнихъ внутреннихъ извѣстій нашей газеты: голодъ, усиленіе нищенства и умноженіе преступленій въ Уральскѣ, нищенство и безсиліе благотворительности въ борьбѣ съ голодомъ въ Оренбургѣ, малоуспѣшность той же борьбы въ Самарѣ, сокращеніе фабричнаго производства и упадокъ рабочей платы въ Московской губерніи, возвращеніе рабочихъ безъ заработка изъ Петербургской — вотъ сколько однородныхъ извѣстій преподносится читателю въ одинъ день“! Въ № 18 сообщается со словъ „Новаго Времени“ фактъ о практикуемомъ въ Варшавѣ вскрытіи частныхъ писемъ на почтѣ. Въ № 29 сообщается, какъ въ Петербургѣ на Сергіевской улицѣ дворникъ явился на частную квартиру съ авторитетнымъ заявленіемъ: „велѣно посмотрѣть, нѣтъ ли кого лишняго“ и произвелъ ночной обыскъ. Если отдѣльные факты такого рода проскальзывали въ печати и до того, и послѣ того, то подобная систематическая борьба съ злоупотребленіями неизбѣжно вызвала бы во всякое другое время предостереженіе за „упорствованіе во вредномъ направленіи“.

Какъ образецъ того, что можно было говорить въ этотъ періодъ, мы приведемъ разсказъ оренбургскаго прокурора г. Павлова-Сильванскаго. Г. Павловъ-Сильванскій, облеченный властью прокурора, снабженный первоначально даже особыми полномочіями отъ министра, оказался совершенно безсильнымъ сдѣлать даже то, что долженъ былъ и хотѣлъ сдѣлать. Этого мало. Обвиняемый смотритель, хотя и былъ удаленъ отъ должности, но имѣлъ еще возможность вліять на ходъ слѣдствія и, въ концѣ концовъ, поступилъ управляющимъ въ имѣніе губернатора. Прокуроръ же, испытавъ цѣлый рядъ интригъ, угрозъ, сплетенъ, подвергся полицейскому обыску безъ соблюденія указываемыхъ на этотъ слу-

чай закономъ формъ, и затѣмъ уволенъ отъ должности, «согласно прошенію», котораго, прибавляетъ г. Павловъ-Сильванскій, «я никому и никогда не подавалъ». «Что все это значитъ? Съ этимъ вопросомъ я поспѣшилъ въ 1875 г. въ Петербургъ, но и до сихъ поръ не нахожу на него отвѣта». Такъ заканчиваетъ свой разсказъ г-нъ Павловъ-Сильванскій.

Разсказъ этотъ г-нъ Павловъ-Сильванскій помѣстилъ еще въ 1878 году въ „Русскомъ Обозрѣніи“, но № газеты, „въ которомъ было помѣщено его письмо, просуществовалъ дня два-три, былъ вслѣдъ затѣмъ изъятъ изъ продажи и отбирался у торгующихъ газетами[32]). Эпилогъ, достойный всей этой исторіи, столь типичной для только что пережитаго нами времени“. Но въ 1880 г. весь этотъ разсказъ съ послѣднимъ замѣчаніемъ объ отношеніи къ нему цензуры былъ помѣщенъ въ указанной статьѣ г. Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Г-нъ Михайловскій заканчиваетъ свою статью такимъ замѣчаніемъ:

«Если мы въ самомъ дѣлѣ находимся наканунѣ новой эры, то нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій. Какія это будутъ гарантіи, — европейскія, африканскія, „что Литва, что Русь ли“—не все ли это равно, лишь бы онѣ были гарантіями. Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно»...

Графъ Лорисъ-Меликовъ, вскорѣ послѣ назначенія его министромъ внутреннихъ дѣлъ, пригласилъ къ себѣ редакторовъ всѣхъ петербургскихъ журналовъ „съ спеціальною цѣлію разъяснить имъ, чтобы они не волновали напрасно общественныхъ умовъ, настаивая на необходимости привлеченія общества къ участію въ законодательствѣ и управленіи, въ видѣ ли представительныхъ собраній европейскихъ, въ видѣ ли бывшихъ нашихъ древнихъ земскихъ соборовъ, что ничего подобнаго въ виду не имѣется, и что ему, министру, подобныя мечтательныя разглагольствованія прессы тѣмъ болѣе непріятны, что напрасно возбуждаемыя ими надежды въ обществѣ связываются съ его именемъ, хотя онъ, министръ, никакихъ полномочій на это не получалъ, и самъ

[32]) Газета получила кромѣ того предостереженіе. „Русское Обозрѣніе“ издавалось г. Г. Градовскимъ; въ полтора года своего существованія (1876—1878) оно получило 11 предостереженій и 3 раза было запрещено. Интересная его исторія разсказана самимъ г. Градовскимъ въ „Русской Старинѣ“, 1882 г. № 2—3, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Къ исторіи русской печати“.

лично въ виду ничего подобнаго не имѣетъ, будучи твердо убѣжденъ, что въ настоящее время самое необходимое, чѣмъ надобно заняться и на что онъ обратитъ все свое вниманіе и трудъ — это дать должную силу новымъ учрежденіямъ, уже существующимъ, а также привести въ сообразность и гармонію съ послѣдними учрежденіями стараго порядка, видоизмѣнивъ ихъ, насколько то потребуется для этой цѣли".

Сообразно съ этимъ онъ выставилъ редакторамъ свою программу, исполненіе которой, по его словамъ, должно было потребовать 5 — 7 лѣтъ времени. Въ этой программѣ одинъ пунктъ касался печати; а именно: графъ Лорисъ-Меликовъ считалъ необходимымъ „дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія, распоряженія правительства, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы она не смущала и не волновала напрасно умы своими помянутыми мечтательными иллюзіями".

Другими словами: министръ обѣщалъ предоставить печати на дѣлѣ то, чѣмъ она уже пользовалась по закону. И этого было достаточно. „Отечественныя Записки", сообщая о собесѣдованіи Лорисъ-Меликова съ редакторами, совершенно основательно замѣтили, что къ этой программѣ можно относиться сочувственно или несочувственно, но ей нельзя отказать въ ясности и опредѣленности. И графъ Лорисъ-Меликовъ дѣйствительно стремился осуществить ее, хотя далеко не успѣлъ въ этомъ.

Впослѣдствіи въ реакціонной прессѣ не разъ указывали на эпоху графа Лорисъ-Меликова, какъ на эпоху свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ разнузданности нашей печати. Указаніе это совершенно невѣрно. Мы видѣли уже, что положеніе провинціальной прессы было тогда ни чуть не лучше, чѣмъ раньше[33]); то-же самое можно сказать о положеніи столич-

[33]) Къ тѣмъ фактамъ, которые были приведены въ текстѣ, мы прибавимъ только одинъ, но весьма характерный. 26 октября 1880 года въ подцензурной одесской газетѣ „Правда" была напечатана замѣтка. Замѣтка эта длинна и ни малѣйшаго интереса не представляетъ; тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе упрека въ неточномъ изложеніи, мы позволяемъ себѣ привести ее цѣликомъ: „Николаевъ счастливѣе Одессы! Тамъ, повидимому, менѣе «непредвидѣнныхъ обстоятельствъ», чѣмъ у насъ, въ Одессѣ. Николаевцы, узнавъ о томъ, что въ Одессѣ созывается экстренное засѣданіе думы для обсужденія двухъ вопросовъ, о важности которыхъ мы уже имѣли случай говорить, возымѣли желаніе подать и свой голосъ въ подкрѣпленіе ходатайства одесситовъ и безпрепятственно привели это свое желаніе въ исполненіе. 25-го октября, согласно предложенію гласнаго д-ра Прусакова, николаевская дума сдѣлала постановленіе, изложенное въ телеграммѣ нашего корреспондента. Но вотъ вопросъ: николаевская дума постановила

ной подцензурной прессы[34]). Безцензурная, какъ мы видѣли, пользовалась сравнительно большей свободой. Но свобода эта была все таки весьма и весьма неполная.

присоединиться къ одесскому ходатайству. Какъ же это исполнить, когда оказывается, что присоединяться-то не къ чему, ибо «по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ» никакого ходатайства со стороны Одессы не послѣдовало пока. Лучшимъ исходомъ изъ этого затрудненія было бы измѣненіе постановленія николаевской думы въ самостоятельное, независимое отъ дѣйствій одесскаго муниципалитета. Разъ николаевцы признали солидарность свою съ Одессою въ вопросахъ о «пасынкахъ учебнаго вѣдомства» и о медицинскомъ факультетѣ, то при неблагопріятно сложившихся для одесситовъ обстоятельствахъ имъ остается только принять на себя хлопоты за двоихъ".

Трудно понять, что можно было найти въ этой замѣткѣ. Тѣмъ не менѣе черезъ два дня въ „Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства" было напечатано: „Признавая вреднымъ направленіе газеты «Правда» и находя, что въ замѣткѣ видно стремленіе волновать общество и возбуждать общественныя учрежденія къ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ законами, Генералъ Губернаторъ (Дрентельнъ), на основаніи предоставленной ему Высочайшимъ Указомъ власти, постановилъ: прекратить изданіе газеты «Правды»". Черезъ нѣсколько времени изъ Петербурга пришло дозволеніе продолжать газету, но со стороны мѣстнаго начальства встрѣтились препятствія и газета больше не выходила.

[34]) Приведемъ одинъ примѣръ, заимствованный изъ „Новаго Времени" 1880 года 31 декабря: „Въ Москвѣ издается «Русская Газета» подъ цензурою; по составу она принадлежитъ къ области малой печати. Сегодня полученный нумеръ, конечно, составитъ библіографическую рѣдкость: въ немъ два столбца чистыхъ вмѣсто передовой статьи съ заголовкомъ: «Не печатается по причинамъ, независящимъ отъ редакціи и издателей» и въ фельетонѣ 11 столбцовъ тоже чистыхъ съ заглавіемъ «Воскресный фельетонъ» и тоже: «Не печатается по причинамъ, независящимъ отъ редакціи и издателей». Не думаемъ, чтобы для читателей этой газеты пріятно было получать такіе чистые нумера".

Не желая выходить изъ рамокъ нашей темы, мы совершенно не касаемся дѣятельности цензуры по отношенію къ произведеніямъ на иностранныхъ, или хотя на малороссійскомъ языкѣ. Но мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что запрещеніе, изданное 18 мая 1876 г.—печатать что бы то ни было, кромѣ беллетристики, сохраняло свою силу и при Лорисъ-Меликовѣ и что Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ по прежнему считалось запрещеннымъ. Въ концѣ 1880 года нѣкто Александровъ издалъ въ Петербургѣ малороссійскій переводъ книги Іова, но книга была сожжена по распоряженію духовной цензуры (см. „Молва", 1881 г. 21 января).

Приводимъ здѣсь то Высочайше утвержденно распоряженіе Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, которымъ почти вся малороссійская литература, въ томъ числѣ и довольно богатая галицкая литература, огуломъ объявлена запрещенной:

„Государь Императоръ 18/30 минувшаго мая Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Не допускать ввоза въ предѣлы Имперіи безъ особаго на то разрѣшенія

15 Января 1881 г. въ „Странѣ“ появилась статья, очень горячо и талантливо написанная, въ которой сообщалось о тяжеломъ положеніи Николая Г. Чернышевскаго въ ссылкѣ. „Страна“ обращалась къ верховной власти съ просьбою о его помилованіи. Языкъ статьи былъ самый почтительный; газета даже не рѣшалась заподозрить правильности судебнаго приговора, а относилась къ нему съ полнымъ уваженіемъ. Но она, въ виду заслугъ этого писателя, въ виду того, что онъ долголѣтними страданіями долженъ былъ искупить въ глазахъ правительства свое преступленіе, въ виду того, наконецъ, что возвращеніе въ общество этого сломленнаго жизнію старика могло считаться безвреднымъ со всякой точки зрѣнія, взывала съ просьбою о прощеніи или хотя бы объ облегченіи участи. Мы прибѣгаемъ къ милосердію Верховной Власти, говорила она. Право дѣлать это не было опровергаемо даже въ эпоху правежа. Неужели оно будетъ опровергаемо теперь, въ эпоху умиротворенія?

Гр. Лорисъ-Меликовъ, повидимому, колебался, но наконецъ, чрезъ нѣсколько дней рѣшился, и „Странѣ“ было дано первое предостереженіе.

Это было единственное предостереженіе во все управленіе Лорисъ-Меликова вплоть до 1 марта, и оно доказываетъ не только отсутствіе свободы печати, но и замѣчательную умѣренность, съ которою печать пользовалась предоставленными ей льготами, — и это въ то время, когда жизнь кипѣ-

Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати какихъ бы то ни было книгъ и брошюръ, издаваемыхъ за границею на малороссійскомъ нарѣчіи.

2) Печатаніе и изданіе въ Имперіи оригинальныхъ произведеній и переводовъ на томъ нарѣчіи воспретить, за исключеніемъ лишь: а) историческихъ документовъ и памятниковъ и б) произведеній изящной словесности, но съ тѣмъ, чтобы при печатаніи историческихъ памятниковъ безусловно удерживалось правописаніе подлинниковъ, въ произведеніяхъ же изящной словесности — не было допускаемо никакихъ отступленій отъ общепринятаго русскаго правописанія и чтобы разрѣшеніе на печатаніе произведеній изящной словесности давалось не иначе, какъ по разсмотрѣніи рукописи въ Главномъ Управленіи по Дѣламъ Печати.

3) Воспретить также различныя сценическія представленія и чтенія на малороссійскомъ нарѣчіи, а равно и печатаніе на таковомъ текста къ музыкальнымъ нотамъ.—Начальникъ Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати Григорьевъ (профессоръ университета)“.

Распоряженіе это, извѣстное въ публикѣ подъ кличкой „закона Юзефовича“ (по имени его иниціатора, извѣстнаго кіевскаго цензора), насколько намъ извѣстно, до нынѣ въ предѣлахъ Россіи опубликовано не было, но, оставаясь тайнымъ, оно тѣмъ не менѣе дѣйствовало, какъ законъ.

ла, когда общество требовало отъ печати отвѣта на самые живые вопросы.

Но все таки она пользовалась. Въ эту эпоху увидѣло свѣтъ много прежнихъ литературныхъ произведеній, до тѣхъ поръ бывшихъ подъ спудомъ. Между прочимъ появилось стихотвореніе К. С. Аксакова, которымъ онъ привѣтствовалъ въ 1858 г. первые шаги имп. Александра II. Оно оканчивалось слѣдующими словами:

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавою ложью
Въ честь правды и добра безъ страха ты идешь.
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу божью!
Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь тебѣ готова,
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ!
Ты возвратишь, о царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ твой союзъ!

Пророчество не оправдалось, царь не возвратилъ землѣ свободы слова, и Богъ не благословилъ его союза съ народомъ.

ГЛАВА II.

Цензура въ первые мѣсяцы послѣ 1-го марта.

Въ первые дни послѣ катастрофы 1-го марта правительство какъ будто растерялось. Печать заговорила совершенно новымъ для литературы языкомъ: она смѣло объясняла 1-ое марта ошибками правительственной политики и даже общими условіями нашего государственнаго строя; она требовала конституціи, говоря, что конституція, снявъ съ главы государства значительную долю отвѣтственности въ глазахъ населенія, избавитъ его отъ посягательствъ на его жизнь. „Голосъ“ въ передовой статьѣ, въ № 63 (4-го марта 1881 г.) объяснялъ величіе царствованія Александра II тѣмъ, что убитый монархъ не только освободилъ милліоны крестьянъ, но вызвалъ къ жизни и дѣйствію общественныя силы народа. Для блага Россіи необходимо, чтобы „во всѣхъ нашихъ дѣлахъ чувствовалась твердая рука, ведущая Россію къ тому единенію царя съ народомъ, внѣ котораго нѣтъ спасенія и

жизни", — таковъ по мнѣнію „Голоса" царскій завѣтъ усопшаго Императора.

Но это продолжалось не долго. 4 марта воспослѣдовало слѣдующее распоряженіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ: „Принимая въ соображеніе, что въ передовой статьѣ № 27 газета „Страна", ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, будто бы оправдывающія выходъ изъ „намѣченныхъ граней", а газета „Голосъ" въ передовой статьѣ № 63, дозволили себѣ крайне неумѣстныя разсужденія, могущія имѣть „вредное вліяніе", М. В. Д. опредѣлилъ объявить „Странѣ" второе, а „Голосу" первое предостереженіе". Эти двѣ газеты подверглись карѣ совершенно случайно. „Порядокъ" говорилъ языкомъ гораздо болѣе смѣлымъ и открытымъ, чѣмъ „Голосъ", „Молва" и „Московскій Телеграфъ" — тоже; но правительство въ ту минуту, очевидно, не думало о соразмѣрности наказанія съ преступленіемъ; оно хотѣло только установить общій принципъ на будущее время. Чтобы не было въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія, Главное Управленіе по Дѣламъ Печати въ тотъ же день разослало по всѣмъ безцензурнымъ органамъ циркуляръ такого содержанія:

«Нѣкоторые органы печати, ссылаясь на чрезвычайныя обстоятельства, позволяютъ себѣ помѣщать статьи, въ которыхъ выражаютъ вполнѣ неумѣстныя сужденія о необходимости измѣненія нашего государственнаго строя, а также высказываются сомнѣнія въ недостаткѣ истиннаго патріотизма въ высшихъ слояхъ общества, будто-бы равнодушнаго къ интересамъ народа. Принимая въ соображеніе, что чрезвычайныя обстоятельства именно обязываютъ печать къ особой сдержанности въ сужденіяхъ, дабы не усиливать смуты, порожденной въ обществѣ страшнымъ постигшимъ Россію событіемъ, Гл. Упр. по Дѣл. Печ., по порученію М. В. Д. на основаніи статьи 56 [1])... предупреждаетъ, что на будущее время помѣщеніе статей подобнаго содержанія неминуемо повлечетъ за собою принятіе мѣры взысканія, указанной въ приведенной 56 ст., т. е. пріостановленіе изданія».

Мѣры эти поразили всѣхъ своею неожиданностью. Всѣ прежнія правительственныя лица были на своихъ мѣстахъ: графа Лорисъ-Меликова на посту Министра Внутреннихъ Дѣлъ еще не смѣнилъ графъ Игнатьевъ, и Абаза все еще оставался Главноуправляющимъ по Дѣламъ Печати. И вотъ этотъ самый Лорисъ-Меликовъ, на котораго смотрѣли какъ на главу правительственной либеральной партіи, смѣло вступилъ на путь давленія печати. А между тѣмъ его проектъ такъ называемой конституціи еще не былъ отвергнутъ новымъ Государемъ и его еще нельзя было считать безнадеж-

[1]) Ст. 156 Цензурнаго Уст. изд. 1890 г.

нымъ. Предостереженіями и циркулярами 4 марта дѣло, конечно, не ограничилось. 16 марта послѣдовала мѣра еще болѣе крутая. За нарушеніе распоряженія 4 марта „Молва“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ были запрещены или, говоря официальнымъ языкомъ, „пріостановлены“ безъ предварительныхъ предостереженій на мѣсяцъ. Черезъ недѣлю затѣмъ послѣдовало запрещеніе „Смоленскаго Вѣстника“ на восьмимѣсячный срокъ, которое не было даже мотивировано, — и это послужило прецедентомъ почти для всѣхъ слѣдовавшихъ затѣмъ пріостановленій подцензурныхъ изданій, производившихся на основ. ст. 154 Ц. У. (1890 г.), т. е. просто за „вредное направленіе“. Въ распоряженіи о пріостановкѣ „Молвы“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ были указаны тѣ статьи въ этихъ газетахъ, которыя подали поводъ къ этой мѣрѣ. Если „Молва“, выразившая желаніе, чтобы „наше общество имѣло просторъ почина и самодѣятельности“, можетъ еще считаться нарушившею циркуляръ, то запрещеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ свидѣтельствуетъ только о томъ, что растерянность правительства еще не прекратилась, хотя приняла новую форму. Инкриминируемая статья называется: „Впечатлѣнія и скорбныя думы офицера по поводу рокового событія 1 марта“. Въ ней очень вычурнымъ языкомъ подробно и скучно описывается, что передумалъ и перечувствовалъ авторъ статьи, постепенно узнавая подробности событія, тамъ говорилось, какъ онъ не вѣрилъ страшной истинѣ, не хотѣлъ вѣрить, не могъ вѣрить. Эти убійцы — это какіе-то гномы, „горсть гномовъ, да, гномовъ, а не людей“, это „ничтожество наемщины (sic), у которыхъ нѣтъ ничего святаго, которые изъ за временнаго наслажденія не задумаются устроить какую угодно пакость“. Государь! „Обопрись на наши крѣпкія плечи, заслони свою священную особу нашими мощными грудями. Мы съумѣемъ сберечь Тебя. Намъ не нужно матеріальное благосостояніе, намъ нужна только одна милость: Твоя непоколебимая увѣренность, что мы не пожалѣемъ себя и принесемъ себя въ жертву для Твоего счастія и спокойствія“. Подписано: „Артиллеристъ“. Главн. Управл. по Дѣл. Печ., представляя министру для подписи распоряженіе о мѣсячной пріостановкѣ газеты, имя редактора которой (В. Комаровъ) ручалось за достаточный патріотизмъ и достаточную благонамѣренность ея, очевидно, не имѣло времени прочитать статью съ достаточной внимательностью и впопыхахъ приняло предложеніе опереться на мощныя груди и на крѣпкія плечи г. Артиллериста и его товарищей за требованіе единенія царя съ народомъ и слѣ-

довательно за „неумѣстное сужденіе о необходимости измѣненія нашего государственнаго строя".

Рядомъ съ карами органамъ печати сыпались, какъ изъ рога изобилія, различные циркуляры, которыми тѣ или другіе вопросы нашей общественной или государственной жизни объявлялись стоящими внѣ предѣловъ, дозволенныхъ для печатнаго обсужденія. Надо замѣтить, что самый внимательный анализъ циркуляровъ 1881 г., равно какъ и предостереженій, данныхъ въ то же время, ничего не скажетъ намъ о томъ, что въ теченіе этихъ мѣсяцевъ перемѣнилось почти все правительство: на сколько рѣзко отличается правительство по отношенію къ печати до 1 марта и послѣ 1 марта, настолько однородны цензурныя мѣры, принятыя Лорисъ-Меликовымъ и Игнатьевымъ, Абазой и кн. Вяземскимъ.

Внѣшняя форма циркуляровъ чрезвычайно разнообразна. Въ однихъ Главн. Упр. по Дѣл. Печ. любезно „предупреждаетъ редакціи, что на будущее время помѣщеніе статей подобнаго содержанія неминуемо повлечетъ за собою принятіе мѣры взысканія, указанной въ ст. 56, т. е. пріостановленіе изданія"; въ другихъ[2]) оно еще вѣжливѣе признаетъ „желательнымъ, чтобы наше пресса относилась съ осторожностью" къ такимъ-то вопросамъ; въ третьихъ[3]) оно заявляетъ даже, что „въ настоящемъ существенно важномъ государственномъ вопросѣ г. министръ считаетъ необходимымъ предоставить печати всю ту долю свободы, какая необходима для всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса, и будетъ весьма сожалѣть, если неумѣстныя выходки нѣкоторыхъ органовъ печати заставятъ его прибѣгнуть къ ограниченію предоставленной свободы", другими словами, если печать отнесется къ вопросу не такъ, какъ это было бы желательно г. министру; въ четвертыхъ Гл. Упр. „проситъ", и иногда даже „покорнѣйше проситъ", а въ иныхъ оно предписываетъ строгимъ тономъ „не сообщать никакихъ подробностей о процессѣ"[4]), „не перепечатывать корреспонденціи" или прямо заявляетъ, что „рѣшено" или „признано настоятельно необходимымъ воспретить печатаніе" извѣстій такого-то рода[5]) или оно „не можетъ быть впередъ терпимо"[6]). Циркуляры по большей

[2]) № 1725 1881 г.

[3]) № 3935. Въ циркулярѣ рѣчь идетъ о переселенческомъ вопросѣ.

[4]) № 1216. Выраженіе „покорнѣйше проситъ" встрѣчается въ позднѣйшемъ циркулярѣ 1882 г., разосланномъ почему то безъ обозначенія числа и №.

[5]) № 3768.

[6]) Такое выраженіе въ 1881 г. не употребляется, но позднѣе оно встрѣчается довольно часто; см. напр. циркул. 1885 г. № 3184.

части не мотивированы; но иногда Главн. Упр. по Дѣламъ Печати предписываетъ „сдержанность въ сужденіяхъ“, дабы не усиливать смуты, порожденной въ обществѣ“ такимъ-то событіемъ[7]), или потому, что раскрытіе какихъ нибудь фактовъ въ печати „вредно отзывается на слѣдственныхъ дѣлахъ“[8]), или потому, что „обсужденіе этого вопроса въ печати, будучи основано на предположеніяхъ и догадкахъ, не можетъ принести пользы“, а иногда и потому даже, что „неосторожныя сужденія“ газетъ (о болгарскомъ вопросѣ) „могли бы дурно повліять на весь Балканскій полуостровъ“ (!)[9]); былъ даже одинъ циркуляръ, указавшій на газетныя замѣтки по поводу проэкта Военнаго Министерства устроить мукомольню; замѣтки эти вызвали разныя предложенія Министерству, и вотъ „для предупрежденія напрасной переписки, возникшей по этому поводу“, Главн. Упр. запрещаетъ сообщать свѣдѣнія о подобныхъ проэктахъ[10]).

Не менѣе разнообразно и содержаніе циркуляровъ. Послѣ циркуляра 4 марта, который, не смотря на временный характеръ подобныхъ предписаній (ст. 140 Ц. Уст. 1890 г.), очевидно сохраняетъ свою силу и донынѣ, Главн. Управленію всего одинъ разъ, именно 10 іюля 1881 г., пришлось подтвердить выраженное въ немъ предписаніе „воздерживаться отъ всякихъ намековъ на необходимость измѣненія нашего государственнаго строя, о земскомъ соборѣ, о центральныхъ съѣздахъ представителей земства“[11]). Печать, очевидно, въ достаточной мѣрѣ прониклась духомъ этого циркуляра и если позволяла себѣ изрѣдка „намеки на необходимость измѣненія государственнаго строя“, то дѣлала это настолько сдержано и осторожно, что цензура послѣ пріостановки „Молвы“ и „С.Петербургскихъ Вѣдомостей“ не обращала на нихъ вниманія[12]). Но за то она пошла дальше. По

[7]) См. уже цитированный циркуляръ отъ 4 марта 1881 г.

[8]) № 2006.

[9]) № 1725.

[10]) 1890, № 4844.

[11]) № 2762.

[12]) Къ ряду мѣръ этой категоріи нужно отнести вырѣзку изъ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1881 г. стр. 353 — 354. Запрещенію подверглась собственно одна фраза, въ которой цензура, очевидно, узрѣла намекъ на земскій соборъ: „Мы боимся, чтобы мѣстное самоуправленіе. не связанное органически съ цѣлымъ государственнымъ строемъ, не обратилось въ такую же пародію на самоуправленіе, какою являются теперь, вопреки духу положеній 19 февраля и намѣреній его составителей, волостныя учрежденія“. Все остальное, что говорилъ авторъ статьи о мѣстномъ самоуправленіи — уцѣлѣло. Ради одной этой фразы цензура заставила перепечатать цѣлыя двѣ страницы.

поводу совѣщанія свѣдущихъ людей по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей, „Русскій Курьеръ“ замѣтилъ, что было бы „всего вѣрнѣе предоставить земствамъ указать тѣхъ лицъ, которыя могли бы явиться наиболѣе знающими и наиболѣе искренними представителями интересовъ населенія“. „Врядъ ли возможно ожидать особаго успѣха“ отъ дѣятельности вновь образованной коммиссіи, говорила газета, эксперты будутъ неизбѣжно судить и рѣшать на основаніи знакомства со своею мѣстностью, а такъ какъ число ихъ ограничено (12 человѣкъ изъ 8 губерній), то сужденія коммиссіи неизбѣжно будутъ односторонними. Сверхъ того, выкупные платежи связаны съ разными сторонами крестьянскаго быта, пониженіе ихъ неизбѣжно повлечетъ увеличеніе расходовъ казны, и поэтому этого вопроса нельзя выдѣлять изъ ряда другихъ вопросовъ[13]). Въ статьѣ не было сказано ничего болѣе, но въ первые мѣсяцы царствованія Александра III подобныя мысли уже рѣшительно не допускались, и газета получила 2-ое продостереженіе за „возбужденіе недовѣрія къ мѣропріятіямъ правительства“.

Статья закона, предоставляющая печати право критиковать „какъ отдѣльные законы и цѣлое законодательство, такъ и распубликованныя правительственныя распоряженія“, очевидно, оказывалась неудобной, и потому „въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ“, министерство рѣшилось, не отмѣняя ея въ законодательномъ порядкѣ, сократить сколь возможно болѣе ея примѣненіе. Не довольствуясь предостереженіемъ „Русскому Курьеру“ 10 октября того же года, оно даетъ 2-ое предостереженіе газетѣ „Земство“ за то, что она, „не смотря на объявленное ей 31 марта 1-ое предостереженіе и на неоднократныя предупрежденія позволяетъ себѣ относиться съ непозволительной рѣзкостью къ дѣйствіямъ и распоряженіямъ правительства, и тѣмъ возбуждаетъ къ нему недовѣріе“. Въ подтвержденіе обвиненія указано 6 статей газеты (первыя статьи въ №№ 34, 44, 45 и Внутреннія Обозрѣнія въ №№ 32, 38, 43). Изъ приведенныхъ статей врядъ ли хоть одна превосходитъ рѣзкостью тона о мѣропріятіяхъ правительства цитированную статью „Русскаго Курьера“, а въ одной (Внутреннее Обозрѣніе № 38) говорится объ обнищаніи народа, пониженіи урожайности земли, задолженности крестьянства, но ни однимъ словомъ не упоминается „о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства“.

[13]) „Русскій Курьеръ“ 1881 г. № 149.

Этими мѣропріятіями цѣль была достигнута: печать обуздана и „неумѣстныя разсужденія“ о государственномъ строѣ прекращены. Только относительно одного, хотя и весьма важнаго вопроса, входящаго въ область вопросовъ о государственномъ строѣ, министерству пришлось еще однажды прибѣгнуть къ суровой репрессивной мѣрѣ. Это былъ вопросъ о свободѣ слова. Въ 1880 году и первые два мѣсяца 1881 г. русская журналистика была полна разсужденіями о положеніи печати въ Россіи и на Западѣ; она вся, за немногими исключеніями, выражала рѣшительное сочувствіе принципу свободы слова и относилась съ строгимъ осужденіемъ къ порядкамъ, господствовавшимъ у насъ въ этой области. Въ новое царствованіе это стало невозможнымъ. Вступивъ на путь строго національной политики, признавъ полную самобытность нашего государственнаго и общественнаго строя, правительство не могло допустить, чтобы такой важный институтъ, какъ цензура, подвергся болѣе или менѣе суровой критикѣ. Между тѣмъ печати не легко было примириться съ новымъ, созданнымъ для нея положеніемъ, и въ ней время отъ времени проскальзывали статейки, въ которыхъ съ завистью говорилось о положеніи прессы на Западѣ. 1 августа 1881 г. появилась даже газета, систематически подчеркивавшая и выдвигавшая на первый планъ вопросъ о свободѣ печати. Это была „Новая Газета“, редактировавшаяся г. Модестовымъ. Въ № 1 ея было заявлено, что редакція, получившая право на изданіе газеты уже довольно давно, въ тѣ времена, когда печать могла надѣяться на лучшее будущее, хотѣла было въ виду измѣнившихся общественныхъ условій вовсе отказаться отъ своего предпріятія; но пробѣлъ, образовавшійся въ нашей либеральной журналистикѣ воспослѣдовавшимъ въ іюлѣ того же года закрытіемъ „Голоса“, заставилъ ее воспользоваться своимъ правомъ. Такимъ образомъ „Новая Газета“ прямо заявляла себя органомъ либерализма. Въ то время это еще допускалось; впослѣдствіи правительству удалось добиться того, что даже органы несомнѣнно либеральные избѣгаютъ этой клички въ примѣненіи къ самимъ себѣ. Въ слѣдующихъ №№ „Новая Газета“ помѣстила нѣсколько статей, посвященныхъ свободѣ печати и законодательству о печати во Франціи. На 7 № „Новая Газета“ подверглась карѣ.

«Принимая во вниманіе, что сужденія редакціи «Нов. Газеты» о правѣ и обязанностяхъ печати, выраженныя въ передовыхъ статьяхъ № 3 и въ фельетонѣ № 5 подъ заглавіемъ «Свобода печати» — находятся въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствующими у насъ поста-

новленіями о печати и потому не могутъ быть терпимы; что въ № 1 редакторъ уже напередъ заявлялъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ и вызывающимъ тономъ о полной солидарности «Нов. Газеты» съ газетою «Голосъ», пріостановленной за предосудительное направленіе и что «Нов. Газ.» приняла внѣшній видъ пріостановленной газеты, не оправдываемый вполнѣ матеріальными условіями и явно разсчитанный самымъ распредѣленіемъ отдѣловъ на усиленіе въ обществѣ увѣренности, что она въ дѣйствительности не что иное, какъ продолженіе «Голоса», —

Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ объявить „Новой Газетѣ“ первое предостереженіе и прекратить ея розничную продажу. Газета отвѣтила на это въ послѣднемъ своемъ 8 № статьей, въ которой рѣзче и смѣлѣе говорила о невозможномъ положеніи у насъ печати и заявила о своемъ прекращеніи.

Предостереженіе, данное „Новой Газетѣ“, представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ сравнительно съ предыдущими. О формальной правильности предостереженія, даннаго „Русскому Курьеру“, еще можно спорить, предостереженіе же „Новой Газетѣ“ представляетъ уже несомнѣнное беззаконіе. Ни въ какихъ законахъ и никогда не было запрещено газетѣ принимать внѣшій видъ другой, хотя бы и запрещенной газеты; тѣмъ менѣе могло быть запрещено принимать внѣшній видъ или даже заявлять о своей солидарности съ „Голосомъ“, который былъ пріостановленъ на время вовсе не за „предосудительное направленіе“, а только за „выходящіе изъ послѣднихъ предѣловъ приличія сужденія и отзывы о князѣ Болгарскомъ“ и за „неумѣстныя сужденія, оскорбительныя для флота“[14]). Что касается до статей о свободѣ слова, то при всей ясности и опредѣленности ихъ языка, министръ не съумѣлъ указать статьи Цензурнаго Устава, которой бы онѣ противорѣчили. И дѣйствительно, разъ сохраняется право критическаго отношенія къ отдѣльнымъ законамъ или всему законодательству, — не можетъ подлежать сомнѣнію и право относиться съ сочувствіемъ къ французскимъ законамъ о печати и отрицательно къ русскимъ цензурнымъ порядкамъ, конечно, при условіи не призывать къ неповиновенію имъ, — но о чемъ нибудь подобномъ „Новая Газета“, конечно, и не помышляла. Не со-

[14]) Слова предостереженія, что внѣшнее сходство не оправдывается матеріальными условіями есть, очевидно, возраженіе на объясненіе „Новой Газеты“, что внѣшнее ея сходство съ „Голосомъ“ опредѣляется исключительно печатаніемъ въ той же типографіи, въ которой печатался „Голосъ“ и которая не располагаетъ другимъ шрифтомъ.

всѣмъ вѣрно также заявленіе министра, будто „Новая Газета“ „въ рѣзкихъ выраженіяхъ и вызывающимъ тономъ“ заявляла о своей «полной солидарности съ „Голосомъ“». Она заявляла только о томъ, что она возникаетъ въ виду прекращенія „Голоса“, образовавшаго пробѣлъ въ либеральной журналистикѣ, а это далеко не одно и то-же.

Однако, въ то самое время, когда „Новая Газета“ подверглась преслѣдованіямъ за защиту свободы и печати, въ то самое время „Русская Мысль“ могла напечатать статью г. С. — Пр. о „Положеніи печати“, которая сообщила много фактовъ изъ русской цензурной практики самаго послѣдняго времени и, разумѣется, выставляла цензуру не въ особенно привлекательномъ видѣ. Статья эта по своему характеру врядъ ли является менѣе предосудительной, скорѣе даже болѣе, чѣмъ статьи „Новой Газеты“. Тѣмъ не менѣе, цензура оставила ее безъ возмездія. Точно также впослѣдствіи цензура нерѣдко пропускала отдѣльныя замѣтки въ газетахъ, въ томъ числѣ многія замѣтки г. Суворина въ „Новомъ Времени“, а тѣмъ болѣе Ивана Аксакова въ „Руси“ (въ послѣднее время г-на Гаммы въ Лучѣ), которыя представляютъ развитіе той же идеи. Такимъ образомъ, ставя печати предѣлы на каждомъ шагу, цензура все таки съ нѣкоторою снисходительностью предоставляетъ ей мечтать о будущемъ или прошломъ, весьма впрочемъ относительномъ, благополучіи.

Въ связи съ запрещеніемъ говорить объ общемъ государственномъ строѣ Россіи, о земскомъ соборѣ и конституализмѣ, совершенно естественно было запретить говорить о политическихъ преступленіяхъ, объ арестахъ, о революціонныхъ движеніяхъ и о политическихъ процессахъ; это и воспослѣдовало въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ[15]). Въ этихъ циркулярахъ строго установлено, чтобы газеты не смѣли сообщать чего бы то ни было, какъ на основаніи собственныхъ свѣдѣній, такъ и на основаніи свѣдѣній, заимствованныхъ изъ иностранныхъ газетъ. ни о производимыхъ арестахъ, ни о процессахъ, ни объ отдѣльныхъ политическихъ преступленіяхъ, какъ, напримѣръ, о покушеніи на жизнь генерала Черевина[16]), кромѣ того, что сообщается объ нихъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Запрещеніе говорить объ арестахъ мотивируется обыкновенно интересами слѣдствія, но

[15]) Циркуляръ 12 марта, 24 марта, 26 марта, 15 и 27 мая, 21 августа.

[16]) Объ этомъ покушеніи мы не знаемъ ровно ничего, кромѣ того, что объ немъ 13 ноября 1881 г. запрещено говорить..

такъ какъ интересы слѣдствія не вели еще въ то время за собою подобныхъ же мѣропріятій относительно уголовныхъ дѣлъ и такъ какъ эти интересы не могли бы препятствовать помѣщенію болѣе добросовѣстнаго отчета о процессѣ 1 марта, чѣмъ тотъ, который печатался въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, то совершенно естественно, что эта мотивировка не возбуждаетъ довѣрія, — къ тому же она не всегда приводилась. Такъ въ циркулярахъ 27 мая сказано просто: не сообщать объ арестахъ даже такихъ краткихъ свѣдѣній, какъ въ № 144 „Голоса“.

Между тѣмъ 1881 г. былъ временемъ разгара революціоннаго движенія; политическіе аресты шли длинной вереницей одинъ за другимъ, вырывая изъ среды общества молодыя силы, нерѣдко разоряя или губя цѣлыя семьи; конечно, они не могли не интересовать, даже не волновать общество. Понятно, что печать, отзываясь на требованія публики, не могла совершенно молчать о едва ли не важнѣйшемъ событіи того времени. Этимъ и объясняется, что цензура не могла установить молчанія въ этой области сразу однимъ циркуляромъ, а должна была подтверждать одинъ циркуляръ другимъ, другой—третьимъ. Замѣтка „Голоса“, вызвавшая одинъ изъ нихъ, сообщала въ трехъ строкахъ о разнесшемся слухѣ, что арестовано нѣсколько человѣкъ, служащихъ въ флотѣ. Хотя говорить объ этомъ было уже запрещено, но цензура не сочла возможнымъ подвергнуть „Голосъ“ какому либо взысканію. Это было въ маѣ 1881 г. Въ іюлѣ она дѣйствовала уже рѣшительнѣе. Въ № 202 „Русскаго Курьера“ была помѣщена короткая корреспонденція изъ Восточной Сибиры, въ которой говорилось:

«Въ Средней Карѣ въ послѣднее время изъ политическихъ ссыльныхъ М. Ковалевская сошла съ ума, Родинъ отравился (жена его теперь ѣдетъ въ Россію), Семеновскій застрѣлился, Чарушину (по проц. 193) срокъ каторги окончился, и онъ отправленъ на поселеніе въ Якутскую область».

Въ томъ же №, въ корреспонденціи изъ Кіева, сообщается о многочисленныхъ арестахъ и высылкахъ, произведенныхъ слишкомъ поспѣшно, такъ что сами власти принуждены были признать свою ошибку. Черезъ нѣсколько дней, газета отягчила свое преступленіе корреспонденціей изъ Нѣжина о еврейскомъ погромѣ, во время котораго войска дѣйствовали неправильно, защищая только одного богатаго еврея и оставляя другихъ на жертву бушевавшей толпѣ. 1-го августа воспослѣдовало распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ. Указывая на двѣ корреспонденціи: „о поли-

тическихъ ссыльныхъ съ подробностями, обнаруживающими стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе", и на корреспонденцію изъ Нѣжина, въ коей „дѣйствія властей преднамѣренно объясняются съ весьма невыгодной стороны", министръ опредѣлилъ дать газетѣ 3-е предостереженіе и прекратить ее на 4 мѣсяца.

Дискредитированіе властей, какъ мы уже видѣли, явилось поводомъ для 2-го предостереженія „Земству" и для 3-го предостереженія „Русскому Курьеру"; 1-ое же предостереженіе „Земству" и 2-ое „Голосу" были даны за „недозволительное и несправедливое осужденіе дѣятельности лицъ, занимающихъ высшія государственныя должности", именно за неблагопріятный отзывъ о министрѣ Маковѣ. Отзывъ этотъ былъ сдѣланъ на основаніи оффиціальной брошюры: „Обозрѣніе Олонецкой губ. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Маковымъ въ 1879 году" (Петрозаводскъ 1879), изъ которой „Земство" убѣдилось, что все обозрѣніе губерніи состояло въ торжественныхъ встрѣчахъ и пріемахъ, въ пустыхъ разговорахъ съ исправниками и другими чиновниками. Статья „Земства" (№ 17) заканчивалась указаніемъ, что Макова смѣнилъ на его посту графъ Лорисъ-Меликовъ, обнаруживший талантъ и привлекшій симпатіи общества. „Но, увы, графъ Лорисъ-Меликовъ былъ той ласточкой, которая одна не дѣлаетъ весны. Вокругъ него оставались старые дѣятели временъ реакціи, которые не внушали довѣрія обществу и способны были только противодѣйствовать великому дѣлу государственнаго замиренія на почвѣ государственныхъ реформъ". Комплиментъ Лорисъ-Меликову не смягчилъ министра, и предостереженіе было дано.

Не одинъ Маковъ подлежалъ защитѣ цензуры. Циркуляромъ 17 августа было строго предписано „воздерживаться отъ помѣщенія какихъ либо неблагопріятныхъ отзывовъ о дѣятельности бывшаго С.-Петербургскаго градоначальника, генерала Баранова", и это какъ разъ послѣ того, какъ правительство этого самаго Баранова за его дѣятельность въ качествѣ С.-Петербургскаго градоначальника отправило въ ссылку губернаторомъ Архангельской губерніи.

Если цензура такъ относилась къ дѣятельности второстепенныхъ правительственныхъ лицъ, то совершенно понятно, что она подвергла особенной защитѣ Государя Императора и „признала", въ рядѣ циркуляровъ, „настоятельно необходимымъ воспретить печатать, помимо заимствованій изъ «Правительственнаго Вѣстника», что либо, касающееся Государя Императора и Августѣйшей Фамиліи", „даже о мѣ-

стахъ и учрежденіяхъ, которыя будутъ посѣщаемы", тѣмъ болѣе о какомъ-то таинственномъ событіи съ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ (по всей вѣроятности рѣчь идетъ не о произведенной имъ кражѣ брилліантовъ у матери и о воспослѣдовавшемъ за этимъ по Высочайшему повелѣнію возмездіи, — это событіе имѣло мѣсто гораздо ранѣе, — а можетъ быть о его самовольной женитьбѣ); даже опечатки въ титулѣ Его Императорскаго Величества обратили на себя вниманіе цензуры, и Главное Управленіе просило редакціи остерегаться ихъ[17]).

Стремясь къ тому, чтобы печать не говорила ничего о высшемъ правительствѣ, Главное Управленіе 1-го мая разослало по редакціямъ такой циркуляръ.

„Признано совершенно необходимымъ, чтобы напечатанное въ «Порядкѣ» извѣстіе о болѣзни Лорисъ-Меликова и о программѣ его въ № 96 «Рижской Газеты» не были перепечатываемы". Воспрещается „и сообщеніе какихъ-бы то ни было слуховъ о перемѣнахъ въ личномъ составѣ государственныхъ высшихъ чиновъ"[18]). Циркуляръ этотъ черезъ два мѣсяца былъ подтвержденъ новымъ[19]).

Вотъ замѣтка „Порядка", о которой идетъ рѣчь:

«Вчера въ городѣ распространились слухи о болѣзни гр. Лорисъ-Меликова, мѣшающей ему заниматься государственными дѣлами; говорятъ о возможномъ оставленіи имъ поста. Слухи о болѣзни гр. Д. Милютина и А. Абазы распространялись сегодня».

На слѣдующій день „Порядокъ" вышелъ съ бѣлыми столбцами: наложенное на него запрещеніе объявленій пришло слишкомъ поздно, и газета не успѣла заполнить пробѣла, образовавшагося вслѣдствіе вынутія уже набранныхъ и приготовленныхъ къ печати объявленій. Не прошло и недѣли послѣ наложенія взысканія на „Порядокъ", какъ Лорисъ-Меликовъ, а вслѣдъ за нимъ Абаза и Милютинъ дѣйствительно вышли въ отставку. Между тѣмъ „Порядокъ" все еще выходилъ въ свѣтъ безъ объявленій.

Къ этой же категоріи циркуляровъ относится циркуляръ 3 іюня за № 2244, т. е. изданный уже при графѣ Игнатьевѣ, въ которомъ Главное Управленіе, въ изысканныхъ и необычно деликатныхъ выраженіяхъ „проситъ господъ редакторовъ относиться, по возможности, съ крайней осторожностью, хотя бы на первое время", къ организаціи и дѣя-

[17]) Циркуляры 13 марта, 8 апрѣля, 16 іюля, 27 августа, 3 декабря.

[18]) Циркуляръ № 1764.

[19]) Циркуляръ № 2129.

тельности Высочайше утвержденнаго Особаго Совѣщанія по вопросу о пониженіи выкупныхъ платежей.

Послѣдній циркуляръ говоритъ уже, хотя еще не совсѣмъ рѣшительно, о намѣреніи цензуры изъять по возможности изъ вѣдѣнія текущей печати крестьянскій вопросъ; впослѣдствіи это было установленно тверже и опредѣленнѣе, но въ 1881 г. мы знаемъ, кромѣ вышеприведеннаго, только одинъ циркуляръ отъ 12 іюня[20]), которымъ запрещены статьи, подобныя статьямъ „Русскихъ Вѣдомостей“ о Лютарическомъ дѣлѣ и вообще сообщенія „тенденціозныхъ слуховъ и свѣдѣній объ отношеніяхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ“. Дѣло, о которомъ здѣсь упоминается, есть дѣло крестьянъ села Люторочи (Тульской губерніи), которые систематическими вымогательствами со стороны управляющаго имѣніемъ помѣщика графа Бобринскаго, г. Фишера были доведены до сопротивленія властямъ.

Сюда же еще можно отнести циркуляръ, коимъ Главное Управленіе предписываетъ „относиться къ вопросу о переселеніяхъ съ особою осторожностью и спокойствіемъ, воздерживаясь отъ всего, могущаго возбуждать народъ или вызывать въ немъ неосновательныя и гибельныя для сельскаго населенія стремленія къ переселенію“[21]).

На ряду съ крестьянскимъ вопросомъ подобную-же заботливость правительства вызываетъ вопросъ еврейскій. Цензура въ двухъ циркулярахъ[22]) запретила сообщать какія бы то ни было подробности о еврейскихъ безпорядкахъ или перепечатывать уже проскользнувшія въ печать извѣстія объ нихъ.

Такимъ же образомъ цензура беретъ подъ свою охрану университетъ, университетскіе порядки, гимназіи и другія учебныя заведенія, запрещая говорить „о какого бы то ни было рода происшествіяхъ и явленіяхъ внутренней ихъ жизни“[23]); войско и флотъ[24]), „внутренніе порядки“ кото-

[20]) Циркуляръ № 2376.

[21]) Циркулятъ 10 октября за № 3935.

[22]) Циркуляры №№ 1926 и 3681

[23]) Циркуляры 16 апрѣля, 31 мая, 4 ноября.

[24]) 14 апрѣля, 3 октября, 24 декабря. За сообщеніе между прочимъ свѣдѣній о флотѣ, „Голосъ“, какъ мы видѣли выше, подвергся предостереженію. Въ № 202 „Голоса“ было сообщено, что съ корвета „Аскольдъ“ въ Средиземномъ морѣ бѣжалъ личманъ Григорьевъ, завѣдывавшій денежною и хозяйственною частью; въ кассѣ оказался недочетъ; въ книгахъ путаница. Мичманъ Григорьевъ обращалъ на себя вниманіе и ранѣе нѣкоторыми странностями, но командиръ суда не придавалъ этому значенія. „Надо надѣяться, говорилось въ

рыхъ дѣлаются недоступными для печати; земство и думы[25]). О внутреннихъ ихъ порядкахъ говорить, конечно, можно, но нельзя сообщать о „противозаконныхъ заявленіяхъ, дѣлаемыхъ на ихъ собраніяхъ, о ихъ постановленіяхъ и приговорахъ и въ особенности адресахъ“, безъ предварительнаго разрѣшенія подлежащихъ властей. Запрещеніе направлено, очевидно, противъ составлявшихся въ то время многочисленныхъ земскихъ адресовъ съ требованіями Земскаго Собора, но фактически оно устраняло (въ этомъ отношеніи, впрочемъ, только возстановляя дѣйствіе статьи 82 Цензурнаго Устава) изъ вѣдѣнія столичной печати почти всю земскую жизнь, такъ какъ для нея крайне затруднительно обращаться за разрѣшеніемъ къ мѣстнымъ губернаторамъ.

Въ области иностранной политики только одинъ вопросъ вызывалъ въ 1881 году спеціальную цензурную охрану; это былъ вопросъ болгарскій. Какъ извѣстно, въ 1881 году въ Болгаріи совершился государственный переворотъ, напоминающій coup d'état Л. Наполеона: князь Александръ Баттенбергъ отмѣнилъ конституцію и провозгласилъ себя самодержавнымъ монархомъ. Само собою разумѣется, что этотъ переворотъ, быть можетъ совершенный не безъ поддержки со стороны русскаго правительства, вызвалъ восторги въ русской реакціонной печати (въ особенности въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а такъ-же въ „Руси“), и нашелъ полную поддержку въ русскомъ правительствѣ. Она сказалась между прочимъ въ цензурномъ циркулярѣ 29 апрѣля[26]):

«Въ виду совершившагося въ Болгаріи переворота и необходимости (sic) поддержать князя Александра, потому что удаленіе его повлекло бы анархію, признано желательнымъ, чтобы наша пресса отнеслась съ осторожностью къ настоящимъ событіямъ въ Софіи, тѣмъ болѣе, что неосторожныя сужденія могли бы дурно повліять на весь Балканскій полуостровъ». (!?)

Такъ какъ нѣкоторыя статьи и корреспонденціи во враждебномъ князю Александру духѣ все таки успѣли проскользнуть въ печать, то черезъ два дня цензурѣ пришлось новымъ циркуляромъ запретить перепечатку этихъ статей,

статьѣ, что случай этотъ заставитъ морское вѣдомство осмотрительнѣе назначать командировъ судовъ дальняго плаванія, ибо они — главные представители чести русскаго флота, а эту честь какже не держать высоко“. Въ статьѣ были найдены „неумѣстныя сужденія, оскорбительныя для флота“.

[25]) Циркуляры 28 мая, 4 іюля.

[26]) Циркуляръ № 1725.

а черезъ три мѣсяца министръ внутреннихъ дѣлъ далъ 3-е предостереженіе „Голосу“ съ 6-тимѣсячной пріостановкой, между прочимъ за его „выходящія изъ послѣднихъ предѣловъ приличія сужденія и отзывы о князѣ Болгарскомъ“ (другимъ поводомъ были „неумѣстныя сужденія, оскорбительныя для флота“).

Въ 1881 г. еще не было ни одного циркуляра по вопросамъ финансовымъ, но за то мы уже находимъ одинъ случай закрытія для гласности грубаго преступленія; а именно, было запрещено говорить о расхищеніи земель въ Оренбургской губерніи[27]).

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами, можно было бы остановиться еще на десяткѣ циркуляровъ, посвященныхъ разнымъ частнымъ событіямъ, въ родѣ избранія графа Лорисъ-Меликова петербургскою думою въ почетные граждане, которое вмѣстѣ съ происходившими при этомъ преніями должно было быть скрыто отъ публики[28]), но мы пройдемъ мимо нихъ и остановимся еще на одномъ циркулярѣ, имѣющемъ общій характеръ[29]).

Имъ было запрещено перепечатывать изъ спеціальныхъ изданій „нѣкоторые научные выводы, имѣющіе нецензурный смыслъ; за всякаго рода тенденціозные выводы изъ научныхъ статей, изъ сопоставленія изложенныхъ въ нихъ историческихъ фактовъ съ обстоятельствами настоящаго времени, послѣдуетъ взысканіе“, говорилось въ немъ и дѣлалась ссылка на правительственное заявленіе, опубликованное въ № 179 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1869 годъ. Въ этомъ длинно и пространно мотивированномъ заявленіи сообщалось, что спеціальныя изданія въ виду ихъ научнаго характера и малой распространенности „составляютъ передъ закономъ предметъ нѣкотораго снисхожденія“, но перепечатки изъ нихъ въ общихъ литературныхъ изданіяхъ будутъ преслѣдоваться по всей строгости законовъ“. Циркуляръ этотъ, очевидно, обязанъ своимъ возникновеніемъ какому то частному факту, но правительство придавало ему болѣе широкое значеніе и впослѣдствіи дважды подтвердило его[30]).

Таковы въ общихъ чертахъ принципы, которыми руководилась цензура въ первые мѣсяцы новаго царствованія. На

[27]) Циркуляръ 4 октября 1881 г.
[28]) Циркуляръ 18 мая № 2046.
[29]) Циркуляръ № 1928.
[30]) Циркуляры 9 сентября 1881 г. и 3 сентября 1883 г.

практикѣ (мы уже видѣли тому доказательства), — происходили иногда колебанія и въ сторону излишней строгости, и въ сторону нѣкоторыхъ послабленій. Поворотъ, произошедшій въ дѣятельности этого учрежденія послѣ 1 марта былъ такъ крутъ, что даже цензора не всегда умѣли понять требованія минуты. Такъ, распоряженіемъ 25 мая былъ пріостановленъ на 6 мѣсяцевъ подцензурный журналъ „Свѣтъ и Тѣни“, а вмѣстѣ съ тѣмъ цензоръ, пропустившій злосчастный нумеръ журнала, г. Никитинъ, уволенъ отъ должности[31]). Просмотрѣвъ отъ начала до конца весь нумеръ журнала, мы не могли догадаться, за что его постигла кара[32]). 19 іюня былъ пріостановленъ на 4 мѣсяца „Одесскій Листокъ“, и вскорѣ послѣ этого „мѣстный предсѣдатель цензурнаго комитета г. Егоровъ устраненъ отъ внутренней цензуры; по общему говору, — какъ заявляетъ «Русская Мысль», — поводомъ къ этому послужила исторія съ «Одесскимъ Листкомъ»“[33]).

Само собой разумѣется, что наиболѣе сильныя уклоненія въ сторону наибольшей строгости имѣли мѣсто въ провинціи. Мы приведемъ здѣсь одинъ фактъ, заимствованный изъ той же статьи „Русской Мысли“. Въ городѣ Томскѣ исполнявшій должность цензора чиновникъ Гиляровъ зашелъ въ своемъ рвеніи такъ далеко, что не дозволилъ „Сибирской Газетѣ“ напечатать въ полномъ видѣ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 6 мая, разъясняющій Высочайшій манифестъ отъ 29 апрѣля. Буквально понимая смыслъ цензурныхъ постановленій объ участіи общества въ дѣлахъ управленія, онъ вычеркнулъ изъ циркуляра всѣ тѣ мѣста, „гдѣ говорится, что правительство предоставитъ надлежащіе способы общественнымъ силамъ участвовать въ искорененіи крамолы, что права дворянства, земства и городскихъ сословій останутся неприкосновенными и что крестьяне получатъ возможныя облегченія, улучшеніе ихъ общественнаго устройства и хозяйственнаго быта“[34]).

Въ то время это было еще смѣло и оригинально; впо-

[31]) См. „Русскую Мысль“ 1881 г. № 8, стран. 61.

[32]) Во время печатанія этой статьи мы узнали, что кара объяснялась помѣщенною въ № 19-мъ картинкою, въ родѣ загадочной, въ которой можно было усмотрѣть висѣлицу, составленную изъ двухъ воткнутыхъ въ чернильницы перьевъ и перевивающей ихъ узорной надписи: „Наше оружіе для разрѣшенія насущныхъ вопросовъ“.

[33]) „Русская Мысль“ 1881 г., № 8, стр. 61.

[34]) Ibid. стр. 63.

слѣдствіи, какъ мы скоро увидимъ, само Главное Управленіе стало находить не цензурными нѣкоторыя сообщенія „Правительственнаго Вѣстника“.

ГЛАВА III.

Цензурные циркуляры съ начала 1882 г. до смерти императора Александра III.

Правительство вступило на новый путь; ни литература, ни общество не протестовали сколько нибудь серьезнымъ образомъ. Было ясно, что можно смѣло идти впередъ по той же дорогѣ. Она была уже расчищена, основные принципы выработаны: высшая политика, основныя черты государственнаго строя, всѣ высшія правительственныя лица, жизнь университетовъ и другихъ учебныхъ заведеній, внутренніе порядки въ арміи, отношенія между помѣщиками и крестьянами, въ большей или меньшей степени, стали недоступными для общественнаго обсужденія и критики. Конечно, это было еще не все: финансы, иностранная политика (кромѣ одного вопроса) не вызвали еще спеціальной охраны, помимо той общей, которая и безъ того предоставлена имъ Цензурнымъ Уставомъ.

Эпоха 1860-хъ годовъ вызвала къ жизни и самодѣятельности общественныя силы русскаго народа. Историческая задача эпохи царя миротворца была уничтожить и подавить эти общественныя силы, на сколько это возможно; земство изъ выборнаго нужно было сдѣлать назначаемымъ; сократить районъ дѣятельности суда присяжныхъ; за невозможностью возстановить крѣпостное право возвратить хоть часть власти дворянству въ лицѣ его земскихъ начальниковъ. Правительство очень хорошо понимало, что достигнуть своихъ цѣлей оно можетъ только, предварительно лишивъ общество права и возможности обсуждать новое направленіе политики. Въ виду этого роль Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати была чрезвычайно важная, и оно бодро и смѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно осмотрительно, приступило къ своей работѣ.

Правда, число циркуляровъ, достигшее въ 10 мѣсяцевъ 1881 г. — 47-ми, постепенно падаетъ до 1889 г., когда оно

достигаетъ 9; затѣмъ оно постепенно поднимается до 25-ти 1894 г. — годъ смерти царя миротворца (изъ нихъ 5 приходится на время его наслѣдника); въ 1895 г. оно вновь понижается до 11, чтобы подняться до 17 въ первые 10 мѣсяцевъ 1896 г.[1]) Но характеръ циркуляровъ доказываетъ, что причина численнаго ихъ уменьшенія лежитъ не въ ослабленіи цензурной энергіи, а скорѣе въ томъ, что благодаря общему характеру значительной ихъ части, въ новыхъ не было надобности. Такъ, напримѣръ, мы уже не встрѣчаемся болѣе съ циркулярами, запрещающими говорить о конституціи, Земскомъ Соборѣ или общихъ недостаткахъ нашего государственнаго строя. Напротивъ того, циркуляры о Высочайшихъ Особахъ время отъ времени повторяются, хотя характеръ ихъ отчасти мѣняется. Теперь не запрещаютъ сообщать о Государѣ что бы то ни было, кромѣ напечатаннаго въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, а требуютъ только прежде всего представленія подобныхъ извѣстій на спеціальную цензуру министра Императорскаго Двора, а затѣмъ того, чтобы „редакціи представляли въ Цензурный Комитетъ каждый разъ одновременно съ нумерами изданій и подлинныя рукописи съ надписями, удостовѣряющими, что къ напечатанію ихъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ препятствій не встрѣчается“[2]).

Въ 1894 г. является новый поводъ для предписаній подобнаго рода: болѣзнь Императора Александра III. 17 января Главное Управленіе предупреждаетъ редакціи „не печатать никакихъ статей, извѣстій и корреспонденцій, кромѣ обнародованныхъ бюллетеней“[3]), а 6 октября оно дѣлаетъ предписаніе, чтобы №№ газетъ, доставляемые къ Императорскому Двору, печатались вовсе безъ бюллетеней о здоровьѣ Его Императорскаго Величества[4]). Черезъ нѣсколько

[1]) Нашъ матеріалъ не отличается безусловной полнотой, но количество недостающихъ у насъ циркуляровъ сколько нибудь значительно только для 1881 г. и 1896 г.; для перваго оно можетъ быть достигаетъ десятка, для послѣдняго, вѣроятно, нѣсколько менѣе; для каждаго изъ остальныхъ лѣтъ оно врядъ ли достигаетъ пятка.

[2]) 1889 г., 4 февраля № 812; кромѣ того, см. циркуляры 1882 г., 31 мая. 1883 г. 7 мая и 16 декабря, 1884 г. — 23 января, 1888—20 марта и 12 іюля, 1889 г. 1 августа, 1892 г. 23 марта. 8 января 1891 г. циркуляромъ за № 100 Главное Управленіе въ виду вновь появляющихся опечатокъ въ титулѣ Государя нашло нужнымъ вновь напомнить объ прежнихъ на этотъ счетъ циркулярахъ.

[3]) № 334.

[4]) № 5764.

дней Главное Управленіе оповѣщаетъ редакціи, чтобы онѣ не смѣли перепечатывать изъ парижскаго „Journal“ „совершенно нелѣпыя извѣстія о причинахъ болѣзни Государя“[5]). Этими циркулярами министерство добилось, что въ то время, какъ весь міръ съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ за болѣзнью русскаго царя, одно русское общество объ ней ничего не знало, или знало изъ слуховъ, не возбуждавшихъ довѣрія; этимъ оно добилось, что когда французская печать была полна выраженіями сочувствія, въ то время русская — поражала иностранца своимъ непонятнымъ для нихъ индифферентизмомъ.

Государственныя преступленія по прежнему вызываютъ заботливость цензуры. Не довольствуясь предписаніями общаго характера, дѣлаемыми обыкновенно по какому нибудь поводу, о которомъ въ самомъ циркулярѣ не упоминается,— въ дѣйствительности же то по поводу событія 1-го матра 1887 года, то по поводу процесса военныхъ кружковъ[6]), — многія отдѣльныя политическія преступленія вызываютъ спеціальные циркуляры. Такъ, было запрещено сообщать какія либо свѣдѣнія, кромѣ правительственныхъ, объ убійствѣ Судейкина[7]), о взрывѣ динамитныхъ бомбъ въ Цюрихѣ[8]), о взрывѣ въ Якобштадтѣ[9]). Въ свою очередь, основанная нѣсколькими аристократами священная дружина была поставлена подъ охрану циркуляромъ 24 ноября 1882 года, запретившимъ печатать какія бы то ни было „свѣдѣнія и разсужденія о существующемъ будто бы (sic) тайномъ обществѣ, поставившемъ себѣ задачею дѣйствовать противъ террористовъ“.

Было три циркуляра, подтвердившихъ запрещеніе сообщать о предстоящихъ перемѣнахъ въ правительствѣ[10]) и одинъ циркуляръ, запрещающій сообщать о чемъ бы то ни было, происходящемъ въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ какъ по мнѣнію Мин. Вн. Дѣлъ это „не совмѣстимо съ чувствомъ уваженія къ высшему государственному установленію“[11]). Наконецъ, нужно отмѣтить нѣсколько циркуляровъ, которыми изъемлются изъ общественнаго обсужденія нѣкоторые зако-

[5]) 14 октября 1894 г.

[6]) 1882 г., 21 марта. 14 и 28 сентября 1883 г., 24 апрѣля, 1887 г. 4 марта и 13 октября.

[7]) 1883, 17 декабря.

[8]) 1889, 16 марта.

[9]) 1885 г. 25 января.

[10]) 1882 г. 12 іюля, 2 ноября и 1885 г. 7 октября.

[11]) 1888, 18 декабря.

нопроэкты и обсужденія въ правительственныхъ коммисіяхъ различнаго рода вопросовъ; сюда относятся проэктъ реформы законовъ о натурализаціи иностранныхъ подданныхъ въ Россіи[12]), совѣщаніе трехъ министровъ и свѣдущихъ людей по питейному вопросу, о которомъ нельзя писать, „не представивъ предварительно Министру на просмотръ самой статьи“[13]), ревизія въ Прибалтійскихъ губерніяхъ[14]), проектъ освобожденія татаръ отъ воинской повинности[15]), происходившія у М. Г. И. Ермолова совѣщанія по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ[16]), совѣщанія коммиссіи Сипягина „для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, соприкасающихся съ переселенческимъ дѣломъ“[17]); совѣщанія комитета Сибирской жел. дороги[18]) и т. д. Перечисленными и еще немногими исчерпываются всѣ циркуляры подобнаго рода.

Несравненно обильнѣе циркуляры, касающіеся отдѣльныхъ отраслей управленія, отдѣльныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ лицъ. Еврейскій вопросъ вызвалъ 4 циркуляра, однимъ изъ которыхъ „ввиду распространившихся слуховъ, что нѣкоторыя лица имѣютъ безсмысленное и дерзкое намѣреніе составить протестъ противъ какого то мнимаго угнетенія евреевъ“, Главное Управленіе предупреждаетъ редакціи, „что ничего подобнаго не должно появляться на страницахъ ихъ изданій“. Другимъ предписывается „не порождать безплодной и раздражающей полемики“, какъ посредствомъ „огульнаго выставленія ихъ положенія въ печальномъ свѣтѣ“, такъ и посредствомъ нападокъ на всю массу евреевъ[19]).

Земельный вопросъ вызвалъ одинъ общій и очень важный циркуляръ, коимъ воспрещено появленіе въ печати всякихъ извѣстій „о передѣлахъ, равненіи земли, слушномъ часѣ, а равно и статей, въ которыхъ проводится мысль о пользѣ или справедливости измѣненія поземельнаго положенія крестьянъ“[20]). Затѣмъ появился еще болѣе общій циркуляръ, которымъ запрещено изображать въ дурномъ видѣ отношенія между землевладѣльцами и крестьянами и подтверждающій частный циркуляръ, изъемлющій изъ вѣдѣнія общества

[12]) 1883, 19 іюня, 1886, 13 августа.
[13]) 1882 г., число на циркулярѣ невыставлено.
[14]) 1882 г., 25 мая.
[15]) 1884, 15 марта.
[16]) 1893, 14 мая.
[17]) 1894, за № 2015.
[18]) 1893, 18 марта.
[19]) 1882, 20 апр.; 1890, 7 ноября, 1891, 7 и 31 іюня.
[20]) 1882, 17 марта, 12 іюня.

тяжебное дѣло князей Щербатовыхъ съ крестьянами[21]). Наконецъ, ввиду полнаго измѣненія отношенія правительства къ крестьянскому вопросу, ввиду стремленія изгладить, насколько это возможно, изъ памяти общества, самое событіе 19 февраля, — Главное Управл. грозитъ журналамъ самыми строгими карами „за замѣтки и извѣстія о предстоящемъ будто бы празднованіи дня 25-лѣтія освобожденія крестьянъ". Глав. Упр. напоминаетъ изданіямъ, что подобныя празднованія „происходятъ не иначе, какъ съ разрѣшенія высшаго правительства, а такого разрѣшенія не было". Циркуляръ былъ изданъ ввиду нѣкоторыхъ газетныхъ замѣтокъ, но появленіе ихъ впредь „терпимо быть не можетъ"[22]). Этотъ циркуляръ былъ послѣднимъ, посвященнымъ крестьянскому вопросу. Но за то въ 1890-хъ годахъ выступаетъ на сцену рабочій вопросъ, и вотъ 28 іюня 1893 г. Главн. Упр., указавъ на статьи въ С.Петербургскихъ Вѣдомостяхъ по поводу безпорядковъ на Хлудовской фабрикѣ, въ Сынѣ Отечества по поводу безпорядковъ въ Шуѣ, и въ Новомъ Времени объ Юзовскихъ заводахъ, Глав. Упр. предписало: „прекратить вовсе печатаніе подобныхъ статей, ибо, отличаясь тенденціознымъ направленіемъ или сообщая невѣрныя свѣдѣнія, онѣ могутъ причинять существенный вредъ[23]).

Земству и думамъ въ этотъ періодъ было посвящено 5 циркуляровъ, двумя изъ которыхъ періодическія изданія предупреждались отъ опубликованія постановленій, „несоотвѣтствующихъ", по мнѣнію Глав. Управ., „правамъ и обязанностямъ этихъ учрежденій"[24]), однимъ — не говорить ничего о мѣрахъ противъ Новгородскаго земства[25]). Что касается городовъ, то циркуляры находились въ связи со скандалами, которые были вызваны проведеніемъ на практикѣ новаго Городоваго Положенія и его грубыми недостатками, обнаруженными на выборахъ въ Петербургѣ. Такъ, однимъ циркуляромъ было запрещено говорить о „порядкѣ пополненія недоизбранныхъ гласныхъ С.Петербургской Думы", другимъ — „воздерживаться отъ разжигающихъ страсти и волнующихъ общество (sic) разсужденій по поводу городскихъ выборовъ и новаго ихъ порядка"[26]). Изъ длиннаго ряда циркуляровъ,

[21]) 1882, 26 іюля.
[22]) 1885 г., 18 сент.
[23]) 1893 г., 28 іюня.
[24]) 1882, 22 іюня, 1883, 2 января.
[25]) 1883, 29 января.
[26]) 1893 г., 2 апр. и 7 мая.

трактующихъ на разные лады и съ разныхъ сторонъ объ организаціи нашей арміи и флота, и преслѣдующихъ, очевидно, двоякую цѣль: во первыхъ, скрыть отъ общества нѣкоторые крупные недостатки въ нашей военной организаціи, во вторыхъ, утаить отъ иностранныхъ государствъ (хотя врядъ ли это возможно) о различныхъ военныхъ приготовленіяхъ, стратегическихъ работахъ, передвиженіяхъ войскъ, военныхъ заказахъ и проч.[27]), — мы отмѣтимъ только нѣкоторые. Въ одномъ изъ нихъ дѣлается строгое объясненіе, что крейсеры представляютъ извѣстный типъ военныхъ судовъ, и потому суда Добровольнаго флота слѣдуетъ называть просто судами или пароходами, а отнюдь не крейсерами. Въ другомъ возбраняется излагать „оскорбительную для чести русскаго войска“ и „могущую ослабить уваженіе публики къ военному сословію“ публичную лекцію художника В. В. Верещагина, прочитанную имъ 5 февр. 1892 года, въ которой тотъ сказалъ (эти цитаты приведены въ циркулярѣ), „будто генералы и офицеры остаются внѣ сферы губительнаго огня, будто полковники, проскакавъ нѣсколько во главѣ полка и указавъ путь къ славѣ, остаются тоже назади“. Предпослѣдній изъ перечисленныхъ циркуляровъ запрещаетъ сообщать что либо о самоубійствѣ одного пѣхотинца. Ни имя, ни мѣсто происшествія въ циркулярѣ не указаны, и потому редакціямъ, объ этомъ происшествіи ничего не знающимъ, конечно, остается только догадываться, привели ли къ самоубійству общіе военные порядки, или какое нибудь особенное издѣвательство, учиненное надъ самоубійцей кѣмъ либо изъ начальства.

Въ 1881 году въ области иностранной политики, только одинъ болгарскій вопросъ былъ изъятъ изъ вѣдѣнія печати; въ слѣдующіе годы иностранная политика дала поводъ весьма большому количеству циркуляровъ. Тутъ и циркуляры общаго характера о томъ, что печать не должна полемическими выходками противъ Германіи и другихъ опредѣленныхъ государствъ осложнять нашихъ отношеній съ державами, и спеціальные циркуляры, запрещающіе печатать статьи, оскорбительныя для германскаго кронпринца, и циркуляры, запрещающіе при обсужденіи торговаго соглашенія съ Франціей, „проявлять задоръ по отношенію къ иностраннымъ государ-

[27]) 1882 г. 6 мая, 9 мая, 2 ноября; 1883 г. 28 января, 14 мая, 24 августа, 22 сентября; 1884 г. 9 сентября; 1885 г. 12 февраля и 15 декабря; 1886 г. 27 марта, 22 мая, 20 іюня, 12 августа; 1887 г. 16 января; 1890 г. 15 ноября; 1891 г. 20 марта: 1892 г. 28 апрѣля: 1893 г. 4 февраля. 6 октября, 24 ноября

ствамъ, въ частности же къ Германіи" и предписывающіе не отыскивать въ означенномъ соглашеніи политическихъ мотивовъ, а при его оцѣнкѣ оставаться исключительно на экономической почвѣ[28]). По поводу столкновенія между русскими и афганскими войсками на Кушкѣ, въ виду того, что извѣстія эти „могутъ интересовать публику", редакціи были приглашены печатать только тѣ свѣдѣнія, которыя будутъ доставлены имъ изъ Глав. Упр. по дѣл. печ.[29]). Какъ извѣстно, въ 1886 г. было закрыто портофранко въ Батумѣ; по этому поводу было предписано „при обсужденіи означенной мѣры сообразоваться со взглядами, высказанными въ правительственномъ сообщеніи, опубликованномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ"[30]). Въ названномъ сообщеніи правительство заявляетъ, что закрытіе портофранко не противорѣчитъ берлинскому трактату, ибо статья 59 его не представляетъ результата соглашенія между державами, а есть одностороннее заявленіе воли Его Имп. Вел., а затѣмъ закрытіе это требовалось интересами Россіи. Въ этомъ циркулярѣ насъ можетъ интересовать, конечно, не столько странное толкованіе берлинскаго трактата, какъ любопытное свидѣтельство того безпристрастія и независимости русской политической печати, о которой такъ много и часто заявляетъ „Новое Время" и другія консервативныя газеты[31]). Намъ остается еще указать на 2 очень характерныхъ циркуляра. 10 октября 1888 года Гл. Упр. разослало по редакціямъ такого рода заявленіе: „Въ «Русскомъ Курьерѣ» помѣщены оскорбительные отзывы о женахъ султана. Такъ какъ подобные отзывы затрогиваютъ честь самого султана, какъ главы дружественнаго съ Россіей государства, то Гл. Упр. предписываетъ не печатать подобныхъ отзывовъ, которые, съ точки зрѣнія мусульманъ, дѣйствительно въ высшей степени оскорбительны для султана". Черезъ пять лѣтъ пришлось

[28]) 1893 г. 7 іюня.

[29]) 1885, 27 марта, 22 апр.

[30]) 1886 г. 27 іюня.

[31]) Вотъ текстъ двухъ статей Берлинскаго трактата:

„Ст. 58 Блистательная Порта уступаетъ Русскому Императору въ Азіи территоріи Ардагана, Карса и Батума.

„Ст. 59 Его Императорское Величество объявляетъ, что его намѣреніе сдѣлать Батумъ портофранко по преимуществу коммерческимъ".

Если вторую изъ этихъ статей толковать, какъ выраженіе воли одной стороны, то нѣтъ основанія толковать иначе и первую, и многія другія статьи Берлинскаго трактата.

подтвердить этотъ циркуляръ другимъ, еще болѣе рѣшительнымъ, который мы приводимъ цѣликомъ.

«Распоряженіемъ, объявленнымъ 10 октября 1888 г. за подписью редакторамъ безцензурныхъ періодическихъ изданій, предложено было не оглашать въ печати отзывовъ, затрогивающихъ честь турецкаго султана, состоящаго главою дружественнаго Россіи государства.

Не смотря на такое распоряженіе, въ газетахъ въ послѣднее время вновь начали появляться оригинальныя и заимствованныя изъ иностранныхъ изданій статьи, въ которыхъ подвергается осмѣянію султанъ Абдулъ-Гамидъ.

Вслѣдствіе этого Гл. Упр. по дѣл. печати по приказанію Мин. Вн. Дѣлъ предупреждаетъ гг. редакторовъ, что вышеуказанное распоряженіе сохраняетъ свою силу и что вообще въ виду ст. 102 и 104 Уст. о ценз. и печ., изд. 1890 г., въ періодическихъ изданіяхъ отнюдь не должны быть допускаемы статьи, оскорбительныя коронованнымъ особамъ дружественныхъ Россіи державъ, подъ опасеніемъ строжайшихъ взысканій, которымъ могутъ быть подвергнуты виновныя изданія[32]).

Интересно, знаетъ ли султанъ о томъ вниманіи, какое цензура въ Россіи оказываетъ его женамъ. Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ коллекціи циркуляровъ, разсылаемыхъ турецкой цензурой турецкимъ газетамъ, и потому мы не знаемъ, пользуется ли въ Турціи подобными же правами напр. г-жа Кшесинская.

Первый циркуляръ въ интересахъ Министерства Финансовъ былъ изданъ 6 марта 1886 г. Имъ запрещалось сообщать слухи о проектѣ конверсіи нѣкоторыхъ займовъ. Послѣ паденія Бунге циркуляры этого рода сдѣлались гораздо многочисленнѣе. Изъ нихъ мы укажемъ только на 2. Такъ 11 марта 1888 года было запрещено говорить о проектѣ золотой валюты, который сталъ доступенъ свободному обсужденію печати не ранѣе 1894 г. Какъ извѣстно, впослѣдствіи въ оффиціальныхъ изданіяхъ дѣлались заявленія, что свободное обсужденіе этого вопроса принесло большую пользу, — но трудно надѣяться, чтобы выводъ, къ которому пришло Министерство Финансовъ, ослабилъ на будущее время его цензурное рвеніе. 23 сентября 1892 г. было запрещено печатать статьи о соляномъ налогѣ; черезъ 4 мѣсяца (3 янв. 1893 г.) это запрещеніе было снято.

Министерство Путей Сообщенія тоже не разъ прибѣгало къ цензурной защитѣ, но здѣсь она имѣла нѣсколько иной характеръ: главною цѣлью тутъ, повидимому, было не столько проводить безъ помѣхи, въ тиши, правительственныя предначертанія, сколько оградить нѣкоторыя личности

[32]) 1 марта 1893 г.

отъ разглашенія непріятныхъ и не всегда почетныхъ для нихъ обстоятельствъ. Оно и понятно: какъ извѣстно, ни въ одномъ министерствѣ высшіе чины не смѣняются такъ часто, какъ въ министерствѣ путей сообщенія; въ послѣднее десятилѣтіе перемѣнилось у насъ цѣлыхъ 6 министровъ путей сообщенія, изъ нихъ 3 (Посьетъ, Гюббенетъ, Кривошеинъ) вслѣдствіе грубыхъ безпорядковъ въ ихъ отрасли управленія, въ томъ числѣ одинъ (Кривошеинъ) вслѣдствіе обнаруженныхъ хищеній. Но падали министры только тогда, когда совершаемыя ими кражи и мошенничества доходили до свѣдѣнія верховной власти, или когда на безобразно построенныхъ дорогахъ происходили крушенія поѣздовъ, лично затрогивавшія государя; до тѣхъ же поръ, пока гибли отъ нихъ только простые смертные, пока кражи не дѣлались извѣстными всему свѣту, эти лица оставались на своемъ посту и дѣлали, конечно, все возможное, чтобы предупредить катастрофу. Вѣроятно, въ такихъ видахъ былъ разосланъ по редакціямъ циркуляръ 12 іюля 1882 года, гласившій: „Появились статьи, заключающія въ себѣ не только неосновательныя обвиненія противъ отдѣльныхъ лицъ вѣдомства путей сообщенія, но и рѣзкое систематическое порицаніе всей дѣятельности этого министерства по желѣзнодорожной части. Дальнѣйшее появленіе подобныхъ, имѣющихъ агитаціонный характеръ, статей.... вызоветъ кары". 15 іюня 1885 года цензура вновь сочла нужнымъ указать на то, что въ печати появляются „позорящія и неосновательныя обвиненія... съ наименованіемъ даже фамилій высшихъ должностныхъ лицъ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ"; Главное Управленіе по Дѣламъ Печати не отказалось даже поинсинуировать, что статьи эти доставляются газетамъ лицами, раздраженными противъ министра путей сообщенія „за непринятіе ихъ предложеній коммерческаго свойства", и обѣщало впредь къ изданіямъ, позволяющимъ себѣ подобныя нападки, примѣнять взысканіе, указанное въ ст. 156 (по изданію 1890 г.), — т. е. пріостановку на срокъ до 3 мѣсяцевъ. Еще рѣшительнѣе звучитъ предписаніе 15 января 1886 года, сдѣланное по поводу разбирательства въ Сенатѣ дѣла о злоупотребленіяхъ по ремонту Орловско-харьковскаго шоссе за время отъ 1872 г. по 1876 годъ: не сообщать „никакихъ свѣдѣній и сужденій, какъ по этому дѣлу вообще, такъ и о лицахъ, имена коихъ съ нимъ связаны"[33]).

[33]) 1886 г., № 228. Въ защиту Мин. Путей Сообщенія имѣется еще циркуляръ 1894, № 541.

Проходя мимо многочисленныхъ циркуляровъ, предупреждающихъ распространеніе извѣстій о безпорядкахъ и иныхъ событіяхъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ; не касаясь вообще циркуляровъ, вызванныхъ Мин. Народнаго Просвѣщенія, ибо они только разъясняютъ и пополняютъ циркуляры болѣе общаго характера, разсмотрѣнные нами въ II-ой главѣ[34]), мы оставимъ въ сторонѣ также довольно многочисленные и довольно разнообразные циркуляры, составленные съ цѣлью запретить публикѣ интересоваться такими дѣлами Мин. Внутреннихъ Дѣлъ, какъ, напримѣръ, увеличеніе штатовъ сыскной полиціи въ Москвѣ въ 1883 году[35]), административныя мѣропріятія въ Одессѣ[36]), или полицейскія распоряженія по случаю похоронъ Тургенева[37]). Мы отмѣтимъ здѣсь одинъ циркуляръ, непосредственно связанный съ вопросомъ о свободѣ печати. Въ 1890 году въ газетѣ „Новости“ и нѣкоторыхъ другихъ появился проектъ празднованія 25-тилѣтія вступленія въ силу цензурныхъ правилъ 1865 г. (т. е. выхода въ свѣтъ первыхъ безцензурныхъ изданій). Но министръ внутреннихъ дѣлъ лучше „Новостей“ зналъ дѣйствительное положеніе печати, и потому Главное Управленіе особымъ циркуляромъ предупредило редакціи, что правительство не допуститъ подобнаго юбилея[38]).

Теперь намъ нужно остановиться на той сторонѣ цензурной практики, которая имѣла, можетъ быть, самое серьезное практическое значеніе, по крайней мѣрѣ, непосредственное. Какъ извѣстно, въ 1891 году всѣ приволжскія губерніи и часть внутреннихъ постигъ сильнѣйшій неурожай, естественнымъ результатомъ котораго были голодъ и холера. О первыхъ признакахъ неурожая печать заговорила еще весной 1891 года, но заговорила робко и осторожно. Въ нашей коллекціи циркуляровъ нѣтъ ни одного, который запрещалъ бы статьи на эту тему, и потому мы не знаемъ, объясняется ли эта робость какими либо недостающими у насъ циркулярами, спеціальными ли внушеніями, которыя дѣлаются иногда Цензурными Управленіями отдѣльнымъ изданіямъ, или, наконецъ, общимъ характеромъ нашей прессы, воспитанной 10-тилѣтней цензурной практикой. Какъ въ

[34]) 1882 г. 28 января, 19 марта, 29 сентября, 1 ноября,; 1890 г. 8 марта, 11 марта; 1892 г. 30 января, 2 ноября; 1893 г. 13 января, 9 апрѣля.

[35]) 1883 г. 25 апрѣля.

[36]) 1888 г. 10 іюня.

[37]) 1883 г. 17 сентября.

[38]) 1890 г. 18 мая.

томъ, такъ и въ другомъ и въ третьемъ случаѣ связь между этой практикой и поведеніемъ прессы не можетъ подлежать сомнѣнію, ибо въ сообщеніяхъ изъ мѣстъ неурожая не было недостатка; редакціи только не хотѣли ихъ печатать — и въ извѣстномъ смыслѣ слова онѣ были правы: въ ноябрѣ 1891 года „Русскія Вѣдомости", какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, все таки получили предостереженіе за статьи о голодѣ, не смотря на всю ихъ скромность. Послѣдствія замалчиванія голода достаточно хорошо извѣстны.

Но у насъ есть, помимо предостереженія „Русскимъ Вѣдомостямъ", одинъ позднѣйшій циркуляръ, который достаточно убѣдительно свидѣтельствуетъ о той враждебности, съ какой Главное Управленіе смотрѣло на толки о голодѣ. 12 ноября 1891 года Главное Управленіе напомнило редакціямъ, что онѣ могутъ печатать воззванія и приглашенія частныхъ лицъ къ пожертвованіямъ въ пользу голодающаго населенія только въ томъ случаѣ, если эти лица представятъ удостовѣренія отъ подлежащей власти, что имъ таковой сборъ пожертвованій разрѣшенъ. Само собою разумѣется, что достать такое разрѣшеніе не всегда было возможно; что когда оно было возможно, оно требовало времени; что разъ оно даже было получено, посылка его въ каждую отдѣльную редакцію требовала снова времени и времени, благодаря чему воззваніе не могло быть напечатано сразу въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, трудно сомнѣваться въ томъ, что голодающіе лишились не одного десятка тысячъ рублей, которые были бы имъ доставлены черезъ Льва Толстого или другихъ лицъ (очень возможно, что циркуляръ былъ направленъ именно противъ Толстого). Конечно, нѣкоторыя изъ частныхъ лицъ могли оказаться не вполнѣ добросовѣстными, но вѣдь и правительственныя и общественныя учрежденія не были гарантированы отъ хищеній и растратъ (знаменитая пухертовская мука и процессъ противъ Самарской земской управы служатъ тому блестящими доказательствами).

Черезъ годъ (19 октября 1892 года) былъ разосланъ циркуляръ, запрещающій всякія заявленія о пожертвованіяхъ находящимся въ нуждѣ лицамъ, буде на такое заявленіе нѣтъ особаго разрѣшенія отъ мѣстныхъ властей. На сколько намъ извѣстно, впрочемъ, циркуляръ этотъ никогда не исполнялся съ особенной строгостью.

Въ томъ же 1892 году (23 января) было запрещено перепечатывать изъ „Московскихъ Вѣдомостей" письмо Льва Толстого, помѣщенное сперва въ англійскихъ газетахъ и

переведенное въ русской газетѣ съ приличными случаю грубыми ругательствами противъ автора. Письмо, дѣйствительно, отличающееся необычною въ русской печати прямотою тона и рѣзкостью формы, говорило о голодѣ и выставляло рядъ обвиненій противъ правительства и правящихъ классовъ. Народъ голоденъ, говорилось въ немъ, потому, что мы сыты; правительство хочетъ накормить народъ; не безуміе ли это? Ребенокъ хочетъ накормить кормилицу, паразитъ—то растеніе, соками котораго онъ живетъ.

Если у насъ нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній о дѣятельности цензуры по отношенію къ голоду, то ихъ вполнѣ достаточно для холеры. Холера застала насъ врасплохъ, и это совершенно понятно: 27 іюля 1891 года, т. е. за годъ до появленія страшной эпидеміи, Главное Управленіе, по поводу нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ заболѣваній, предписало, чтобы свѣдѣнія о нихъ посылались газетою для спеціальной провѣрки въ Медицинскій Департаментъ. Черезъ годъ, 13 іюля 1892 года, Главное Управленіе подтвердило свое предписаніе. Черезъ 3 дня оно замѣтило, что циркуляръ плохо подѣйствовалъ на печать. „Въ виду такого упорства періодической печати, заявило оно въ новомъ циркулярѣ, которая пользуется эпидеміей, вовсе не имѣющей грозныхъ размѣровъ, для того, чтобы смущать публику сенсаціонными статьями и извѣстіями, Главное Управленіе по Дѣламъ Печати считаетъ нелишнимъ предупредить господъ редакторовъ газетъ и журналовъ, что отнынѣ всякій разъ при повтореніи съ ихъ стороны чего либо подобнаго, оно будетъ ходатайствовать передъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ о примѣненіи къ ихъ изданіямъ наиболѣе строгихъ административныхъ каръ".

Событія скоро блестящимъ образомъ опровергли увѣренія начальства, что эпидемія не имѣетъ грозныхъ размѣровъ, но не убѣдили Главное Управленіе въ нецѣлесообразности его способа дѣйствій. Въ 1894 году, по случаю нѣсколькихъ заболѣваній холерою въ Петербургѣ, Главное Управленіе циркулярами 1 іюня и 4 іюля подтвердило свое постановленіе[39]).

[39]) Для характеристики отношенія цензуры къ холерѣ приведемъ слѣдующее сообщеніе, заимствованное нами изъ „Отчета Коммиссіи Народныхъ Медицинскихъ Чтеній при обществѣ Кіевскихъ врачей за 1891—94 гг." (стр. 5—6).

Общество издало популярную брошюру „Какъ охранять себя отъ холеры". Президентъ общества, находя необходимымъ дать каждой національности нашего края возможность познакомиться на своемъ родномъ языкѣ съ мѣрами охране-

Намъ остается теперь указать на нѣкоторые циркуляры, изданные по частнымъ поводамъ; количество ихъ необычайно велико и смыслъ многихъ изъ нихъ для насъ совершенно не понятенъ. Тутъ мы находимъ добрый десятокъ циркуляровъ, которыми охраняется честь отдѣльныхъ, опредѣленныхъ лицъ, нашедшихъ себѣ защитника въ лицѣ цензуры. Такъ, напримѣръ, 4 февраля 1882 года было предписано не касаться семейныхъ отношеній тайнаго совѣтника Маркуса. 23 ноября того же года было запрещено говорить о недоразумѣніяхъ между почетнымъ опекуномъ Нейгардтомъ и докторомъ Кватцомъ или перепечатывать замѣтку объ нихъ изъ „Русскаго Курьера“. Эта послѣдняя, весьма краткая замѣтка („Русскій Курьеръ“ № 309), была только поправкой къ замѣткѣ „Врача“, въ которой было сказано, что докторъ Московскаго Воспитательнаго Дома долженъ былъ выйти въ отставку потому, что не обнаружилъ достаточнаго подобострастія при встрѣчѣ почетнаго опекуна Нейгардта. „Русскій Курьеръ“ дѣлаетъ поправку, что до сихъ поръ докторъ Кватцъ еще не вышелъ въ отставку. Вотъ и все. Въ видахъ защиты чести г. Нейгардта, разговоры объ этомъ приключеніи были прекращены. Такимъ же точно образомъ не дозволено касаться покушенія на самоубійство воспитанника Морскаго училища, какого-то Николая Мура-

нія себя отъ холеры, приступилъ къ переводу этого народнаго чтенія на польскій, еврейскій и малорусскій языки. Еврейскій переводъ былъ изданъ очень быстро, и при томъ евреи позаботились о дешевизнѣ изданія, которое оказалось возможнымъ пустить въ продажу по 5 коп. экземпляръ, а не по 20 коп., какъ обошлись русскія изданія. Польскій переводъ былъ отправленъ въ Варшавскую цензуру, откуда разрѣшеніе на изданіе его послѣдовало уже по окончаніи самой холеры; что же касается малорусскаго изданія, то президентъ, встрѣтивши нынѣ уже ставшую рѣдкостью статью доктора А. И. Михалевича: „Про холеру“ (ціна 7 коп. Дозволено цензурою. Кіевъ. 17 августа 1875 г.), нашелъ ее вполнѣ соотвѣтствующей своему назначенію и, получивши отказъ отъ Кіевскаго цензурнаго управленія, обратился узаконеннымъ порядкомъ съ прошеніемъ въ Медицинскій Департаментъ и къ г-ну Министру Внутр. Дѣлъ съ покорнѣйшею просьбою: 1) о разрѣшеніи перепечатать ее въ неизмѣнномъ видѣ вторымъ изданіемъ и 2) дозволить сдѣлать къ ней необходимое краткое дополненіе въ концѣ на великорусскомъ языкѣ; но разрѣшеніе съ августа мѣсяца 1892 года до настоящаго времени не послѣдовало и даже никакого отвѣта, не смотря на приложенныя узаконенныя 80-ти коп. марки, не получено.

Отмѣтимъ здѣсь еще одинъ циркуляръ отъ 18 апрѣля 1883 года, запрещающій помѣщать „невѣрныя извѣстія о санитарномъ состояніи мѣстностей, въ которыхъ расположены наши минеральныя воды и другія лѣчебныя заведенія“, которыя возбуждаютъ напрасную тревогу и наносятъ вредъ администраціи этихъ заведеній“.

вьева[40]) (можетъ быть родственника будущаго министра юстиціи) и какого-то „несчастнаго случая, происшедшаго въ ночь на 11-ое февраля съ сыномъ великобританскаго посла сэра Роберта Морьера“[41]), а также болѣзни тайнаго совѣтника Аракина[42]).

Въ числѣ прочихъ лицъ, подлежащихъ охранѣ цензуры, состоятъ и палачи. 12 ноября 1882 года было строго предписано „не сообщать никакихъ свѣдѣній о лицахъ, исполняющихъ смертные приговоры надъ преступниками“.

Сравнительно часто встрѣчаются циркуляры по поводу разныхъ происшествій съ офицерами. Такъ, 22 мая 1886 года было сдѣлано слѣдующее предписаніе: „Такъ какъ есть основаніе ожидать появленія въ печати сообщеній или намековъ (sic) о столкновеніи, происшедшемъ въ минувшемъ году между командующимъ одною изъ Кавказскихъ дивизій и командиромъ полка, то“... Главное Управленіе предупреждаетъ, что „распоряженія о статьяхъ, касающихся внутренней жизни войскъ, сохраняетъ свою силу“ или, другими словами, что нельзя ничего говорить о какой то ссорѣ двухъ офицеровъ, хотя она, конечно, имѣетъ самое отдаленное отношеніе до внутренней жизни войскъ. Чрезъ годъ тотъ же циркуляръ былъ зачѣмъ то повторенъ вновь[43]). Приблизительно въ то же время предписано „не сообщать совершенно никакихъ свѣдѣній о столкновеніи въ Крестовскомъ саду вечеромъ 20 августа между двумя гвардейскими офицерами и публикой“[44]). Нѣсколько позднѣе заявлено тоже самое относительно дуэли князя Акашидзе съ какимъ-то гвардейскимъ офицеромъ[45]), а еще позднѣе былъ разосланъ уже совсѣмъ непостижимый циркуляръ такого рода: „не печатать никакихъ свѣдѣній и извѣстій объ арестѣ офицера одного изъ расположенныхъ въ Петербургѣ полковъ“[46]), — и ничего въ поясненіе, какого офицера, какого полка. Редакціи, вѣроятно, были поставлены въ большое затрудненіе.

Если такъ усердно защищается честь простыхъ офицеровъ, то, понятно, что честь полицейскихъ, призванныхъ охранителей государственнаго порядка, собственности и се-

[40]) 1887 г. 20 ноября.
[41]) 1890 г. 11 февраля.
[42]) 1891 г. 21 мая.
[43]) 1887 г. 21 августа.
[44]) 1886 г. 21 августа.
[45]) 1893 г. 13 сентября.
[46]) 1894 г. 12 октября.

мейнаго очага, — должна стоять еще выше. И вотъ мы видимъ, что для печати объявляются недоступными судебные процессы винницкаго исправника Пешкевича и казанскаго полиціймейстера Панфилова, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ по должности[47]), послѣдняго, впрочемъ, уже послѣ того, какъ въ газетахъ были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о его преступленіи: оно состояло въ насильственномъ освидѣтельствованіи двухъ вполнѣ порядочныхъ дѣвушекъ.

Рядомъ съ частными лицами и чиновниками, Академія Художествъ обратилась въ Главное Управленіе съ жалобою на печать. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ текста этой жалобы, и о самомъ ея существованіи мы узнаемъ только изъ цензурнаго циркуляра, который „вслѣдствіе жалобы Императорской Академіи Художествъ предписываетъ воздерживаться отъ статей, затрогивающихъ достоинство Академіи“[48]). Въ теченіе 1880 годовъ цензура охотно брала подъ свою защиту желѣзнодорожныя компаніи; въ слѣдующемъ десятилѣтіи она охотно дѣлаетъ тоже относительно разныхъ коммерческихъ обществъ; наиболѣе яркими примѣрами могутъ служить два циркуляра, запрещающіе сообщеніе свѣдѣній о положеніи дѣлъ, первый — Страхового Общества Россіянинъ, второй — Россійскаго Общества транспортированія кладей[49]).

Рядомъ съ запрещеніемъ извѣстій о торговой несостоятельности или о разстройствѣ дѣлъ той или иной компаніи, идетъ защита уже прямыхъ злоупотребленій, совершающихся въ нихъ. Въ 1884 году правительство соблюдаетъ въ этомъ отношеніи еще нѣкоторое приличіе; такъ, по поводу извѣстій о происшедшей будто бы растратѣ въ Московскомъ Торговомъ банкѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ пригласить господъ редакторовъ „соблюдать всевозможную осторожность при оглашеніи какихъ либо неблагопріятныхъ слуховъ о коммерческихъ предпріятіяхъ“[50]). Черезъ годъ оно говоритъ языкомъ болѣе рѣшительнымъ. „Не печатать никакихъ свѣдѣній по дѣлу о полученіи изъ Государственнаго банка 225 тысячъ рублей по подложнымъ документамъ“[51]).

[47]) 1893 г. 28 сентября и 1 дек.
[48]) 1885 г. 20 мая.
[49]) 1893 г. 23 сентября и 1894 г. 18 іюня.
[50]) 1884 г. 27 марта.
[51]) 1885 г. 11 августа.

Въ слѣдующіе годы было еще нѣсколько подобныхъ же циркуляровъ[52]).

На этомъ мы остановимся, такъ какъ исчерпать содержаніе всѣхъ циркуляровъ мы рѣшительно не въ состояніи.

ГЛАВА IV.

Развитіе цензурнаго законодательства въ царствованіе Александра III. Административныя кары, налагавшіяся на періодическія изданія въ 1882—1894 гг.

Мы видѣли уже, что въ теченіе царствованія Александра III вся сфера русской государственной жизни, значительная часть законодательной дѣятельности правительства, точно такъ же, какъ и его административная дѣятельность, наконецъ, поведеніе значительнаго количества частныхъ лицъ было сдѣлано недоступнымъ для печатнаго обсужденія. Достигнуть этого одними предписаніями было бы, конечно, невозможно, если-бы правительство не располагало средствами принудить имъ подчиниться. Средства эти — административныя кары. По своему характеру онѣ довольно разнообразны. Кромѣ задержанія и уничтоженія ненравящагося цензурѣ № газеты или журнала, или статьи въ нихъ, что практикуется сравнительно рѣдко съ газетами и довольно часто съ журналами, сюда относятся, во первыхъ, запрещеніе розничной продажи безъ опредѣленнаго срока, во вторыхъ, запрещеніе объявленій на срокъ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ, въ третьихъ—запрещеніе безцензурнаго журнала за неисполненіе циркуляра на срокъ до 3 мѣсяцевъ, въ четвертыхъ, запрещеніе „за вредное направленіе“ журнала подцензурнаго на срокъ до 8 мѣсяцевъ и въ пятыхъ — предостереженіе журналу безцензурному, при чемъ 3-е предостереженіе влечетъ за собою закрытіе журнала на срокъ до 6 мѣсяцевъ. Предостереженіе должно быть обязательно мотивировано, чѣмъ оно отличается отъ другихъ каръ. Эти кары установлены закономъ. Кромѣ нихъ цензура, какъ мы уже видѣли изъ текста 2 предостереженія „Земству“ 10 октяб-

[52]) 1886 г. 15 января, 1894 г. № 2018.

ря 1881 года, пріобрѣла себѣ на практикѣ право дѣлать личныя внушенія и выговоры редакторамъ журналовъ, которые для этого приглашаются въ цензурный комитетъ. Внушенія эти сдѣлались въ теченіе 1880 годовъ весьма частыми, и редакторы, какъ школьники, выслушивали ихъ, радуясь, что цензура не прибѣгаетъ къ болѣе серьезнымъ способамъ воздѣйствія Для провинціальныхъ, слѣдовательно, издаваемыхъ съ разрѣшенія предварительной цензуры газетъ практиковалось иногда, тоже непредусмотрѣнное въ законѣ, перенесеніе цензированія въ Москву. „Смоленскій Вѣстникъ“ довольно долгое время долженъ былъ посылать свои №№ на просмотръ въ Москву, и, слѣдовательно, доставлять ихъ подписчикамъ въ Смоленскѣ дней черезъ 5 — 7 послѣ составленія.

Но цензура находила, что всего этого недостаточно для обузданія печати. Въ 1882 году были установлены новыя „временныя правила о печати“, донынѣ не отмѣненныя и даже включенныя въ Цензурный Уставъ 1886 и 1890 г. (примѣчанія къ статьямъ 144 и 148). Ими было установлено, во первыхъ, что въ случаѣ, если временная пріостановка будетъ найдена недостаточной, то министръ внутреннихъ дѣлъ по совѣщанію съ нѣкоторыми другими министрами имѣетъ право и вовсе прекратить всякое изданіе даже безъ предостереженій, съ воспрещеніемъ редактору или издателю онаго впредь быть редакторомъ или издателемъ какого бы то ни было другого изданія. Въ то время, когда предостереженіе должно быть мотивировано, эта мѣра можетъ быть принята безъ объясненія мотивовъ.

Во вторыхъ, журналъ, получившій 3 предостереженія, послѣ своего возобновленія, подвергается предварительной цензурѣ, при чемъ срочность или безсрочность сего установляется по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Отнынѣ всякое 3 предостереженіе сопровождается указаніемъ, что оно влечетъ за собой послѣдствія, предусмотрѣнныя въ статьѣ 144. Такимъ образомъ множество изданій изъ безцензурныхъ обратились въ подцензурныя, и только одинъ „Наблюдатель“, да „Гражданинъ“ (послѣдній по особому повелѣнію) были избавлены отъ послѣдствій 3 предостереженія; при этомъ Главное Управленіе забыло, что оно должно опредѣлять срочность или безсрочность этой мѣры, и фактически назначало ее всегда безсрочно[1]).

[1]) Разборъ „временныхъ правилъ“ см. въ Вѣстн. Евр. 1882, № 10, Внутреннее Обозрѣніе. В. Е. доказываетъ, что правила эти напрасно названы времен-

Такимъ образомъ были приняты мѣры, чтобы возвратить журналистику къ тому положенію, въ какомъ она была до 1865 г., или въ какомъ въ самое лучшее время находилась провинціальная печать[2]).

ными, ибо „новаго закона о печати въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя, по той простой причинѣ, что въ направленіи, одинаковомъ съ духомъ „временныхъ правилъ, идти больше немыслимо“ Въ этомъ, какъ мы увидимъ ниже, В. Е. ошибся. Какъ на примѣръ строгости цензуры В. Е. указываетъ на состоявшуюся незадолго передъ тѣмъ вырѣзку изъ Русской Мысли статьи Льва Толстого „Что же намъ теперь дѣлать“. В. Е. могъ бы, еслибы хотѣлъ, и еслибы это ему позволили, указать на много подобныхъ же примѣровъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, (1883 г. № 4, Общественная Хроника) В. Е. сообщилъ нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ фактовъ изъ исторіи нашей цензуры въ эпоху М. В. Д. Маковъ (1879—80).

[2]) 5 января 1884 г. въ законодательномъ порядкѣ были приняты „въ видѣ временной мѣры правила“, вошедшія въ Ц. У. изд. 1886 и 1890 г. (ст. 175, прим.), и, конечно, до нынѣ не отмѣненныя, въ силу которыхъ М. В. Д предоставлено право запрещать къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ книги, цензурою разрѣшенныя. М. В. Д. тотчасъ же составилъ длинный спосокъ книгъ, изъятыхъ имъ изъ библіотекъ; списокъ этотъ въ свое время былъ опубликованъ въ газетахъ и вызвалъ гомерическій смѣхъ за границей, и критическія замѣчанія даже въ русской публикѣ. Въ этомъ спискѣ М. В. Д. смѣшалъ эмигранта П. Лаврова съ губернаторомъ П. Лилiенфельдомъ, и запретилъ благонамѣренныя произведенія послѣдняго, напечатанныя подъ иниціалами П. Л.; число подобныхъ промаховъ весьма значительно. Наученный опытомъ, въ 1894 г., М. В. Д. опубликовалъ особой брошюрой новый „Алфавитный списокъ произведеніямъ печати, которыя на основаніи пункта 3 примѣчанія къ статьѣ 175 Уст. о ценз. и печ. воспрещены Министромъ Внутр. Дѣлъ къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ. Составленъ въ Главномъ Управленіи по дѣламъ печати, по 1 января 1894 г. Петербургъ. 1894 г.“ На заглавномъ листѣ брошюры красуется надпись: „Перепечатка сего списка отдѣльнымъ изданіемъ, а равно обнародованіе онаго во всеобщее свѣдѣніе (хотя бы даже въ извлеченіяхъ) въ изданіяхъ періодическихъ, какъ частныхъ, такъ оффиціальныхъ, воспрещается“, и брошюра разослана по всѣмъ библіотекамъ. Списокъ содержитъ 8 журналовъ („Дѣло“ 1867—1884 г., „Знаніе“, „Отечественныя Записки“ 1867—84, „Русская Мысль“ 1880—91, „Русское Слово“ 1857—66, „Слово“ 1878—81, „Современникъ“ 1856—66, „Устои) и 171 названіе книгъ. Въ списокъ включены между прочимъ:

1. Алабинъ, 4 войны, походныя записки.
16. Брайсъ. Американская распублика. 3 тома.
20. Ватсонъ. Исторія Коммуны (NB. Книга, враждебная Коммунѣ).
24. Вятская незабудка
25. Гаршинъ. Разсказы: „Трусъ“, „Изъ записокъ рядового Иванова“, „Четыре дня на полѣ сраженія“, во всѣхъ изданіяхъ. (Слѣдовательно, фактически Сборникъ разсказовъ Гаршина).
26. Гекели. О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ.
29. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX в. т. I. (Огромное спеціальное, весьма сухое изслѣдованіе).

Теперь, казалось, цензурѣ было дано закономъ все, чего она могла только пожелать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у цензуры не было и не могло быть никакого побужденія, чтобы держаться строго на почвѣ законности. Она этого и не дѣлала.

Запрещеніе розничной продажи налагалось особенно часто, обыкновенно безсрочно и всегда безъ мотивовъ. За время 1882—94 гг. мы насчитали, пользуясь ежегоднымъ Указателемъ къ Правительственному Вѣстнику, 55 случаевъ примѣненія этой мѣры; но такъ какъ указатель этотъ составляется и въ особенности составлялся въ началѣ 1880 годовъ довольно небрежно, то истинное число ихъ несомнѣнно нѣсколько превышаетъ названную цифру. Были случаи, что га-

30. Гринъ. Исторія англійскаго народа. 4 тома.
31. Гюббаръ. Исторія литературы въ Испаніи.
32. Гюго В. 2 тома сочиненій въ изданіи Вольфа.
41. Добролюбовъ. Сочиненія.
47. Златовратскій. Сочиненія.
51. Ибервегъ. Исторія новой философіи.
53. Кетлэ. Человѣкъ и развитіе его способностей.
56. Ковалевскій П. (проф.). Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе.
58. Короленко. Очерки и разсказы.
75. Мержеевскій. Судебная гинекологія.
77—79. Милль. Почти всѣ сочиненія, существующія на русскомъ языкѣ.
85. Михайловскій. Сочиненія I—III т.
92. Молешоттъ. Физіологическія лекціи.
102. Ольденбергъ. Будда.
105. Писаревъ. Сочиненія.
117. Риль. Теорія науки и метафизика.
123. Скабичевскій. Очерки изъ исторіи русской цензуры.
128—132. Спенсеръ. Разныя сочиненія.
136. Сѣченовъ. Рефлексы головнаго мозга.
138. Сюдръ. Исторія коммунизма (враждебная всяческому соціализму и коммунизму книга, притомъ крайне пустая и поверхностная; въ списокъ попала, вѣроятно, по ошибкѣ).
139—148. Л. Толстой. Сочиненія, тт. XII и XIII и отдѣльныя брошюры.
149. Файфъ. Исторія Европы. 3 тома.
151. Фогтъ. Зоологическіе очерки.
153. Фогтъ. Физіологическія письма.
161. Чернышевскій. О причинахъ паденія Рима. (Такой книги никогда не существовало; это заглавіе одной статьи Чернышевскаго въ „Современникѣ“ 1861 г. Совершенно непонятно, почему другія сочиненія Чернышевскаго, дѣйствительно существующія, избѣгли той же участи. Изъ нихъ въ индексъ попали еще только:
162. Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добролюбова.
164. Шелгуновъ. Сочиненія.
166—169. Щаповъ. Разныя его изслѣдованія о расколѣ и др.
171. Янжулъ. Книга о книгахъ. 2 тома и т. д.

зеты, только что получившія вновь разрѣшеніе розничной продажи, подвергались временному закрытію; по прошествіи опредѣленнаго срока онѣ возникали вновь, но высшая кара, вопреки постановленіямъ уголовнаго права, не погашала низшей, и розничная продажа оказывалась по прежнему запрещенной (такъ было съ „Газетой Гатцука“ въ 1884 г.). Были случаи, что газета въ теченіе одного года дважды подвергалась этой карѣ, одинъ разъ возвращала себѣ утрачённое право, а вторичное запрещеніе сохраняла за собою на слѣдующій годъ. Такъ было, напр., съ „Русскими Вѣдомостями“ въ 1886 г., съ „Гражданиномъ“ въ 1888 г.

Сравнительно рѣдко прибѣгало Главное Управленіе къ запрещенію объявленій. Первый извѣстный намъ случай (не считая случая въ 1881 г.) имѣлъ мѣсто съ газетой „Эхо“ въ 1885 г.; послѣдній — въ 1894 г. съ „Русской Жизнью“, эта газета 3 раза въ 1892, 93 и 94 гг. лишалась своего права. Всѣхъ такихъ случаевъ мы знаемъ 13. Вопреки закону, эта кара налагается по большей части безсрочно.

Случаевъ пріостановки подцензурныхъ журналовъ за тотъ же періодъ мы знаемъ 18. Въ спискѣ ихъ мы встрѣчаемъ армянскую газету „Ардзаганъ“ (1884), еврейскую газету „Гецефира“ (1888), польскія газеты „Gazeta Radomska“, „Kaliszanin“ и „Dziennik Lodzki“ (1892). Эта кара въ громадномъ большинствѣ случаевъ налагалась безъ мотивовъ. Мотивы часто сообщались редакторамъ при личныхъ ихъ объясненіяхъ съ цензурою или Главнымъ Управленіемъ. Но намъ эти мотивы остаются въ громадномъ большинствѣ случаевъ недоступными.

Зато довольно обильный матеріалъ для исторія цензуры представляютъ предостереженія, всегда мотивированныя, хотя иногда и въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ. Число предостереженій въ означенный періодъ равняется 36, изъ нихъ 7 третьихъ, т. е. съ пріостановками („Востокъ“, „Газета Гатцука“, Восточное Обозрѣніе“, „Русское Дѣло“, „Русскій Курьеръ“, „Восходъ“ — съ «послѣдствіями», т. е. съ отдачей подъ предварительную цензуру безсрочно, и „Наблюдатель“ — безъ «послѣдствій»). Къ этому нужно прибавить 4 случая временной пріостановки безцензурныхъ органовъ за несоблюденіе циркулярныхъ предписаній, да 1 случай совершеннаго прекращенія журнала „Отечественныя Записки“.

Какъ мы уже говорили, отрицательное отношеніе къ самодержавію и конституціонныя стремленія въ этотъ періодъ уже не являются поводами для цензурныхъ мѣропріятій. Единственной карой, наложенной на журналъ, по причинамъ

общеполитическимъ, является закрытіе „Отечественныхъ Записокъ“ въ апрѣлѣ 1884 г. Журналъ этотъ, самый популярный изъ когда либо существовавшихъ у насъ журналовъ, преслѣдовалъ идеалы, весьма мало подходящіе къ условіямъ нашего цензурнаго строя, а между тѣмъ, благодаря умѣнью Салтыкова говорить между строчками, читатели всегда чувствовали наличность этихъ идеаловъ. Но они ихъ только чувствовали. Совѣщаніе министровъ, закрывая журналъ, вопреки обыкновенію, подробно мотивировало свое рѣшеніе, но не могло указать ни одной статьи, ни одного мѣста, которыя давали бы поводъ къ такой страшной карѣ, и предпочли отдѣлаться ссылкой на доказанную будто бы слѣдствіемъ (но не судомъ) связь нѣкоторыхъ сотрудниковъ „Отечесрвенныхъ Записокъ“ съ революціонной партіей (имена названы не были) и голословной фразой, что „Отечественныя Записки“ проповѣдуютъ теоріи, находящіяся въ противорѣчіи съ основными началами нашего государственнаго и общественнаго строя, причемъ проповѣдь эта, обращенная къ незрѣлымъ умамъ, не остается безплодной.

Послѣ гибели „Отечественныхъ Записокъ“ дѣятельность цензуры пріобрѣла болѣе скромный характеръ. Обыкновенно въ мотивахъ ея мѣропріятій встрѣчаются общія фразы о вредномъ направленіи журнала, но анализъ инкриминируемыхъ статей доказываетъ, что дѣло идетъ или о критикѣ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣропріятій, или о нападкахъ на отдѣльныхъ лицъ.

Въ 1882 году было дано первое предостереженіе газетѣ „Восточное Обозрѣніе“. Эта газета, основанная Н. М. Ядринцевымъ, была посвящена исключительно дѣламъ Сибири, и слѣдовательно, была газетою мѣстною. При другомъ положеніи печати она издавалась бы, конечно, въ Иркутскѣ или Томскѣ, но такъ какъ тамъ (не по закону, а въ силу установившейся практики) можетъ существовать только подцензурная газета, то Ядринцевъ предпочелъ вести ее въ Петербургѣ. Извѣстія съ мѣста попадали въ руки редакціи чрезъ нѣсколько недѣль послѣ событій, № газеты попадалъ въ руки читателей чрезъ нѣсколько недѣль послѣ его выхода въ свѣтъ, и онъ читалъ какъ новость о томъ, о чемъ изъ слуховъ зналъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Но съ этой ненормальностью Ядринцовъ мирился ради того, чтобы быть избавленнымъ отъ предварительной цензуры. И вотъ 27 мая его газета получила первое предостереженіе за то, что она „своею тенденціозностью и безпрерывными нападками на сибирскую администрацію стремилась ее дискре-

дитировать въ глазахъ мѣстнаго населенія". Черезъ два года она получила второе предостереженіе за ту же самую провинность, а 19 сентября 1885 г. за представленіе „въ неблаговидномъ видѣ сибирской администраціи" — 3-ье, вмѣстѣ съ тѣмъ она была пріостановлена на двѣ недѣли, но съ примѣненіемъ къ ней послѣдствій, указанныхъ въ статьѣ 144, т. е. съ отдачею подъ предварительную цензуру. Такимъ образомъ газета лишилась того преимущества, какимъ она пользовалась, благодаря изданію въ Петербургѣ. Въ виду этого, Ядринцевъ просилъ о разрѣшеніи перенести изданіе газеты въ Иркутскъ. Ходатайство было уважено, и газета выходитъ съ тѣхъ поръ въ Иркутскѣ подъ предварительной цензурой, которая не избавляетъ ее отъ разныхъ каръ въ родѣ 4-хмѣсячной пріостановки въ 1890 г.

Но въ чемъ состояли ея нападки на сибирскую администрацію? Въ мотивахъ всѣхъ трехъ предостереженій указаны статьи, числомъ 7. Не имѣя возможности, по недостатку мѣста, излагать ихъ всѣ, мы остановимся на 3-хъ корреспонденціяхъ, давшихъ поводъ 2-му предостереженію, и извлечемъ изъ нихъ наиболѣе рѣзкія мѣста.

№ 1 за 1880 г., корреспонденція изъ Четы.

У насъ неурожай, голодъ, дороговизна. Бичурское общество рѣшило сдѣлать заемъ у купца Флорова 8 тысячъ пудовъ пшеницы, исправникъ тоже доказывалъ цѣлесообразность займа, «но увы! у насъ нѣтъ никого, кто бы принялъ къ сердцу народное бѣдствіе и сочувственно на него откликнулся! Нѣтъ, лучше пропадай съ голоду! Такъ и не разрѣшили займа!»

№ 5. Укыра. Нѣсколько кулаковъ взяли почту значительно дороже, чѣмъ ее можно было сдать. Объясняется это взяткою, данною почтмейстеру.

№ 11. Мы слышали, что въ Ирбитѣ одно лицо убѣждаетъ купцовъ принять участіе въ экспедиціи для обслѣдованія Обской губы. Жаль. Пустынная Обская Губа для насъ не можетъ имѣть значенія, а внутри у насъ достаточно дѣла, на которое можно было бы истратить деньги и энергію.

Въ такомъ же родѣ были и провинности „Востока", который въ 1884 г. получилъ 3-е предостереженіе, былъ остановленъ на 4 мѣсяца и отданъ подъ предварительную цензуру

«за дерзкія нападки на лицъ высшей духовной іерархіи и за непозволительную запальчивость и рѣзкость при обсужденіи различныхъ вопросовъ церковнаго управленія.»

Нѣсколько болѣе общаго свойства были поводы къ предостереженіямъ „Голосу", поведшимъ къ его прекращенію. 2-е предостереженіе было дано ему въ 1882 г. за три статьи. Во первыхъ, это былъ фельетонъ г. Арс. Введенскаго, въ

которомъ тотъ критиковалъ Щедрина, какъ „выразителя либеральныхъ стремленій“; авторъ фельетона доказывалъ, что свобода дѣлать и говорить не ведетъ къ общественному развращенію. Вяло и тяжеловѣсно написанная статья эта ни о чемъ не говорила съ достаточной опредѣленностью, но все таки давала понять, что авторъ ея убѣжденный либералъ.

2) „Наша великая бѣда“ А. Кошелева, — славянофильская статья, какимъ то вѣтромъ занесенная на столбцы западническаго „Голоса“, — рѣзко порицала нигилизмъ, какъ заносное ученіе, не имѣющее смысла на русской почвѣ, но она же тоже достаточно рѣзко порицала излишнюю энергію властей въ розыскахъ неблагонадежныхъ элементовъ.

3) Передовая статья по поводу слуха о предстоящей передачѣ школъ въ вѣдѣніе духовенства. Въ ней говорилось, что земство доказало свою способность руководить образованіемъ народа, а духовенство еще не доказало.

Одновременно съ „Голосомъ“, погибшимъ въ 1883 г., цензура вела упорную борьбу съ „Русскимъ Курьеромъ“, преслѣдуя его всевозможными карами, пока, наконецъ, эта газета, будучи въ 1889 г. отдана послѣ 3-го предостереженія подъ предварительную цензуру, не прекратилась добровольно. 1-ое предостереженіе было дано ей въ 1883 г. за вредное направленіе, выразившееся въ „подборѣ и невѣрномъ освѣщеніи фактовъ о бытѣ крестьянъ“; послѣднее за статьи, оскорбительныя для „высшаго сословія въ государствѣ“. Инкриминируемыя статьи по крестьянскому вопросу объясняютъ причины крестьянскихъ переселеній. „Недостатокъ надѣльной земли, чрезмѣрная обременительность платежей и повинностей, чаще и чаще повторяющіеся неурожаи... вотъ причина крестьянскаго бѣдствія“. Объ этомъ трактуетъ печать, и общество, и земство, говоритъ „Русскій Курьеръ“.

Другая, указанная въ предостереженіи, статья, трактовала не о крестьянскомъ вопросѣ, а о Катковѣ, занимающемся, по словамъ газеты, систематическимъ обругиваніемъ реформъ прошлаго царствованія.

Катковъ же послужилъ причиной предостереженій, а въ концѣ концовъ и гибели „Газеты Гатцука“. Это была маленькая иллюстрированная, издававшаяся въ Москвѣ, газетка, умѣренно консервативнаго и ярко антисемитическаго направленія. Но она постоянно и рѣзко нападала на Каткова, и вотъ, 24 марта 1884 г. она получила предостереженіе за „несомнѣнно вредное направленіе, выразившееся, между прочимъ, съ особенною рѣзкостію въ статьяхъ“ такихъ то. Одна

изъ этихъ статей была именно нападеніемъ на Каткова, сдѣланнымъ съ безусловно консервативной точки зрѣнія.

Получивъ предостереженіе, редакторъ позволилъ себѣ нѣчто, совершенно у насъ необычное. Онъ помѣстилъ передовую статью, въ которой протестовалъ противъ предостереженія.

«Мы не понимаемъ, говорилъ онъ, основаній этого страшнаго приговора, такъ какъ ни объясненіе малаго успѣха коммиссій по реформамъ отсутствіемъ участія общества въ ихъ трудахъ (№ 1), ни насмѣшка надъ «Московскими Вѣдомостями», позволившими себѣ непристойныя выходки противъ высшаго государственнаго учрежденія въ Россіи (№ 2), ни разсказы г. Лѣскова, художественно оттѣняющіе столь нежелательныя русскому человѣку схоластическо-семинарскія начала и невѣжество, доселѣ встрѣчающіяся въ нашемъ почтенномъ духовенствѣ (№ 9, 10 и 11), не могутъ быть признакомъ несомнѣнно вреднаго направленія».

Къ этому редакція присоединяла заявленіе, что религія, власть и нравственность — это три принципа, которые она горячо отстаиваетъ, и что ея полемика съ „Московскими Вѣдомостями“ вовсе не говоритъ объ отсутствіи у нея вѣрноподданническихъ чувствъ. Немедленно вслѣдъ за этимъ газета получила второе предостереженіе, данное на томъ основаніи, что ея передовая статья въ № 14 доказываетъ, что „принятая относительно ея мѣра не послужила ей на пользу“.

Газета смирилась и промолчала, но въ томъ же 1884 г. все таки получила 3-ье предостереженіе; ибо, „не смотря на объявленныя ей предостереженія, не измѣнила своего предосудительнаго направленія“, что сказалось въ двухъ статьяхъ, изъ которыхъ одна была вновь направлена противъ Каткова, а другая — противъ Гилярова-Платонова. Послѣ этого газета до 1889 г. влачила подъ предварительной цензурой жалкое существованіе, пока не перешла въ руки другой редакціи и не погибла. Но ея редакторъ не успокоился, и въ выраженіи своего негодованія противъ цензуры обнаружилъ такое мужество, какое рѣдко обнаруживали русскіе литераторы. За полной своей подписью онъ опубликовалъ въ одной изъ англійскихъ газетъ свое письмо, въ которомъ разсказывалъ исторію своей газеты и въ дополненіе къ ней сообщилъ, что вопреки всякимъ законамъ, безъ всякихъ къ тому поводовъ, полиція закрыла его типографію; все это Гатцукъ объяснялъ ненавистью къ нему царящаго въ Россіи Каткова [3]).

[3]) Къ величайшему сожалѣнію мы не могли розыскать того №-ра Times'а или Standard'а, въ которомъ было помѣщено (въ концѣ 1887 или въ началѣ 1888 г.) письмо Гатцука, но совершенно ясно помнимъ его содержаніе.

Подобнымъ же образомъ протестовалъ противъ цензуры и И. С. Аксаковъ, когда его „Русь“ получила предостереженіе (1885 г.) за „обсужденіе текущихъ событій тономъ, несовмѣстимымъ съ истиннымъ патріотизмомъ и за стремленіе возбудить неуваженіе къ правительству, доказательствомъ чему служитъ статья въ № 21“. Указанная статья противъ русской и иностранной политики дѣйствительно написана тономъ, совершенно необычнымъ въ русской журналистикѣ послѣдняго времени и напоминающимъ прежняго Аксакова, редактора „Дня“. „Не хватаетъ уже и духа глумиться надъ нашей дипломатіей“, таково было вступленіе статьи. Мы хотѣли, говорилось въ ней далѣе, замѣнить политику славянскихъ чувствъ политикой реальныхъ интересовъ, совсѣмъ забывъ, что реальные интересы неотдѣлимы отъ идеальныхъ цѣлей, но въ дѣйствительности мы замѣнили ее политикой мелкихъ чувствъ досады, гнѣва, обиды.

Въ № 22 было напечатано предостереженіе, а въ № 23 статья Аксакова, написанная еще менѣе обычнымъ у насъ тономъ.

«Повинуясь закону, мы помѣстили въ прошломъ № данное «Руси» предостереженіе безъ всякихъ съ нашей стороны примѣчаній и поясненій. Предостереженіе это намъ было доставлено помощникомъ частнаго пристава черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ телеграфъ уже оповѣстилъ о немъ всю Европу къ великому торжеству австрійскихъ газетъ. Благоразумѣе, быть можетъ, было бы и теперь оставить вовсе безъ оговорокъ это оффиціальное назиданіе, но въ немъ есть нѣчто необыкновенное... Намъ брошено въ лицо обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма... Въ статьяхъ 12—30 Ценз. Устава перечисленны всѣ провинности печати, которыя могутъ служить поводомъ для принятія упомянутой мѣры, но ни о патріотизмѣ вообще, ни о патріотизмѣ истинномъ въ этихъ статьяхъ нѣтъ ни слова, ни даже намека. Мѣняться намъ поздно, да и не подстать... мы не расположены, да и не сумѣли бы... Правительство можетъ закрыть нашу газету... но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и уже несомнѣнно истинно патріотическимъ».

Немедленно же слѣдовала статья объ иностранной политикѣ въ прежнемъ тонѣ. Цензура сочла благоразумнымъ уступить.

Всѣ мѣры, о которыхъ мы до сихъ поръ говорили, если не считать нѣкоторыхъ пріостановокъ въ 1881 г. за нарушеніе циркуляровъ, были приняты противъ органовъ болѣе или менѣе либеральныхъ; исключеніе составляетъ „Газета Гатцука“, съ которой не считали нужнымъ церемониться. Но къ 85 г. цензура настолько справилась съ либеральной журналистикой, что сочла возможнымъ налагать взысканія

на органы консервативные уже не за вредное направленіе, а за случайныя провинности, за разногласія со взглядами того или другого министра. Въ 1885 г. „Гражданинъ“ получилъ 1-ое предостереженіе за рѣзкую статью о морскомъ цензѣ. Это предостереженіе было погашено, когда „Гражданинъ“ обратился изъ газеты, выходящей два раза въ недѣлю, въ большую ежедневную газету. Въ 1888 г. онъ вновь получилъ 1-ое предостереженіе за то, что „при благонамѣренномъ вообще своемъ направленіи, позволяетъ себѣ постоянно крайне неприличные отзывы о дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства и о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ“. Инкриминированныя статьи говорятъ: одна о томъ, что Сибирскій университетъ будетъ разсадникомъ революціонныхъ идей и въ частности идей сепаратизма, другая — о томъ, что Сенатъ неправильно, и именно пристрастно въ пользу жидовъ, толкуетъ у насъ законы о томъ разстояніи, которое должно отдѣлять православныя церкви отъ еврейскихъ молитвенныхъ школъ, и наконецъ, третья, озаглавленная „Гдѣ губернаторъ“, обвиняетъ самарскаго губернатора за то, что тотъ не опротестовалъ одного земскаго постановленія.

Въ 1888—89 гг. было погублено „Русское Дѣло“, органъ московскихъ фабрикантовъ, за недостаточно уважительное отношеніе ко дворянству. Въ 1890 г. „Московскія Вѣдомости“ получили 1-ое предостереженіе за „дерзкій отзывъ о государственномъ дѣятелѣ“, именно финляндскомъ губернаторѣ гр. Гейденѣ, который подписалъ, — вѣроятно, какъ думаетъ газета, не понимая того, что онъ подписываетъ, — Финляндское Уголовное Уложеніе, назначающее столь неприлично легкія наказанія за политическія преступленія.

Чрезъ два года та же газета получила 2-ое предостереженіе за нападеніе, — даже не особенно рѣзкое, — на редактора оффиціальныхъ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“, которыя, по мнѣнію газеты, позволяютъ себѣ съ замѣчательной небрежностью относиться къ архипастырскимъ посланіямъ московскаго митрополита.

Далѣе въ этомъ направленіи идти было некуда, и 2-ое предостереженіе, данное „Гражданину“ въ 1893 г., за упреки московскому дворянству, которое занимается пустяками вмѣсто того, чтобы посвящать свое время общегосударственнымъ и дворянскимъ интересамъ, — не представляетъ уже ничего новаго.

Консервативная печать была введена въ предѣлы; отнынѣ она не могла уже ни на одну пядь отклониться отъ правительственныхъ желаній. Съ либеральною печатью церемони-

лись не болѣе. Предостереженіе „Новостямъ“ въ 1891 году за безконечно невинныя статьи звучитъ прямо издѣвательствомъ, такъ какъ оно дано даже не за вредное направленіе, а за критику правительственныхъ мѣропріятій „съ точки зрѣнія фальшиваго либерализма“. Въ 1891—92 г. было нѣсколько административныхъ каръ, вызванныхъ голодомъ и холерою. Предостереженіе „Русскимъ Вѣдомостямъ“ указывало на помѣщенныя въ № 311 (1891) въ отдѣлѣ телеграммъ „тревожныя и не соотвѣтствующія дѣйствительности свѣдѣнія о продовольственномъ дѣлѣ въ имперіи, что служитъ новымъ доказательствомъ предосудительнаго направленія означеннаго изданія“. Вотъ вся предосудительная телеграмма отъ слова до слова.

«Петербургъ, 10 октября. Въ «Вѣстникѣ Финансовъ» опубликованъ сводъ данныхъ объ урожаѣ въ Россіи въ текущемъ году. До новой жатвы для прокормленія населенія не хватаетъ 213 милліоновъ пудовъ ржи. Пшеницы осталось не вывезенной немногимъ болѣе 160 милліоновъ пудовъ, слѣдовательно около 290 милліоновъ недостающей ржи должно быть покрыто ячменемъ, картофелемъ и другими продовольственными хлѣбами. На четырехъ южныхъ, примыкающихъ къ Кавказу, желѣзныхъ дорогахъ стоитъ въ данное время безъ отправки 27000 вагоновъ. Общая сумма залежей хлѣба 16½ милліоновъ пудовъ. Въ Петербургѣ цѣна первосортнаго ржанаго хлѣба поднялась до 5 коп. за фунтъ».

Вотъ и все. Въ дѣйствительности это предостереженіе было дано, конечно, не за невинную цифровую опечатку въ телеграммѣ, которая легко могла быть исправлена, а за незадолго передъ тѣмъ помѣщенную статью Льва Толстого „Страшный Вопросъ“ [4]), какъ это и было объяснено редакціи при личныхъ ея переговорахъ съ Главнымъ Управленіемъ. Но цензура не нашла нужнымъ лишній разъ обращать вниманіе публики на замѣчательную статью, и безъ того надѣлавшую много шума, и предпочла придраться къ первому удобному или даже вовсе неудобному поводу.

Голодъ же, и именно статья г. Краснопѣрова „О Самарскомъ голодѣ и его причинахъ“ (1892 г. № 3) была дѣйствительнымъ поводомъ къ отдачѣ „Юридическаго Вѣстника“ подъ предварительную цензуру, вслѣдствіе чего журналъ добровольно закрылся.

„Русская Жизнь“ получила предостереженіе 16 іюля 1892 за то, что „при вообще неодобрительномъ направленіи, вызывавшемъ неоднократно примѣненіе административныхъ мѣръ, приняла на себя задачу служить органомъ тревожныхъ и

[4]) Р. В. 1891, № 306.

и лишенныхъ всякаго основанія слуховъ". Дѣло идетъ о холерѣ и холерныхъ безпорядкахъ. „Лишенные всякаго основанія слухи" въ самомъ скоромъ времени оказались грозной дѣйствительностью.

Проходя мимо пріостановокъ газетъ за случайныя замѣтки о мелкихъ событіяхъ въ гимназіяхъ, или о чрезмѣрныхъ расходахъ при постройкѣ Закаспійской жел. дороги, назначенныхъ за неисполненіе циркуляровъ, мы отмѣтимъ здѣсь первое предостереженіе, данное 15 декабря 1889 г. „Вѣстнику Европы" за статью г. Вл. Соловьева „Очерки изъ исторіи русскаго сознанія", въ которой Мин. Вн. Дѣлъ усмотрѣлъ „раздражительную критику противъ церкви и государства", и 2-ое предостереженіе „Русской Мысли" (26 ноября 1893). Оно, какъ и недавняя кара „Русск. Вѣдомостямъ", интересно по недобросовѣстному формулированію обвиненія. Предостереженіе дано оффиціально за то, что въ статьѣ „Соціологія на эконом. основѣ" („Р. М." 1893, № 11) „изложены крайне вредныя ученія соціализма, причемъ авторъ, прикрываясь незначительными возраженіями и оговорками, очевидно имѣетъ цѣлію пропагандировать ихъ". Недобросовѣстной мы называемъ эту формулировку потому, что статья представляетъ изложеніе книги итальянскаго экономиста Лорія, сопровождаемое очень рѣшительными и существенными возраженіями, стремящимися подорвать основные выводы автора. Предостереженіе очевидно дано за что то другое.

Многія изъ изданій, подвергшись нѣсколькимъ пріостановкамъ или инымъ карамъ, не имѣли силъ подняться вновь; другія закрылись сами, не дождавшись ожидаемой ими кары, заявивъ въ послѣднемъ №, что при настоящихъ условіяхъ они не считаютъ возможнымъ или стоющимъ влачить свое существованіе. Такъ погибли за время царствованія Александра III: „Слово", „Устои", „Земство", „Голосъ", „Дѣло", „Русскій Курьеръ", „Юридическій Вѣстникъ" и многія другія, въ особенности провинціальныя изданія. Новыхъ же систематически не разрѣшали, — исключеній очень немного, если не считать такихъ спеціальныхъ изданій, какъ „Велосипедный Спортъ" и т. под. [5]).

---

[5]) Изъ погибшихъ такимъ способомъ изданій наибольшій интересъ представляетъ „Голосъ". Эта газета, основанная А. А. Краевскимъ въ 1863 г. и редактировавшаяся съ начала 1870-хъ гг. (фактически) проф. Бильбасовымъ, была

ГЛАВА V.

Цензура въ царствованіе Николая II. Заключеніе.

21 октября 1894 года наступило новое царствованіе. Новому государю предстояло только идти по стопамъ своего родителя, и онъ дѣлалъ это съ полнымъ самосознаніемъ и твердостью. Область цензурной практики, конечно, не составляла исключенія. Уже въ прошломъ царствованіи цензура иногда позволяла себѣ нарушать законы; оставалось сдѣлать еще небольшой шагъ, чтобы поставить законы на полку и окончательно забыть объ ихъ существованіи.

Если цензурные циркуляры о болѣзни тайнаго совѣтника Аракина, о семейныхъ отношеніяхъ Маркуса или о полученіи по подложнымъ документамъ изъ Государственнаго банка 225 тысячъ, хотя и съ большою натяжкой, но могутъ быть оправданы статьею 140 Цензурнаго Устава, дозволяющею запрещать журналамъ касаться нѣкоторыхъ вопросовъ государственной важности, то новое царствованіе дебютировало на этомъ поприщѣ циркуляромъ, который, при какомъ угодно толкованіи, не можетъ быть оправданъ закономъ. „Главное Управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, приглашаетъ господъ редак-

къ моменту своей смерти самою популярною въ Россіи газетою: она расходилась болѣе чѣмъ въ 20,000 экз. Умѣренная, бюрократически-либеральная, рѣзко враждебная революціонному движенію, она, будучи выразительницей идеаловъ и воззрѣній опредѣленной части общества, занимала своеобразное положеніе въ русской журналистикѣ, и ея гибель оставила въ ней незаполненный до сихъ поръ пробѣлъ. За время съ 1863—77 гг. она подверглась 11 предостереженіямъ и 3 пріостановкамъ (въ общей сложности на 6 мѣсяцевъ) и 11 разъ запрещенію розничной продажи. Въ 1881 г. она подверглась вновь тремъ предостереженіямъ и запрещенію на 6 мѣсяцевъ. Исторія замѣнившей ее было „Новой Газеты“ изложена выше, во II главѣ. Послѣ возобновленія въ 1882 г. „Голосъ“ въ $1^1/_2$ года подвергся вновь, кромѣ запрещенія розничной продажи, тремъ предостереженіямъ и запрещенію на 6 мѣсяцевъ съ отдачею подъ предварительную цензуру, послѣ чего закрылся. Исторію его см. въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза подъ словомъ *Голосъ*. — Газета „Земство“ въ послѣднемъ своемъ № въ 1882 г. заявила: „Въ виду наступленія новыхъ вѣяній, мы предпочитаемъ молчать, чѣмъ говорить иносказаніями, и прекращаемъ нашъ журналъ, надѣемся не навсегда, а на время; быть можетъ наступятъ новыя вѣянія“....

Любопытные факты изъ истории ходатайствъ объ открытіи новыхъ изданій въ провинціи см. „Вѣстникъ Европы“ 1896, № 5, стр. 433.

торовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не печатать статей бывшаго члена Сыръ-Дарьинскаго областного суда въ Ташкентѣ, Семена Ивановича Гуссона, безъ предварительнаго просмотра ихъ въ Главномъ Управленіи“[1]).

Очевидно, что требовать на предварительный просмотръ всѣ безъ исключенія статьи какого либо автора не значитъ не допускать до обсужденія вопроса государственной важности. Тѣмъ не менѣе въ періодической печати никто не протестовалъ противъ этого циркуляра, никто не обжаловалъ его по начальству, никто не опубликовалъ его на своихъ столбцахъ, какъ явную насмѣшку надъ закономъ и надъ здравымъ смысломъ. Очевидно было, что цензура могла и далѣе шествовать въ томъ же направленіи.

Мы оставимъ въ сторонѣ тѣ циркуляры, которые по своему характеру не представляютъ ничего новаго сравнительно съ циркулярами прежняго царствованія, ограничившись замѣчаніемъ, что крестьянскій вопросъ, очевидно, смѣняется вопросомъ рабочимъ; цензура отнынѣ запрещаетъ говорить уже не объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, а объ отношеніяхъ рабочихъ къ фабрикантамъ и о волненіяхъ на фабрикахъ[2]). Мы отмѣтимъ нѣсколько новыхъ по духу циркуляровъ.

19 января 1895 года Главное Управленіе оповѣстило газеты, что извѣстіе „Новаго Времени“ о томъ, будто Керченскій проливъ замерзъ — лишено основанія; а такъ какъ подобныя замѣтки приводятъ къ нежелательнымъ результа-

[1]) 12 Ноября 1894 г.

[2]) 1896, 8 іюня, 18 іюля за № 4537. Второй изъ этихъ циркуляровъ гласитъ: „Въ № 158 «Правит. Вѣстн-» опубликовано изложеніе событій, имѣвшихъ мѣсто во время забастовокъ на петербургскихъ фабрикахъ въ маѣ и іюнѣ сего года. Сообщеніе «Правит. Вѣстн.» исчерпываетъ вполнѣ фактическую сторону этого явленія и основано на точныхъ, тщательно провѣренныхъ данныхъ. Въ виду сего, по порученію г. министра Вн. Д., редакціи повременныхъ изданій *приглашаются въ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ не выходить за предѣлы напечатаннаго сообщенія и съ крайней осторожностью пользоваться свѣдѣніями, которыя могли бы дойти до нихъ изъ другихъ источниковъ, а равнымъ образомъ съ осмотрительностью переходить отъ разсмотрѣнія этихъ событій, какъ усматривается изъ сообщенія «Правит. Вѣстн.», возникшихъ единственно изъ особенностей внутренняго распорядка на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ, къ заключеніямъ относительно общаго положенія всѣхъ фабричныхъ рабочихъ*“.

Какъ извѣстно, сообщеніе „Правит. Вѣст.“ было помѣщено уже послѣ окончанія стачки, — и слѣд. все время, пока она продолжалась, общество, весьма сильно интересовавшееся ею, принуждено было довольствоваться слухами. Кромѣ того правительственное сообщеніе было весьма неточно и не полно. Число стачечниковъ уменьшено въ немъ почти въ 2 раза.

тамъ, то Главное Управленіе проситъ редакціи печатать ихъ только въ томъ случаѣ, если они будутъ доставлены оффиціальными лицами.

25 іюня 1895 г. было заявлено, что Высочайшій Указъ, напечатанный въ № 133 „Правительственнаго Вѣстника“ „о предоставленіи дѣтямъ капитана Аграновича правъ и преимуществъ по роду и наслѣдію законнымъ дѣтямъ принадлежащихъ, — отнюдь не должно быть перепечатано въ другихъ газетахъ“. Это былъ первый случай запрещенія Главнымъ Управленіемъ перепечатокъ изъ „Правительственнаго Вѣстника“. Интересно, кто бы обратилъ вниманіе на этотъ указъ, если бы этого не сдѣлала цензура.

18 мая 1896 года произошло, какъ извѣстно, страшное несчастіе на Ходынскомъ полѣ. На слѣдующій день по редакціямъ былъ разосланъ циркуляръ.

«Не печатать о происшествіи на народномъ гуляньѣ на Ходынскомъ полѣ въ Москвѣ невѣрныхъ и преувеличенныхъ слуховъ, несогласныхъ съ правительственными сообщеніями, которыя появляются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Другими словами, только правительственныя свѣдѣнія могутъ быть вѣрны и не преувеличены, не исключая и цифры убитыхъ, которая, по общему убѣжденію, была уменьшена въ правительственномъ сообщеніи, по крайней мѣрѣ, раза въ полтора. 15 іюля былъ опубликованъ Высочайшій Указъ, въ которомъ Государь заявлялъ: „Горячо принимая къ сердцу все, что касается этого горестнаго событія, Мы, въ постоянной заботѣ о правдѣ, признали необходимымъ лично разсмотрѣть произведенное по этому дѣлу предварительное слѣдствіе, и нынѣ, тщательно сообразивъ обстоятельства, выясненныя этимъ слѣдствіемъ, Мы признаемъ за благо, не обращая дѣло къ судебному порядку, разрѣшить его Нашею непосредственною властью“, и прикрывъ всѣхъ истинныхъ виновниковъ этого дѣла, пожертвовать однимъ полиціймейстеромъ, сдѣлать выговоръ, безъ внесенія въ формуляръ, чиновнику Беру, и приказать разнымъ властямъ никогда впредь не соперничать, а согласовать свои дѣйствія. Немедленно вслѣдъ за этимъ былъ разосланъ циркуляръ такого рода:

№ 4539. «По приказанію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ редакціи повременныхъ изданій приглашаются: обсужденіе Высочайшихъ Указовъ относительно несчастій, случившихся на Ходынскомъ полѣ въ дни священнаго коронованія, производить въ духѣ безпристрастія и спокойствія, избѣгая тона и выраженій, могущихъ волновать страсти, и тщательно воздерживаясь отъ всякихъ разглагольствованій о дѣйствіяхъ высшей мѣстной администраціи по устрой-

ству народнаго гулянья на Ходынскомъ полѣ. При этомъ редакціи не преминутъ держаться въ предѣлахъ правительственныхъ сообщеній относительно фактической стороны Ходынскаго происшествія, какъ то было указано въ распоряженіи Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 19 мая за № 3264».

Лѣтомъ 1896 года былъ уволенъ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ, одинъ изъ наиболѣе популярныхъ профессоровъ Московскаго университета. Редакціи были тотчасъ же приглашены не помѣщать никакихъ статей и извѣстій, выражающихъ сочувствіе его служебной дѣятельности. То же самое было сдѣлано по поводу увольненія врача И. И. Моллесона, завѣдывавшаго медико-статистическимъ отдѣломъ Саратовской земской Управы. Наконецъ, 31 октября и 9 ноября 1896 г. было предписано редакціямъ не помѣщать никакихъ разсужденій о дѣлѣ гласнаго С.-Петербургской думы Кедрина, обвиняемаго въ оскорбленіи 22 гласныхъ той же думы, а также рѣчей, „могущихъ быть произнесенными“ на предстоявшемъ обѣдѣ въ его честь (который, кстати, такъ и не состоялся). Циркуляры эти подали поводъ къ слѣдующему курьезу. Предсѣдатель С.-Петербургскаго Окружного Суда распорядился отпечатать въ 100 экземплярахъ мотивированный приговоръ суда, какъ это обыкновенно дѣлается, когда достаточно велико число лицъ, имѣющихъ законное право требовать копію съ приговора. Петербургская цензура задержала этотъ приговоръ, буквально толкуя циркуляръ, запрещающій всякія разсужденія и объясненія по поводу процесса. Конечно, одного визита предсѣдателя суда къ Главноуправляющему по Дѣламъ Печати было достаточно, чтобы исправить ошибку излишне рьяныхъ цензоровъ.

Въ области предостереженій и запрещеній новое царствованіе отмѣчено, помимо нѣкоторыхъ пріостановокъ подцензурныхъ журналовъ („Курскій Листокъ“, московская газета „Жизнь“,—послѣдняя за разоблаченіе подкупа строительной коммиссіи, осматривавшей зданіе новаго московскаго театра, „Саратовскій Дневникъ“—за корреспонденціи изъ Нижняго-Новгорода объ увеличеніи тамъ расходовъ на тайную полицію и др.), помимо также нѣсколькихъ запрещеній розничной продажи (такъ розничная продажа „Русскихъ Вѣдомостей“ была запрещена за появленіе безъ траурной рамки въ годовщину смерти Александра III; то же самое со стороны другихъ газетъ было оставлено безъ вниманія), во первыхъ, не мотивированнымъ прекращеніемъ „Русской Жизни“ (1895), во вторыхъ, 1-мъ предостереженіемъ „Наблюдателю“ (1895), въ третьихъ, 2-мъ предостереженіемъ „Недѣлѣ“,

данным за статьи Меньшикова (1 предостереженіе было дано ей въ 1884 году, но предостереженія, какъ извѣстно, никакой давностью не погашаются). Запрещеніе „Русской Жизни", ея издатель, г. Пороховщиковъ, въ поданномъ имъ прошеніи на Высочайшее имя объяснялъ вліяніемъ министра финансовъ Витте, противъ политики котораго онъ помѣстилъ нѣсколько статей. „Нѣсколько недѣль спустя послѣ отсылки письма Государю, я получилъ бумагу за подписью того же г. Дурново, что Его Величество соизволилъ отказать мнѣ даже въ томъ, въ чемъ не отказываютъ самому тягчайшему преступнику, т. е. въ судѣ для выясненія мотивовъ лишенія добраго имени и достоянія"[3]).

Въ іюнѣ 1896 года мѣсто Ѳеоктистова на посту Главноуправляющаго по Дѣламъ Печати занялъ М. Соловьевъ. Ѳеоктистовъ, очевидно, сыгралъ свою роль, и нуженъ былъ человѣкъ болѣе энергичный. Новый Главноуправляющій сдѣлалъ новый шагъ впередъ[4]). Онъ смѣло и совершенно вѣрно заявилъ въ личномъ разговорѣ, что онъ намѣренъ быть не Главноуправляющимъ по Дѣламъ Печати, а управляющимъ печатью[5]). Основываясь на этомъ, онъ потребовалъ отъ г. Гайдебурова (редактора „Недѣли"), чтобы тотъ удалилъ изъ своего журнала г. Меньшикова, а отъ г. Проппера (издатель „Биржевыхъ Вѣдомостей"), чтобы тотъ сдѣлалъ тоже самое съ г-мъ Далинымъ, грозя въ противномъ случаѣ суровыми карами журналамъ. Это было сдѣлано до 2-го предостереженія „Недѣлѣ", и хотя г-нъ Гайдебуровъ, равно какъ и г. Пропперъ, исполнили требованіе г. Главноуправляющаго, „Недѣлѣ" все таки дано было предостереженіе именно за статьи г. Меньшикова.

Осенью 1896 года издатели „Русскаго Вѣстника" разошлись съ его редакторомъ, г. Стахѣевымъ, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ притязаній этого послѣдняго на кассу редакціи. Издатели стали просить объ утвержденіи новаго редактора, но Соловьевъ соглашался на это подъ однимъ условіемъ, чтобы новымъ редакторомъ былъ г. Медвѣдскій, извѣстный

[3]) Пороховщиковъ. „Самодержавіе на канунѣ XX в.". Лейпцигъ, 1895, стр. 13.

[4]) Къ сожалѣнію, большей части дальнѣйшихъ фактовъ мы не можемъ подтвердить ссылками на источники, но тѣмъ не менѣе настаиваемъ на ихъ достовѣрности. Читатель, не расположенный вѣрить намъ на слово, можетъ закрыть брошюру.

[5]) Программа такого рода была за нѣсколько времени предъ тѣмъ опредѣленно намѣчена въ статьяхъ Spectator'a (Грингмута) въ „Московск. Вѣд.". См. „Вѣстн. Европы" 1896, 11, 439.

тѣмъ, что онъ писалъ либеральныя статьи въ „Наблюдателѣ“ и рѣзко реакціонныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“[6]). Издатели послѣдняго на это не соглашались; Соловьевъ стоялъ на своемъ. Но на этотъ разъ онъ наткнулся на противодѣйствіе. Если бы „Русскій Вѣстникъ“ не отличался достаточной благонамѣренностью, если бы его издатели не имѣли хорошихъ связей, то очень возможно, что онъ одержалъ бы побѣду. Но случилось иначе: издатели рѣшились пріостановить выпускъ „Русскаго Вѣстника“, а затѣмъ предъявить искъ къ Соловьеву объ убыткахъ. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на уступки, и „Русскій Вѣстникъ“ перешелъ въ руки другихъ издателей.

Точно также Соловьеву пришлось отступить въ дѣлѣ съ „Гражданиномъ“. „Гражданинъ“ помѣстилъ нѣсколько грубыхъ выходокъ противъ президента Французской республики Фора какъ разъ во время поѣздки Государя во Францію, когда цензура особымъ циркуляромъ взяла и его подъ свою защиту. Главн. Управл., забывъ о 156 статьѣ Ценз. Уст., карающей за подобныя преступленія временной пріостановкой безъ всякихъ послѣдствій, дало „Гражданину“ 5 октября 1896 г. 3-е предостереженіе со всѣми его послѣдствіями. Однако кн. Мещерскому удалось добиться чрезъ три недѣли Высочайшаго повелѣнія, возстановившаго его права, и онъ остался въ выигрышѣ: газета его теперь чиста отъ предостереженій[7]).

Зато г. Соловьевъ съумѣлъ навязать въ редакторы „Биржевымъ Вѣдомостямъ“ извѣстнаго порнографическими рома-

[6]) См. любопытныя извлеченія и сопоставленія изъ этихъ статей въ статьѣ г. Михайловскаго въ „Русск. Бог.“ 1896. № 5.

[7]) Слѣдуя своей системѣ — не вѣрно мотивировать налагаемыя кары, Главн. Упр. въ предостереженіи „Гражданину“ указываетъ не на нарушеніе циркуляра о Форѣ, а на нарушеніе ст. 102 и 104 Ц. У. Неправильность этой ссылки видна уже изъ того, что ст. 104 гласитъ объ оскорбленіи иностранныхъ государай и членовъ ихъ семействъ, между тѣмъ въ инкриминированныхъ статьяхъ „Гражданина“ рѣчь идетъ исключительно о Форѣ, который, на сколько намъ извѣстно, государемъ нигдѣ не состоитъ. Самъ кн. Мещерскій въ первомъ по возобновленіи № своей газеты откровенно объяснялъ ея запрещеніе нарушеніемъ циркуляра, причемъ оправдывался тѣмъ, что онъ самъ не читалъ этого циркуляра, а читавшій его членъ редакціи невѣрно его понялъ. (См. „Новое Время“. 1896, № 7425). Изъ этого видно крайнее неудобство того порядка, на основаніи котораго правительственныя распоряженія даются только на прочтеніе; но это вовсе не объясняетъ, почему М. В. Д. примѣнилъ къ „Гражданину“ мѣру взысканія, ничего общаго съ предусмотрѣнной закономъ не имѣющую.

нами г. Ясинскаго, и эта газета, еще недавно либеральная, стала безусловно консервативною.

Лѣтомъ 1897 г. московская цензура задержала 7-ую книжку „Русской Мысли“ уже по истеченіи указаннаго 4 дневнаго срока, когда одна партія книгъ уже была сдана на почту, и потребовала вырѣзки и перепечатки нѣсколькихъ страницъ. „Русская Мысль“ имѣла полное право и возможность протестовать, если не неповиновеніемъ, то по крайней мѣрѣ обжалованіемъ въ Комитетъ Министровъ, — но, опасаясь мести со стороны цензуры, она покорно подчинилась незаконной мѣрѣ. За годъ передъ тѣмъ „Русская Мысль“ подчинилась еще болѣе произвольному требованію представлять въ цензуру на предварительный просмотръ всѣ статьи по рабочему вопросу[8]).

[8]) Мы ничего не говоримъ здѣсь о провинціальной печати, потому что общее ея положеніе достаточно выяснено въ I главѣ, а для оцѣнки тѣхъ измѣненій, которыя произошли въ немъ въ послѣдніе годы мы располагаемъ только отрывочными фактами, число которыхъ недостаточно для какихъ бы то ни было общихъ выводовъ. Въ послѣднее время нѣсколько курьезовъ изъ области дѣятельности провинціальной цензуры проскочило въ столичную печать; такъ въ „Руси“, № 7 и 15 за 1897 г. были помѣщены интересныя статьи на эту тему. Къ сожалѣнію, „Русь“ держится системы обличенія, осмѣянной еще Добролюбовымъ; она сообщаетъ, что въ одномъ городѣ, одинъ цензоръ, въ одной газетѣ, вычеркнулъ фразу: „голубь склонилъ голову на бокъ“ и надписалъ на поляхъ: „какой же у голубя бокъ?“ и т. под. Мы слишкомъ хорошо знакомы съ характеромъ провинціальной цензуры, чтобы заподозривать сообщенія „Руси“; но по нашему мнѣнію было бы лучше, если бы въ нихъ не отсутствовали точныя хронологическія и географическія данныя. — Гораздо интереснѣе, именно благодаря своей точности и опредѣленности, статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“. Нужно замѣтить, что „С.Пб. Вѣд“ съ января 1896 г. представляютъ единичное явленіе въ русской журналистикѣ. Консервативныя по идеаламъ государственнаго строя, безусловно монархическія по чувствамъ, онѣ не являются органомъ ни доносительства, ни мракобѣсія. Уважая и чужое мнѣніе, и въ особенности дорожа развитіемъ въ монархическомъ духѣ всѣхъ народностей Россіи, газета съ искреннимъ негодованіемъ относится къ попыткамъ насильственнаго обрусѣнія инородцевъ или обращенія въ православіе иновѣрцевъ; только она одна осмѣлилась помѣстить добросовѣстный отчетъ объ изданной за границей книгѣ Леливы о русско-польскихъ отношеніяхъ; она осмѣливается рѣзко нападать на разныя административныя мѣропріятія, и по поводу оффиціальныхъ возраженій на ихъ статью о положеніи печати въ Польшѣ (1896, № 324) отвѣчать съ фактами въ рукахъ доказательствомъ лживости этихъ возраженій (1897, № 16). Глав. Упр. по дѣл. печати принуждено оставлять подобныя выходки безъ отвѣта, но къ сожалѣнію только потому, что редакторъ газеты — кн. Ухтомскій — „личный другъ царя“, какъ его называютъ въ иностранной печати. Отмѣтимъ здѣсь еще статью врача В. Б. въ „Недѣлѣ“ 1895, № 47 подъ заглавіемъ: „Книжный карантинъ“. Въ ней авторъ сообщаетъ очень интересные факты, ха-

Мы отмѣтимъ здѣсь еще одно нововведеніе г. Соловьева. Ст. 6 Ценз. Уст., освобождающая отъ предварительной цензуры „всѣ оригинальныя произведенія“ и „всѣ переводы“ опредѣленнаго объема, казалось бы совершенно ясна. Но г. Соловьевъ въ разъясненіе ея разослалъ по типографіямъ циркуляръ[9]), въ силу котораго никакой объемъ не освобождаетъ отъ предварительной цензуры книги, заключающей въ себѣ произведенія двухъ или нѣсколькихъ авторовъ.

Циркуляръ этотъ не вполнѣ и не всегда еще примѣняется, но тенденція его очевидна. Печать по немногу возвращается въ дореформенное состояніе.

Этому какъ будто противорѣчитъ тотъ фактъ, что г. Соловьевъ сравнительно легко разрѣшаетъ новыя газеты, послѣ того какъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія добиться этого не

рактеризующіе порядки въ Варшавской Иностранной Цензурѣ. Авторъ говоритъ не о томъ, что разрѣшаютъ и чего не разрѣшаютъ, а о томъ, сколько времени лежитъ книга въ цензурѣ, какъ трудно добиться отъ нея толку, какія ошибки дѣлаетъ цензура, какъ она, даже не разрѣзывая иностранной книги (медицинской), признаетъ ее запрещенной и отсылаетъ обратно за границу, а потомъ, когда эта же книга будетъ разрѣшена цензурой петербургской, свободно пропускаетъ ее, и т. д.

[9]) Вотъ текстъ этого циркуляра: „На основаніи статьи 6 Уст. о ценз. и печати Св. Зак. Т. XIV изд. 1890 г., отъ предварительной цензуры изъяты въ обѣихъ столицахъ, между прочимъ, всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе десяти печатныхъ листовъ и всѣ переводы объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ.

Между тѣмъ въ печати постоянно появляются и такія безцензурныя книги, которыя, при объемѣ — оригинальныя въ 10 и переводныя въ 20 листовъ, не составляютъ одного сочиненія, какъ это должно бы быть по буквальному смыслу закона, а составлены изъ двухъ и многихъ сочиненій. Кромѣ того замѣчено, что при изданіи переводныхъ сочиненій, могущихъ по объему не подлежать предварительной цензурѣ, въ составъ 20 листовъ или же сверхъ всего включаются оригинальныя предисловія и примѣчанія переводчиковъ, не принадлежащія къ тексту переведеннаго сочиненія и по своимъ размѣрамъ подлежащія предварительному цензурному разсмотрѣнію. Наконецъ, печатаются безъ предварительной цензуры сборники скабрезнаго и вообще неприличнаго содержанія пѣсенъ, куплетовъ, шансонетокъ и т. п. произведеній разныхъ авторовъ, разсчитанные на широкое распространеніе среди народа.

Признавая печатаніе подобныхъ книгъ безъ предварительной цензуры не соотвѣтствующимъ требованіямъ указаннаго закона, Главное Управленіе по дѣламъ печати предложило разъяснить типографіямъ, что безъ предварительной цензуры могутъ быть печатаемы установленнаго лишь объема книги, заключающія въ себѣ одно какое либо сочиненіе. Исключеніе можетъ быть сдѣлано только для такихъ сборниковъ учебныхъ или научныхъ, каковы, напримѣръ: хрестоматіи, историческіе матеріалы и т. п.“. (Циркуляръ Инспекторамъ 24-го сент. 1896 г.).

было почти никакой возможности. Но при своей системѣ назначенія редакторовъ г. Соловьевъ можетъ быть не безъ основанія надѣется, что при большомъ количествѣ газетъ, онъ легче будетъ властвовать надъ ними, чѣмъ при маломъ: закрытіе каждой газеты за малѣйшее уклоненіе отъ его предначертаній не будетъ въ такой степени обращать на себя всеобщее вниманіе, и „Новое Время“ потеряетъ выгоды своего монопольнаго положенія, благодаря которому оно можетъ даже импонировать Управляющему Печатью. Послѣднее предположеніе, однако, не оправдалось и не могло оправдаться. Система навязыванія редакторовъ привела къ тому, что уже въ январѣ 1897 г. „Лучъ“ временно закрывался „впредь до утвержденія новаго редактора“, „Русь“ тоже дважды временно закрывалась и возобновится ли послѣ вторичнаго закрытія — Богъ вѣсть; въ „Міровыхъ Отголоскахъ“ происходятъ внутреннія разногласія, свѣдѣнія о которыхъ доходятъ до печати (демонстративный выходъ изъ нея проф. Тарханова), а остальныя газеты влачатъ настолько жалкое существованіе, что о конкуренціи съ „Новымъ Временемъ“ или даже съ „Новостями“ имъ нечего и думать. А между тѣмъ именно на нихъ-то по преимуществу и сыплятся всевозможныя кары: „Лучъ“ уже 4 января 1897 получилъ предостереженіе и запрещеніе розничной продажи, „Утро“ въ тотъ же день получило запрещеніе розничной продажи. Въ то же время (10 января 1897 г.) спеціальная сельскохозяйственная газета „Хозяинъ“ получила 2-ое предостереженіе (1-ое дано ей 17 сентября 1896 г. [10]).

[10]) По окончаніи настоящей статьи прекратились (1 апрѣля 1897) „Лучъ“ и „Гласность“. Изъ перваго былъ удаленъ редакторъ Чуйко, а А. Вольфу было разрѣшено подписываться „за редактора“ только на время. Ни одинъ изъ представленныхъ Вольфомъ редакторовъ не былъ утвержденъ. Соловьевъ предложилъ на эту должность своего пріятеля г. Головинскаго, который, не смотря на то, что до сихъ поръ не обмолвился ни одной печатной строчкой, потребовалъ жалованья въ 6000 р. и пообѣщалъ въ выборѣ сотрудниковъ строго слѣдовать указаніямъ Управляющаго Печатью. Г. Вольфъ не согласился и прекратилъ газету, сдѣлавъ въ ней слѣдующее заявленіе: „Я былъ увѣренъ, что, строго сообразуясь въ организаціи, развитіи и веденіи начатаго мною предпріятія съ существующими на этотъ предметъ законами и точно исполняя ихъ, допуская на столбцахъ газеты лишь то, что призываетъ къ законности, добру и правдѣ и что допускается законами о печати, — я вправѣ былъ считать это дѣло прочно обезпеченнымъ отъ всякихъ случайныхъ внѣшнихъ колебаній и искусственныхъ препятствій. Между тѣмъ на опытѣ оказалось, что, при существующихъ условіяхъ положенія печати, газетное дѣло слишкомъ шатко, подвержено разнаго рода случайностямъ, которыхъ невозможно ни предусмотрѣть,

Естественно, что „Новое Время“ по прежнему царитъ на газетномъ рынкѣ. Царитъ оно впрочемъ не безраздѣльно: есть еще одна газета, пользующаяся большимъ распространеніемъ и значительнымъ вліяніемъ среди публики и приносящая солидные доходы ея собственникамъ, — это „Русскія Вѣдомости“. Въ противуположность „Новому Времени“, эта газета, всегда и неизмѣнно чистоплотная, исповѣдуетъ принципы либерализма, какъ они обыкновенно понимаются въ Россіи[11]), но на столько умѣренно и осторожно ихъ проводитъ, что до сей минуты правительство не сочло еще нужнымъ закрыть ее; когда нибудь, идя дальше по своему пути, оно не удовольствуется по отношенію къ ней запрещеніями розничной продажи и угрозами; если общество и литература и тогда не обнаружатъ серьезнаго недовольства, оно сдѣлаетъ еще одинъ шагъ и запретитъ „Русск. Вѣдом.“. Положеніе монополиста кладетъ и на „Русскія Вѣдомости“ свой отпечатокъ. Газета не только позволяетъ себѣ трусость, переходящую за границу всякаго приличія, отказываясь печатать невиннѣйшія корреспонденціи и потомъ перепечатывая ихъ же изъ другихъ изданій, но она не считаетъ нужнымъ

ни предупредить. А потому съ 1 апрѣля выходъ въ свѣтъ газеты пріостанавливается“. („Лучъ“ 1897, № 67).

Въ „Русь“, возникшую послѣ вторичной пріостановки, Соловьевъ успѣлъ навязать своего редактора, г. Драгомирецкаго, и въ настоящее время либеральный редакторъ „Недѣли“ Гайдебуровъ состоитъ въ то-же время издателемъ консервативнаго органа.

[11]) Такъ, напримѣръ, правительственное сообщеніе по поводу студенческихъ безпорядковъ въ Московскомъ университетѣ, имѣвшихъ мѣсто 18 и 19 ноября 1896 года, было опубликовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ только 5-го декабря. Въ этомъ сообщеніи имѣются крупныя недоразумѣнія. Такъ, въ немъ говорится, что когда ректоръ отказался принять студенческую депутацію, то студенты насильно ворвались въ его квартиру; затѣмъ будто бы „ректоръ вышелъ къ собравшимся на сходку студентамъ и продолжительно уговаривалъ ихъ разойтись“. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не было. Ректора сходка не видѣла, и никакіе студенты въ квартиру ректора не врывались. Самъ ректоръ настолько былъ сконфуженъ оффиціальною ложью, что счелъ нужнымъ написать по этому поводу оффиціальное разъясненіе въ министерство народнаго просвѣщенія... Между тѣмъ наша печать, не исключая и либеральной, помѣстила статьи, восхвалявшія правительство за то, что оно не держитъ общество въ неизвѣстности относительно такихъ событій, какъ студенческіе безпорядки. О студенческихъ безпорядкахъ того времени, имѣвшихъ мѣсто въ Петербургѣ и Кіевѣ, не было въ печати ни одного слова.... О крупной стачкѣ, имѣвшей мѣсто въ январѣ 1897 года въ Петербургѣ, до сихъ поръ не опубликовано ни одного слова. Свѣдѣнія о лѣтней стачкѣ 1896 года также были неполны и невѣрны.

улучшаться даже съ внѣшней стороны. Корреспонденціи ея, какъ внутреннія, такъ и заграничныя (кромѣ Берлинскихъ) ниже всякой критики; газета запаздываетъ со своими извѣстіями иногда на нѣсколько дней; иной разъ она вовсе не сообщаетъ о важнѣйшихъ событіяхъ русской и иностранной жизни. Въ интереснѣйшіе моменты жизни какого либо государства она не считаетъ нужнымъ послать туда спеціальныхъ корреспондентовъ; иногда она помѣщаетъ однѣ и тѣ же статьи, даже фельетоны, по два раза — и все это потому, что читатели все равно будутъ ее выписывать, ибо для людей, невыносящихъ „Новаго Времени“, читать больше нечего.

ДОБАВЛЕНІЯ.

Наша статья уже была совсѣмъ окончена, когда (въ февралѣ 1897 г.) Главное Управленіе по Дѣламъ Печати разослало по редакціямъ печатный списокъ циркуляровъ, коимъ какъ бы кодифицируется вся та хаотическая масса прежнихъ распоряженій, о которыхъ мы говорили. Приводимъ списокъ цѣликомъ и обращаемъ вниманіе на его совершенно новую редакцію.

Секретно.

СПИСОКЪ

Распоряженій Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, объявленныхъ редакціямъ газетъ на основаніи ст. 140 Уст. о Ценз. и Печати и сохраняющихъ обязательную силу.

1. 8 Октября 1876 г. — О воспрещеніи печатать всеподданнѣйшіе адресы, безъ особаго на то разрѣшенія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а равно и слухи о предполагаемомъ составленіи или представленіи такихъ адресовъ.

2. 14 Марта 1876 г. — О запрещеніи печатать извѣстія о мобилизаціи нашей арміи и вообще о военныхъ приготовленіяхъ.— 28 Января 1883 г., 6 и 9 Мая 1882 г. — 2 Ноября 1882 г., 24 Августа 1883 г., 9 Сентября 1884 г., 27 Марта и 24 Ноября 1886 г., 16 Января 1887 г. и 22 Апрѣля 1895 г.

3. 18 Іюня 1877 г. — О воспрещеніи печатать какіе бы то ни было акты государственнаго значенія ранѣе опубликованія оныхъ въ установленномъ закономъ порядкѣ (ст. 74 и 100 Уст. о Ценз. и Печ., изд. 1890 г.).

4. 20 Января 1879 г. — О запрещеніи печатать стенографическіе отчеты по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, ранѣе появленія ихъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». — 21 Марта 1882 г.

5. 18 Января 1880 г. — О воспрещеніи печатать какія-либо свѣдѣнія объ арестахъ по политическимъ дѣламъ и о производимыхъ по нимъ дознаніямъ и слѣдствіямъ. — 14 Сентября 1882 г. и 1 Марта 1885 года.

6. 29 Сентября 1882 г. — О безусловномъ запрещеніи печатать какія либо свѣдѣнія о политическихъ преступникахъ. — 24 Апрѣля 1883 г.

7. 13 Ноября 1882 г. — О запрещеніи печатать какія либо свѣдѣнія о лицахъ, исполняющихъ смертные приговоры надъ преступниками.

8. 16 Іюля 1881 г. — О запрещеніи оглашать безъ разрѣшенія начальства оффиціальные документы и свѣдѣнія.

9. 25 Апрѣля 1883 г. — О воспрещеніи печатать какія либо свѣдѣнія, какъ о личномъ составѣ сыскной полиціи, такъ и о дѣятельности ея.

10. 26 Февраля 1884 г. — О воспрещеніи печатать извѣстія о поздравительныхъ привѣтствіяхъ, посылаемыхъ воспитанниками учебныхъ заведеній.

11. 1 Іюня 1885 г. — О воспрещеніи частнымъ лицамъ печатать фармакопею и аптекарскую таксу безъ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта, утвержденнаго Министромъ.

12. 18 Февраля 1888 г. — О запрещеніи печатать свѣдѣнія и извѣстія о происходящихъ въ Государственномъ Совѣтѣ сужденіяхъ. — 3 Мая 1895 года.

13. 3 Февраля 1892 г. — О запрещеніи печатать неблагопріятныя извѣстія относительно кредитоспособности и состоятельности торгово-промышленныхъ лицъ и учрежденій впредь до признанія ихъ несостоятельными по суду. — 27 Марта 1884 года.

14. 14 Декабря 1892 г. — О запрещеніи 1) печатать извѣстія, касающіяся внутренней жизни учебныхъ заведеній, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учебнаго начальства и 2) обсуждать дисциплинарныя наказанія, налагаемыя на воспитанниковъ этихъ заведеній.

15. 16 Марта 1893 г. — 1) о запрещеніи газетамъ и журналамъ печатать какія либо самостоятельныя свѣдѣнія о засѣданіяхъ Комитета Сибирской желѣзной дороги и 2) о предоставленіи редакціямъ права заимствовать означенныя свѣдѣнія исключительно изъ «Правительственнаго Вѣстника», а равно и обсуждать лишь тѣ изъ бывшихъ на разсмотрѣніи Комитета обстоятельствъ, о которыхъ объявлено въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

16. 1 Іюня 1894 г. — О запрещеніи печатать сенсаціонныя телеграммы, получаемыя редакціями отъ неизвѣстныхъ имъ лицъ.

17. 18 Апрѣля 1895 г. — О запрещеніи печатать свѣдѣнія о состоявшихся послѣ указаннаго закономъ часа для окончанія биржи сдѣлокъ на процентныя бумаги.

18. 29 Апрѣля 1895 г. — О запрещеніи печатать статьи, касающіяся внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ частей и могущія колебать основы военной дисциплины.

19. 2 Ноября 1895 г. — О запрещеніи печатать свѣдѣнія о передвиженіи нашихъ судовъ и морскихъ командъ въ Черномъ морѣ.

20. 8 Іюня 1896 г. — О запрещеніи печатать статьи, трактующія о безпорядкахъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и объ отношеніяхъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ.

21. 9 Іюля 1896 г. — О запрещеніи печатать въ періодическихъ изданіяхъ слухи различныхъ назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по государственной службѣ.

22. 9 Іюля 1896 г. — О помѣщеніи въ частныхъ періодическихъ изданіяхъ актовъ отъ Высочайшихъ Особъ исходящихъ не прежде опубликованія ихъ въ оффиціальныхъ изданіяхъ, или не иначе, какъ всякій разъ съ особаго на то разрѣшенія Министра Императорскаго Двора.

23. 29 Октября 1896 г. — О соблюденіи установленнаго порядка при печатаніи отчетовъ о засѣданіяхъ С.-Петербургской Городской Думы, а также сужденій, преній и рѣчей участвующихъ въ этихъ засѣданіяхъ гласныхъ.

24. 4 Января 1897 г. — О запрещеніи печатать какія либо статьи, замѣтки и разсужденія о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и отношеніяхъ фабричныхъ рабочихъ къ фабрикантамъ-хозяевамъ.

Приводимъ циркуляры, разосланные по редакціямъ въ послѣдніе мѣсяцы, начиная съ 20-го ноября 1896 года по 24-е марта 1897 года.

20 ноября 1896 г. № 7565. На основаніи 140-й ст. Устава о цензурѣ и печати, по распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, воспрещается впредь до особаго распоряженія печатать извѣстія о происходящихъ въ Московскомъ университетѣ безпорядкахъ.

25 ноября 1896 г. № 2383. Согласно распоряженію Главнаго Управленія по Дѣламъ Печати, С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ имѣетъ честь предъявить редакціямъ повременныхъ безцензурныхъ изданій циркуляръ Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 26 октября за № 2374 относительно печатанія извѣстій о дѣятельности Переписныхъ Коммиссій по предстоящей народной переписи и покорнѣйше просить редакціи ознакомиться съ содержаніемъ циркуляра и не допускать въ своихъ изданіяхъ, при печатаніи статей о переписи, отступленій отъ требованій, въ немъ изложенныхъ.

Циркуляръ. По имѣющимся свѣдѣніямъ, значительный интересъ, проявляемый образованнымъ обществомъ къ предстоящей первой всеобщей переписи населенія, даетъ возможность преду-

сматривать, что редакціи мѣстныхъ газетъ будутъ стараться давать своимъ читателямъ какъ можно болѣе свѣдѣній о ходѣ этого дѣла и какъ можно ранѣе сообщить имъ о результатахъ переписи.

Имѣя въ виду, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго 5 іюня 1895 г. Положенія о первой всеобщей переписи населенія Россійской Имперіи, на мѣстныя переписныя коммиссіи возлагается только подсчетъ итоговъ мѣстнаго населенія, съ распредѣленіемъ его на мужской и женскій полъ (статьи 36 и 38); статистическая же разработка данныхъ переписи возложена на Центральный Статистическій Комитетъ (ст. 40), а собранныя свѣдѣнія разработкѣ на мѣстахъ не подлежатъ (ст. 41), — не усматривалось бы особыхъ препятствій къ появленію въ мѣстныхъ частныхъ газетахъ выведенныхъ мѣстными переписными коммиссіями, по окончаніи переписи, общихъ итоговъ мѣстнаго населенія съ распредѣленіемъ его на мужской и женскій полъ; печатаніе же даже этихъ общихъ итоговъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и другихъ оффиціальныхъ изданіяхъ, прежде повѣрки итоговъ въ Главной Переписной Коммиссіи и опубликованія ихъ ею, не должно быть допускаемо.

Что же касается сообщенія въ газетахъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ мѣстныхъ переписныхъ органовъ въ настоящее время и во время производства переписи, до окончанія таковой, то, принимая во вниманіе, что таковыя сообщенія и обсужденія вообще едва-ли могутъ принести пользу, а въ случаѣ ихъ ошибочности, односторонности и даже неясности изложенія, въ особенности же при неосторожномъ обращеніи съ печатнымъ словомъ, могутъ не только нарушить правильный и спокойный ходъ переписной операціи, но и вызвать недоразумѣнія и создать мѣстнымъ переписнымъ органамъ затрудненія въ исполненіи ихъ обязанностей, — я признаю безусловно необходимымъ не допускать въ печати таковыхъ сообщеній и обсужденій, впредь до окончанія на мѣстахъ всей переписной операціи, т. е. до 1 февраля 1897 г.

4 декабря 1896 г. № 8020. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появится сообщеніе о бывшихъ въ недавнее время безпорядкахъ среди студентовъ Императорскаго Московскаго Университета. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, приглашаетъ господъ редакторовъ періодическихъ изданій перепечатать это правительственное сообщеніе полностью, безъ всякихъ измѣненій, въ ближайшихъ №№ редактируемыхъ ими изданій.

Въ виду вышеизложеннаго предоставляется редакціямъ газетъ, не стѣсняясь состоявшимся 20-го минувшаго ноября распоряженіемъ, обсуждать опубликованныя событія на почвѣ фактовъ, выясненныхъ въ правительственномъ сообщеніи.

3 декабря 1896 года № 7983. Для предупрежденія появленія неправильныхъ слуховъ и толкованій о ходѣ переписи, могущихъ повредить правильному ея теченію, редакціи столичныхъ повременныхъ изданій симъ, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ дополненіе къ объявленному имъ С.-Петербургскимъ Центральнымъ Комитетомъ разъясненію по этому предмету, приглашаются публиковать всякія свѣдѣнія, относящіяся до переписи, не иначе, какъ съ предварительнаго разрѣшенія Г-на Вице-Предсѣдателя Главной Переписной Коммиссіи.

4 января 1897 г. № 108. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, предлагаетъ господамъ редакторамъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не допускать помѣщенія въ редактируемыхъ ими изданіяхъ никакихъ статей, замѣтокъ и разсужденій по рабочему вопросу.

15 января 1896 года № 350. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, приглашаетъ господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій помѣщать, въ редактируемыхъ ими изданіяхъ, сообщенія о докладахъ, преніяхъ и постановленіяхъ Высочайше разрѣшеннаго съѣзда по обсужденію мѣръ противъ сифилиса въ Россіи, не иначе, какъ по предварительномъ представленіи означенныхъ свѣдѣній, хотя бы въ корректурахъ, на разсмотрѣніе Директора Медицинскаго Департамента.

Конфиденціально.

16 января 1897 г. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, приглашаетъ господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не помѣщать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ *безусловно* никакихъ извѣстій, замѣтокъ и упоминаній о пріѣздѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Михаиловича въ Россію, о пребываніи его здѣсь и обратномъ отъѣздѣ за границу.

30 января 1897 г. № 870. Въ виду предстоящаго слушанія въ С.-Петербургской судебной Палатѣ дѣла по апелляціонной жалобѣ гласнаго С.-Петербургской Городской Думы Е. И. Кедрина на рѣшеніе С.-Петербургскаго Окружного Суда и въ дополненіе къ циркуляру отъ 31 октября 1896 г., временно исполняющій обязанности Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати покорнѣйше проситъ господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не печатать статей и отчетовъ по упо-

мянутому дѣлу, ранѣе объявленія рѣшенія Судебной Палаты въ окончательной формѣ.

31 января 1897 года № 900. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, симъ поставляетъ въ извѣстность господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій, что объявленное имъ распоряженіе Главнаго Управленія отъ 3-го декабря 1896 года, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, нынѣ отмѣнено.

10 февраля 1897 г. № 1190. Главное Управленіе по дѣламъ печати покорнѣйше проситъ господъ редакторовъ безцензурныхъ періодическихъ изданій не помѣщать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ изложенія обстоятельствъ и постановленія Тамбовскаго Губернскаго Дворянскаго Собранія по дѣлу Вельяминова и Кожина, разсмотрѣнному при закрытыхъ дверяхъ 9 сего февраля.

24 февраля 1897 г. № 1549. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилась на дняхъ замѣтка о предстоящемъ судебномъ разбирательствѣ несостоятельности „Россійскаго Торговаго и Коммиссіоннаго банка“, при чемъ этотъ банкъ неточно названъ „Русскимъ торгово-промышленнымъ и коммиссіоннымъ“.

Въ виду того, что подобная неточность можетъ повести къ нежелательнымъ недоразумѣніямъ въ публикѣ по отношенію къ сходному по названію съ несостоятельнымъ банкомъ „Русскому Торгово-Промышленному Коммерческому Банку въ С.-Петербургѣ“, Главное Управленіе по дѣламъ печати приглашаетъ господъ редакторовъ безцензурныхъ изданій, при помѣщеніи въ нихъ всякаго рода извѣстій и статей по поводу несостоятельности банка, *точно* указывать его названіе.

24 марта 1897 года. № 2472. Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи ст. 140 Устава о цензурѣ и печати, приглашаетъ господъ редакторовъ періодическихъ изданій не помѣщать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ никакихъ статей и замѣтокъ, касающихся службы врача ***Моллесона*** въ Саратовской женской фельдшерской школѣ, за время управленія этой школой Г. Моллесономъ.

Въ началѣ 1897 года вышла въ свѣтъ брошюра: „Сборникъ циркуляровъ и распоряженій по дѣламъ печати, объявленныхъ инспекторами типографій содержателямъ заведеній печати г. С.-Петербурга. Съ 1882 по 1897 г. Составилъ И. П. Карамышевъ. С.-Петербургъ. Паровая Скоропечатня М. М. Гутзацъ, Шпалерная 26. 1897 г.“ 60 стр. Цензурное дозволеніе дано въ С.-Петербургѣ 20 декабря 1896 г. Въ предисловіи заявлено слѣдующее: „Предназначенный исключительно для петербургскихъ ти-

нографій и литографій, сборникъ этотъ отпечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (300) и въ продажу въ книжные магазины не поступитъ".

Оффиціальное происхожденіе брошюры не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней мы находимъ нѣсколько весьма любопытныхъ циркуляровъ. Однимъ изъ нихъ (№ 9 Циркуляръ Инспекторамъ 1 декабря 1887 года, подтвержденный 20 іюня 1888 г.) требуется, чтобы на заглавныхъ листахъ переводныхъ книгъ, кромѣ русскаго заглавія, обязательно стояло и подлинное (циркуляръ этотъ не исполняется). Слѣдующій (№ 10) циркуляръ запрещаетъ печатаніе одной книги по частямъ сразу въ нѣсколькихъ типографіяхъ; „въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда такое печатаніе вызывается обширностью книги и спѣшностью работы", предписывается входить съ особымъ прошеніемъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати; въ циркулярѣ не объяснено, черезъ сколько мѣсяцевъ Главное Управленіе соблаговолитъ отвѣтить на подобное прошеніе, посланное, напримѣръ, изъ провинціи (циркуляръ Инспекторамъ 1 марта 1889 г.).

№ 42. По приказанію Г. Градоначальника, содержатели заведеній печати въ столицѣ симъ обязываются:

1) При печатаніи объявленій о смерти евреевъ слово: панихида замѣнять словами: заупокойное богослуженіе.

2) Не принимать для печатанія въ газетахъ и журналахъ объявленій о пріемѣ находящеюся въ Царскомъ Селѣ ламповою фабрикою Страковскаго заказовъ на лампы безъ стекла (циркуляръ Инспекторамъ 1 мая 1893).

№ 48. С.-Петербургскимъ Цензурнымъ Комитетомъ замѣчено, что типографіи не испрашиваютъ новаго дозволенія цензуры на отпечатаніе отдѣльными брошюрами и оттисками статей изъ періодическихъ изданій, а имѣя дозволеніе на напечатаніе статьи въ газетѣ или журналѣ, прямо изготовляютъ отдѣльное изданіе и представляютъ подлежащему цензору брошюру на выпускъ въ свѣтъ. Между тѣмъ могутъ быть случаи, когда статья, по особымъ соображеніямъ, хотя и можетъ появиться въ журналѣ, но отнюдь не можетъ быть допущена отдѣльною брошюрою, при чемъ дозволеніе иной статьи можетъ послѣдовать въ зависимости отъ числа предполагаемыхъ оттисковъ. Точно такъ-же замѣчено, что типографіи, изготовляя отдѣльные оттиски журнальныхъ статей, печатаютъ число и мѣсяцъ дозволенія не тѣ, которые даны цензоромъ на напечатаніе отдѣльнаго оттиска, а то число и мѣсяцъ, въ которые послѣдовало дозволеніе на печатаніе статьи въ журналѣ или газетѣ,—изъ чего слѣдуетъ заключить, что оттиски изготовляются тогда, когда дозволенія на это типографіи еще не имѣютъ.

Такъ какъ такіе факты порождаютъ на практикѣ разнаго рода недоумѣнія и никакъ не могутъ быть оправданы требованіями цензурныхъ правилъ, составляя прямое ихъ нарушеніе, то Цензурный Комитетъ проситъ объявить заведеніямъ печати: 1) что статьи періодическихъ изданій могутъ быть печатаемы отдѣльными брошюрами не иначе, какъ по полученіи на это особаго разрѣшенія цензуры, и 2) что дозволеніе цензурное на такихъ брошюрахъ должно ставиться не то, которымъ дозволена статья къ печатанію въ номерѣ журнала или газеты, а то, которое дано будетъ цензурою для отдѣльнаго оттиска (циркуляръ Инспекторамъ 11 іюня 1894 г.).

№ 52. Во исполненіе циркуляра Главнаго Управленія по дѣламъ печати отъ 20 января 1893 г. за № 487, симъ объявляется содержателямъ заведеній печати, что Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ призналъ необходимымъ воспретить печатаніе отчетовъ товариществъ сахарныхъ заводовъ юго-западныхъ губерній на польскомъ языкѣ, какъ отдѣльно, такъ и на ряду съ русскимъ текстемъ (цирк. Инспекторамъ 5. февр. 1893 года).

№ 67. Въ цензурной практикѣ замѣчено, что нѣкоторыя типографіи столицы, по собственнымъ побужденіямъ или по настоянію издателей, позволяютъ себѣ, по полученіи цензурнаго дозволенія на печатаніе сборника статей одного или нѣсколькихъ авторовъ, самовольно, безъ спроса о томъ подлежащаго цензурнаго учрежденія, раздроблять статьи и печатать каждую изъ нихъ отдѣльною брошюрою, а не весь сборникъ отдѣльнымъ томомъ. Не говоря уже о томъ, что при такомъ образѣ дѣйствій страдаютъ интересы казны, ибо при печатаніи отдѣльною брошюрою каждой статьи, всякая изъ нихъ должна получить отдѣльное цензурное дозволеніе и, слѣдовательно, оплачиваться гербовымъ сборомъ, — весьма часто страдаютъ интересы цензуры, ибо не всегда статья, терпимая въ сборникѣ, можетъ быть допущена къ выходу дешевою и легко доступною брошюрою.

Въ виду изложеннаго, С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ проситъ объявить содержателямъ заведеній печати, чтобы они не позволяли себѣ дозволенные къ печати сборники статей одного или разныхъ авторовъ самовольно раздроблять на отдѣльныя части или отдѣльныя брошюры, а печатали таковые сборники цѣликомъ, въ одномъ томѣ, какъ дозволила цензура. Въ случаѣ же желанія типографіи или издателя печатать статьи изъ такихъ сборниковъ отдѣльными брошюрами или раздробить сборникъ на отдѣльные томы или части, они обязаны всякій разъ испрашивать на это дозволеніе цензуры (циркуляръ Инспекторамъ 19-го декабря 1894 г.).

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ